

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

84/2 Рос-Рус/6

С 50

1000 ШАГОВ К САМОТЛОРУ

18
14
2.
d
15
1

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

2008 18/01-20	2011
14/01-2085	19.05-23746
	<u>2012</u>
2.03. -10343	15.05 - 25
0007	<u>2021</u>
24.00 -10345	17/04 - 53638
20102	17.07 - 53639
15/05-13746	

ВІСЬ МІЗНЕВАРТОВСЬК

№1805711060№

84(2Рос-Руч)6

С 50

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

1000 ШАГОВ К САМОТЛОРУ

ОЧЕРКИ

✓
Нижневартское
МУ "БИС"
инв. № 413562/Р-1

✓
+
- КО

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1975

P2
C50

Смирнов Н. П.

С 50 1000 шагов к Саянскому. Книга очерков. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1975.

176 с. с ил. + вкл.

Книга очерков о первопроходцах-строителях железной дороги сквозь непроходимую тайгу, по топям и болотам, к Саянскому. Люди эти, чье мужество рождалось в ежедневном преодолении трудностей, близки по духу автору, прошедшему вместе со своими героями этот путь.

С 0732—053
М 158(03)—75

P2

© Средне-Уральское
книжное издательство, 1975

ДВЕ СВАДЬБЫ

Перед началом фильма «Тажный десант» в тюменском кинотеатре «Космос» объявили:

— Уважаемые зрители! Фильм, который вы сейчас увидите, посвящен создателям легендарного Абакан — Тайшета, прибывшим на нашу землю, чтобы протянуть от областного центра

на север, до Самотлора, железную дорогу. Перед вами выступит представитель управления Тюменьстройпуть.

На сцену взбежал осанистый, с тугими вихрами волос мужчина. Зычно, убеждающе заговорил:

— Да, нелегко досталось! Семьсот километров тайги, гор — семь лет труда! Все преодолели первопроходцы трассы мужества. О них написаны песни, книги, сняты кинокартины, но еще более трудный поход предстоит им здесь, в нефтяном краю. И он уже начался.

Когда этот человек сошел со сцены, я обратился к нему. Он понял.

— Поработать на трассе?.. Это можно. Чего-чего, а трудностей хватает. Но и товар стоит затрат... — И привел меня в отдел кадров управления.

Так я стал лесорубом.

В Тюмень из Сисима, той знаменитой магистрали в Саянах, прибыла бригада из 269-го строительного-монтажного поезда, и я присоединился к ней. До места будущей стоянки СМП добирались на «атээлке» — легком артиллерийском тягаче — по нескончаемо-длинному Тобольскому тракту, пересекли Тобол и поздно вечером затормозили с краю деревни Мазурово. Выбравшись из-под брезентового тента, мы приплясывали, разминались после долгого сидения. Ладно сбитый, чуть выше среднего роста бригадир приоткрыл калитку дома, подозвал показавшуюся из сеней хозяйку.

— Где найти председателя колхоза? Строители железной дороги мы. С квартирой бы определиться.

— Нет его. Кажись, в области на пленуме, — женщина оглядывала гостя из-под надвинутого на лоб полушалка. — Я сбегая за его заместителем, а вы пока что заходите в избу, отогревайтесь. Ваши-то из управления уже заглядывали ко мне, говорили: дорогу строить будут...

— Вот-вот! — обрадовался бригадир. — А мы первые ласточки. Десантом это у нас называется.

— Пожалуйте в тепло, — пригласила опять женщина. — Не стесните, одна я.

Мы последовали за хозяйкой; свалив у порога вещмешки, чемоданы, расселись по лавкам. Хозяйка скоро вернулась с неказистого вида мужичком в заячьем треухе. Пожевав губами, тот невозмутимо спросил:

— Значит, дорогу собираетесь ладить?

— На Сургут, — подтвердил бригадир.

— Бумаги какие есть?

Бригадир протянул ему ходатайство администрации поезда; мужичок сразу подобрел.

— Другой коленкор. А то ведь слова к делу не пришьешь. Марья, возьмешь постояльцев?

— Да хоть постояльцев, хоть постоялок. Смотришь, по домашности помогут,— подвела подоплеку хозяйка.

— Вот хоть этих,— указала на сидевших рядом. Одна из девушек, в шапке-ушанке, стеганых ватных брюках и телогрейке, бойко щелкала кедровые орехи, отправляя скорлупу в карман. Другая держалась как-то отрешенно, переминала в пальцах меховые рукавички. Похоже, они-то и занимали ее больше всего.

— Для постояльцев найдется боковушка, трое заселяйтесь.

В боковушку — пристрой к основной избе — угодил я с машинистом бензопилы «Дружба» Мишей Варлаковым и его вовсе молодым, атлетического сложения подручным Лешкой Гулаком, приставшим к бригаде тоже в Тюмени.

Когда изба опустела, хозяйка захлопотала возле печи, доставая чугунок со щами, раздула самовар и принялась накрывать на стол. Чуть печальный ее взгляд постоянно обращался то на нас, то на девушек.

— Будьте как дома. Все одна да одна я, словом не с кем перемолвиться. Звать-то вас как?

— Верка! — не замедлилась с ответом щелкающая орехи.

— Аня, — тихо произнесла ее подруга.

— Меня кличьте попросту тетей Маней, — и с чисто женской расположенностью поинтересовалась: — Незамужние?

— Ищем! — отозвалась переодевавшаяся за ситцевой занавеской Верка.

— Ну вот еще, — смутилась Аня. — Еще вправду люди подумают... — Ее лицо густо залило румянец. Тут Верка метеором вырвалась из-за занавески, обхватила Аню за шею, закурила по комнате: «С новосельем! С новосельем!» Из угловатой, неброской, в синем спортивном трико она обратилась в весьма стройную, симпатичную девушку. Все в ней дышало молодостью, энергией.

Сели к столу. Тетя Маня сама к еде прирагивалась мало, больше сообщала о себе: как провожала мужа на фронт, как справлялась с колхозной работой. Двадцать лет пробыла дояркой. Доводилось и жать, и сено косить. Зерно на мельнице-ветрянке молотить. Чего только не переделала за свою жизнь.

Особенные, взволнованные нотки обозначились в голосе, когда упомянула о муже.

Порывшись в комод, тетя Маня извлекла несколько фотографий:

— Вот он, муженек мой.

С фотографий то улыбающийся, то натянуто-серьезный, с пышным, напущенным к виску чубом смотрел широколицый крепыш. В глазах размашисто-озорное, удалое.

— Боевой был. — Убили фрицы, и уж не вышла больше замуж...

Аня, сославшись на головную боль и усталость, отодвинула стакан с недопитым чаем.

— Я, пожалуй, прилягу.

— И то правда, — согласилась тетя Маня, — не грех после странствия отдохнуть. Располагайтесь вон на кровати с Верунькой, обе на ней уместитесь.

Едва коснувшись подушки, Аня притихла. Сон сморил ее сразу.

...Ей едва исполнилось восемнадцать, когда познакомилась с Анатолием. Они оба тогда учились на механизаторских курсах. Через несколько месяцев поженились, а вскоре получили дипломы механизаторов широкого профиля.

С гор Саянских по-прежнему тянуло холодом. Но уже хмельной весенней влагой насыщался воздух, и к вечеру на карнизах домов свешивались длинные звонкие сосульки. Аня каждый новый день встречала с радостью: должен был появиться ребенок.

Незадолго до того как родилась Светка, Анатолия призвали в армию. Аня хотела вернуться к отцу в Слюдянку, но передумала: как-нибудь перекоротает два года.

Но после демобилизации Анатолий к Ане не вернулся.

Первое время жила как в тумане. К отцу все-таки не поехала: не хотела, не могла появиться перед ним несчастной. Сторонилась людей.

Утратилась вера в мужскую порядочность — все они одним миром мазаны. Вот разве что Миша Варлаков... Бесхитростный, прямой, он чем-то затрагивал ее. Она не сознавала вполне — чем, но тянулась невольно к бойкому на слово и в работе «дружбисту». Обрадовалась, когда выбор тети Мани пал на него: теперь они совсем рядом. Ане стало как-то покойней, уютней от этого... Да и Верка помогала ей чем могла.

Утром Аня проснулась от легкого прикосновения — ее будила тетя Маня:

— Пора вставать, дочка.

Это обращенное к ней «дочка» растрогало. Как в детстве.

Ласковые мамины руки касались ее; на маме опрятное ситцевое платье, глаза всепонимающие, заботливы.

Когда-то, измазанная чернилами, с потрепанным портфельчиком, Аня прибегала из школы и поверяла без утайки про отметки в дневнике, классные и неклассные новости. Озябшая, летала на санках с горки. Мать брала ее за руку и вела домой отогреться, Анютка шагала гордая от сознания — с мамой...

Аня помедлила, потянулась под одеялом и, как когда-то в детстве, порывисто вскочила. Верка уже плескалась у рукомойника, мурлыча:

Где-то посредине земли
Люди все мосты развели...

Ее, завязтую плясунью, певунью, заводилу поездной самодеятельности, за пристрастие к сцене прозвали «артисткой», и не просто артисткой, а «заслуженной». Благодаря энтузиастам, подобным Верке, благодаря тому, что собираются на трассу люди из самых разных мест, песни и танцы узнаются даже скорее, чем в городе. Это объясняется и потребностью новизны в однообразной трассовой обстановке.

Новизна сопутствует всякому перемещению, создает ожидание перемен. Но вряд ли кто из нас в те дни понимал значительность момента. Все заполнили хлопоты новоселья, приготовления к работе. Обнаружилось, что «Дружба» барахлит, а запчастей где взять? Миша Варлаков, резкий, с диковатыми глазами на энергически-нервном, сухощавом лице, рассуждал, когда собрались возле тягача:

— Уж как не повезет, так не повезет. То стартер поломается, то цилиндры изнасятся. Цепь в утиль сдавать можно. А где раздобудешь необходимое да еще в чужом месте?

— Не расхолаживай коллектив,— осек Мишу подошедший бригадир.— Коли расписался в бессилии, бери в руки топор и руби сучки. Идеального не жди.

— Я и не жду,— оцетинился Миша. Его сухощавое лицо побледнело.— Я что, хуже других на Абакан — Тайшете вкальвал?

— Так то было... Без бензопилы нам туго придется, а без внутрибригадной спайки — того плоше. А мы должны до прибытия сюда мехколонн расчистить полтора десятка километров просеки.

— Убедил! — недовольно буркнул Миша, перемахнув через борт кузова «атээлки» под брезент.— Тебе бы только ораторствовать, кого хочешь заговоришь.

За Варлаковым последовали остальные. Бригадир занял место рядом с водителем. «Атээлка» подала голос, вздрогнула и, словно ободрившись, загремела, зарокотала на повышенных тонах. Погоняв двигатель вхолостую, водитель пустил тягач по улице. С ревом тот вырвался за околицу, пропечатывая гусеницами наезженный санный путь. По металлической облицовке, по брезенту частила, разрывалась белыми фонтанчиками снежная крошка. Позади белым веером разворачивался пустырь.

Аней овладело безмятежное состояние — никаких тебе треволнений, лишь движение, движение куда-то. «Атээлка» торопилась меж рыжевато-золотистых сосен, похожих на стрельчатые соборные колонны, отражающие машин-

ный гул и усиливающие его. От этого бор говорил чудовищным суматошным языком. На ухабах-выбоинах тягач сильно кренило, отчего сосняк перекашивался на сторону, но стоило тягачу выровняться — сосняк выравнивался тоже. Опять набатно гудела литая медь стволов.

И, точно устав от шума, властного чужого присутствия, бор отстал, уступил место березняку с примесью душлистых разлапистых осин. Уже и санный путь потерялся, гусеницы пахали целину, подминали молодой древесный подрост. Всевластная обузданная мощь металла! Всем своим существом Аня осызала клокощущую энергию машины, каждый ее вздрог отдавался воспоминаниями...

Отец Ани, паровозный машинист, иногда брал ее с собой в поездки.

Паровоз тянул вагоны над беспокойным, мятущимся озером, вбегал в сводчатокруглые, наполняющиеся непрерывным грохотом тоннели. Всполохами мелькали в нишах фонари, и чернота между ними. Гулкость и чернота. После нее особенно слепящим казался день — снова тайга с припадающими к насыпи станциями, разъездами, с прочерками речек и озер.

Поездки эти вселили в Анютку странную беспокойность. Однажды она сказала об этом отцу:

— Хочется иногда мчаться за край земли, далеко-далеко. Хочется узнать, что там.

Отец объяснил ей по-своему:

— Это оттого, что ты дочь машиниста паровоза, в меня, значит, удалась. Я сам дошлый до всего, поезжено, повидано немало. Жаль, не женская профессия, не то водить бы тебе составы.

Она училась в девятом классе, когда умерла мать. После похорон Аня заявила:

— В школу больше не пойду! Буду работать!

— Какой еще из тебя работник, щи ложкой хлебать, — возразил отец. — Мала еще. Никуда не пойдешь.

— Уйду из дому, — коротко отрезала Аня.

Это, пожалуй, наихудшее из всего, чего опасался отец, — одиночество. И он уступил.

Как раз в Слюдянке обосновались электрификаторы самой длинной в мире магистрали Москва — Владивосток — участок под Иркутском. Ее приняли землекопом — рыли ямы для опор электролинии. Были, как водится, болючие кровяные мозоли, едкие шуточки, но бригадир, тогда еще совсем молодой, еще комсомолец, поддерживал Аню, хвалил за старание, учил одолевать трудное.

Зимой земля скипалась кремнем — по частичке отколуывали. Приходилось и за лом браться. Бригадир прикинет возможности каждого: «Тебе столько-то, а тебе столько-то сделать» — и никаких понуканий. Себе скидок тоже не давал, наравне со всеми старался. Появлялось от этого желание выполнить задание, не осрамиться.

После механизаторских курсов Аня водила вот эту самую «атээлку». Перед одной из поездов прочитала письмо от Анатолия, только что полученное, — руки сразу утратили послушность. На повороте дороги тягач занесло над обрывом, и он обрушился в речку. Благо, неглубоко. Аня выбралась на широкую, лобастую, как отглаженный валун, кабину. Падение было так неожиданно, что она не успела даже

испугаться. Выпрыгнувший из кузова Миша Варлаков суетился обеспокоенно наверху.

— Малость погоди.— Он чертыхнулся, сламывая под корень сосенку.— И как тебя угодзило, не выспалась, что ли? В Крольском сухие спецовки ждуд, продукты, а мы загорай тут...

Аня молчала. Машинально ухватила за протянутую сосенку, вскарабкалась по отвесной стене. Возле остановился самосвал, переправили в него груз из «атээлки», и Миша укатил к тоннелю, где засорились дренажи и Крольский начало заливать водой, грозя смыть полотно.

Вторые сутки бригада, валясь от усталости, боролась в ледяных потоках. Промедли чуть — и поздно будет. Привязавшись веревкой, бригадир несколько раз нырял в колодцы для слива воды, нащупывал там пробки, разбираал их. И в такой-то момент авария!

Начальник поезда разозлился:

— «Атээлку» сдай Гардеину и — в путейцы либо совсем увольняйся. Мне ротозеи не нужны.

Снова она не уехала из Саян: проснулось упрямство — идти наперекор неудачам. В путейцы так в путейцы. Она скоро полюбила протяжный гул рельсов перед надвигающимся составом, едкий запах креозота, пропитавшего шпалы, гравийный насыпной слой, даже воздух. После Абакан — Тайшета Аня хорошо знала, как долог, выматывающ путь к этому — к гуду рельсов и спешащих по ним составов; его предстоит повторить на новой трассе. К отцу она завернула по пути в Тюмень. Пока освоятся, пусть Светка побудет у него...

...«Атээлка» остановилась. Наступившая резко тишина вернула Аню к реальности. Вместе со всеми она выбралась из-под тента и сразу очутилась по пояс в снегу. Утоптала «пятачок» под ногами. Миша уже прилаживался разжечь костер, без костра что за работа! К нему собираются на перекур, возле него полдничают. Он — место привала.

Пока бригадир разыскивал ось трассы, рулеткой вымерял границы рубки, Миша затесал топором березу и химическим карандашом вывел: «Здесь мы, абакан-тайшетцы, начинали Севсиб. Даешь «железку!» и дата: «Февраль 66-го года».

— «Здесь будет город заложен!» — весело констатировал Лешка Гулак, отныне подручный нашего бензопильщика. Разогревшись, он сбросил телогрейку и, то ли от избытка энергии, то ли просто от переполнявшего душу восторга, сунул в рот два пальца и лихо, по-молодецки свистнул. Уже работа овладела лесорубами, они с удовольствием отдавались ей.

Миша с Гулаком скоро оторвались от сучкорубов и были довольны этим.

— Покажем, как «Дружбой» пользоваться, перекроем наши заржавелые скорости! — с явным расчетом, чтоб услышал бригадир, проорал Миша. Его самолюбие страдало после утренней отповеди. Тонкие раскрылья Мишиного носа то сужались, то расширялись в такт дыханию, подрагивали, а чуть выдавшиеся из орбит глаза еще больше подчеркивали диковатость.

Когда собрались перекусить у костра, Миша скрутил внушительных размеров сигарку и смачно затянулся махоркой. На Абакан — Тай-

шет Миша пожаловал по комсомольскому набору. Быстро прижился. Его считали своим парнем, хотя порой и недолюбливали за неуравновешенный вольный нрав, порой иронизировали над ним. Миша любил поразглагольствовать, не поймешь, где в шутку, где всерьез. Из-за этого — неприятные размолвки с бригадиром.

— Говорят, нефти на Севере — тьма, целые озера под землей. Деревья так ею напитываются, что стоят черные. Подсочи любое, полное ведро нефти натечет, — куролесил Миша.

— Насчет черных деревьев ты, конечно, подзагнул, — принял очередную Мишину вылазку бригадир, — но нефти действительно много. Она и запросила дорогу до Нижневартовска. Но что значит дорога до Нижневартовска?! — это тысячи километров тайги, рек и речек, а главное — топей!

— Ничего, покорили горы, покорим и топи! — заражаясь значительностью темы, посерьезнел Миша.

— Одним махом тут не побивахом. Непростое дело затеяли. Сколько изведать придется! Дотянем ли до финиша?

— А то нет! — уверенно заявил Миша. — Не боги горшки обжигают.

Примолкли. Лес, успокоенный наступившим затишьем, шумел ровно, негромко; попискивали синицы, и горьковатость осин мешалась со сладковатым березовым ароматом. И мы, заброшенные в нехоженность, дремучесть, поняли вдруг, сколько рывков может быть впереди, и важность момента осознали...

В кастрюле вскипел чай. Опорожнили посудину, и возобновились взвизги пилы и перестук

топоров, а лес забормочал глухо, угрожающе, заходил в вершинах деревьев ветер.

Темнело. Зимний день истекает быстро. Мы пробивали все дальше полосу просеки. Аня настолько увлеклась, что не обратила внимания на предостережения пильщиков — возле просвистела древесная корона. Волнению Миши не было предела, он даже пилу отставил, спрашивая: «Не ушибло? Наверное, испугалась?» И пытливо смотрел ей в глаза. Аня успокаивала, а он все свое: «Не ушибло? Наверное, испугалась?»

Хорошо среди своих! Спутанное настроение после разлуки со Светкой унялось. Бодрость вливается в тело, и оно с готовностью выполняет нужные движения. Топор не кажется тяжелым, надоевшим, снег — глубоким, а сучья — раздражающе-непокорными; товарищи, дорогие и близкие, таят за колючестью слов доброту и внимание. Она хорошо понимает их, понимает по-своему, как-то изнутри. Отличны они один от другого. Но есть у них общее — трасса. Бригадир всегда сосредоточен на главном, предан делу. Уж он-то знает, в чем смысл жизни! Мать постоянно зовет домой: невоюют с хозяйством управляться, а он не решится никак расстаться с кочевым своим бытием, хоть и помучивает после Крольского тоннеля ревматизм. Миша не в меру горяч, бесхитростен. Его ершистость больше показная. Ну, и, конечно, милая сердцу Верка...

Все годы после разрыва с Анатолием работа спасала Аню от хандры, уныния, возбуждала ум, укрепляла волю, была главным в ее жизни. От дождя, солнца, секущего снега, от хлестких саянских ветров лицо покрылось не-

сходящей смуглостью, обветрело. Чем только не довелось заниматься Ане. Она — землекоп, механизатор, путеец... После нее загудели провода высоковольтных передач, и отцу пришлось пересесть на электровоз; в Саянах она запустила составы с рудами и пассажирские — разве это не счастье!

Лешка быстро освоился среди лесорубов, авторитетно рассуждал о важности железной дороги для Севера, о шестикилометровом Еланском болоте, которое предстоит одолеть. Летом по нему пешком едва проберешься, как же тогда полотно с рельсами прокладывать? Лешка так наловчился работать «Дружкой», что расположил к себе бригадира. Более того, в деревне раздобыл два комплекта новеньких цепей, еще кой-какие детали, отладил «Дружку» заново.

— Тебе и орудовать ей! — решил бригадир. — Варлаков для пользы дела в помощники.

Помрачневший Миша взялся за «вилку» — шест с двузубцем на конце, которым толкают подпиленное дерево в нужную сторону. Однако Лешка не подразделял строго обязанности, менялся с Мишей местами и тем примирил Варлакова с собой. Действовали споро, будто состязались в проворстве.

Бригадир побрякивал:

— Этак пяток километров за месяц дадим или того больше. — Хвалил пильщиков: — Отличаетесь, ребятки!

Заедінщики и ухом не вели: мол, сами с усами, знаем. У них завелись тайны насчет охоты. С видом завязтых промысловиков рассуж-

дали о явно преувеличенных трофеях, вроде: «такого мошника ссадили в бору — ого! В пуд весом! (это о глухаре); о рыжей зимней лисице: «алым полымем расплеснулась по белому»; о зайце: «устремглавил косоглазый». Доставка-лось и медведям, лишь по чистой случайности не попавшим на мушку.

На трассе, в постоянной оторванности от большого цивилизованного мира, при однообразном повторяющемся производстве, весельчаки скрашивают повседневность.

К великому удовольствию девчат, Миша достаёт из потертого футляра гармошку и наигрывает бог весть какую плясовую; Верка втягивает в круг Гулака. Тот смущается возле бойкой партнерши. Уверенней Верку поддерживает бригадир, с притопом, припевом выделяет коленца:

Ах, топы, топы, топы,
Что наделали попы!..

Аня скромничала, скромничала и, тоже увлекшись, пустилась мелкой приступочкой.

Когда-то, еще при матери, в их домике на окраине Слюдянки собирались гости. Отец брал «хромку» и, подобно Мише, наигрывал «барыню» либо «цыганочку». От топота ног сотрясались стены, дребезжала в шкафу посуда. Это вошло в Аню как нечто естественное и выплеснулось разом в возникшем порыве.

Зрители даже кружки с чаем оставили: «Ай да Аня! Ай да тихоня!» А она, раздумяившаяся, преображенная, то летала бойко-стремительно, то, замедляя полет, словно бы прислушивалась к чему-то. И будто ростом выше стала, постройнела, помиловиднела. И Миша признал свою аккомпаниаторскую несостоятельность в

сравнений с пляской. Он заново открывал Аню для себя. До этого относился к ней просто как к сестре, как просто к хорошей знакомой. А тут заметил манящий взгляд, некрупную твердую грудь, аккуратно очерченные ноги.

Глаз не отрывал он от Ани. Верка многозначительно подмигнула.

— Понимаем, что к чему.

Реплика в равной мере касалась и ее самой. Последнее время Панова стала нервной, взвинченной, с перепадами настроения: то общительно-бойкая, то грустно-замкнутая, отрешенная. Во взгляде — беззащитное, младенческое. Нетрудно было угадать причину — Лешка Гулак! И это ни для кого в бригаде уже не оставалось секретом. На трассе каждый человек как на ладони, не то что в городе. Там люди разобщенней, скрытней. Трасса же располагает к доверительности, каждое событие воспринимается с родственной заинтересованностью.

Не остались безучастны и на этот раз.

Все двигалось своим чередом. Солнце, повернувшее на весну, днем щедро поливало лучами снега, а к вечеру обрастало мохнатым инеем.

Природа готовилась к бурному весеннему ликованию, а мы тревожились:

— Расквасит землю, как на работу добираться станем?

Восполняя возможные в будущем потери, смены удлинени на час-полтора. Домой возвращались поздно. Тетя Маня, слышав «атэ-элку», встречала «своих» у калитки. Она уже привыкла к нашему шумному обществу, шуткам по поводу Веркиного храпа, якобы пугав-

шего сверчка-подпечника, и невозмутимому: «Нет, я сплю тихо, иначе бы слышала». — «Когда б слышала, значит, не спала, а раз не спала, значит, и не храпела бы».

Логика тети Мани оценивалась по достоинству. Как-то она обронила:

— Как родные мне стали, затоскую без вас.

Тревожилась не без основания. Поезд передислоцировался с Сисима — прежней стоянки; на пустыре, впритык к деревне, начал расти поселок. Семейные переселялись в квартиры; холостые — в общежития. Тетя Маня возражала, даже всплакнула, в конце концов уступила, с условием, чтоб не забывали, гостились.

Многое похоже здесь на Саяны. Только там поселок основательно потеснил лес в распадке, где поселку назначено было родиться. Лес, недовольный вторжением, наступал на дома. Билась, трепетала по камням студеной струйчатая речка Сисим — в ней и летом десяти минут не высидишь. Лучи солнца, стекая по зеленохвойным склонам, обрушивались в распадок между ними слитным ликующим морем, освещивали каждую былинку, всякую привычную малость: палисадник возле клуба, улицы на взгорках, проезжую дорогу. Делали все отчетливым.

Здесь — размеренный, плавный Тобол. Берега обметаны строчкой высокорослых ветел с подсадом красноватого тальника, тоже готового распустить клейкие листочки. Владычную осанку принял сосняк, и половодьем рассинелись небеса.

Вот-вот тронется лед на реке.

На пустыре содом и гоморра. Что ни день, то новые людские прибытия — стучат топоры,

гудят машины. В воздухе — беспокоящая хмельная влажность, снега стекали в низины мутными потоками воды.

Все свидетельствовало о перемене.

У Ани эта пора вызывала обычно смятение, беспокойство. Закипала обида на свою несложившуюся судьбу. Аня становилась сдержанной, замкнутой даже со своими из бригады.

Но тюменская весна, не в пример прежним, отозвалась в ней оздоровляюще, не тяготили наплывы смятения. Видимо, от прозрения, что подлинно хорошее, настоящее заключается не в эффектном, броском, а самом обыденном.

Еще недавно не чаяла, не ведала о тете Мане, а теперь она дорога ей, ближе стал Миша. Зато Анатолий поблек, отдалился. Подсознательно Аня давно ждала обновления чувств, и оно состоялось.

Мир не сужался теперь только до работы, возродилась в нем утраченная некогда разносторонность бытия. Сущее обретало иную, мажорную окраску.

В Тынгите бригада появилась весной. Зимние проезды залило, «атээлка» буксовала в грязи, глохла. Решили поэтому на месяц-полтора обосноваться в деревушке у Тобола. Погрузили в кузов продукты, поварскую утварь, постели — и загрохотали берегом.

Встретилась по пути усадьба одинокой старушки, Гарденин притормозил тягач и с хлорвиниловой, просматривающейся насквозь канистрой скрылся за воротами. Вернулся с канистрой, заметно оттягивающей руку. В кани-

стре что-то темнело, побулькивало. Пока бригадир расспрашивал дорогу, Гарденин зазвал в кабину Мишу, выбрались из нее уже навеселе, с пунцовыми лицами, языки развязались. У Миши по-галчоночьи удивленно округлились глаза. Он пытался было пошутить. Но Ане было не до улыбок.

— Я же просила не пить.

— Для согрева самогоночки хватил,— остался беспечным Миша.

— Сегодня для согрева, завтра беспричинно.

— Да что ты пристала ко мне?— вскипел Варлаков.

Поняв, что хватил лишку, Миша попробовал загладить бестактность, но Аня холодно отстранилась. Недавняя ее радость померкла, и мир вокруг словно потускнел.

От бабушкиной усадьбы до Тынгыта рукой подать. В нем десятка полтора пустующих дворов: жители — кто переселился в Мазурово, кто вообще покинул здешние места. Странно было видеть безгласную школу с покосившейся вывеской, приткнувшейся к стене поленницей дров; задрался в небо давно бездействовавший колодезный журавль, подернуты муравой улицы.

Для постоя выбрали старинный рубленый дом, срединным коридором разделенный на две половины.

Бригадир сказал:

— Повара выбрать надо. Есть желающие?

— Давай я,— вызвалась Верка. Разложила посреди ограды костер, принялась чистить картошку, скомандовав:— Мальчики, живо за водой.

К колодцу отправились Гулак с Мишей.

Не в меру пекло солнце, и заливались птахи за огородом.

Аня помогла Верке начистить картошки и решила поискать щавеля для супа. У заброшенного зернового тока за околицей ее догнал запыхавшийся Миша:

— Подожди...

Она никак не отозвалась, и Миша молча попагал рядом. Нудели, вились над ними ранние, желто-болотного цвета комары. Овчинкой прилегло к дороге небольшое овсяное поле. У обочины розовели мелколепестковые, собранные в метелки цветы. Миша сорвал несколько и протянул Ане.

— Если от чистого сердца...— помедлив, приняла букетик Аня.

— Сомневаешься.

— Неустойчивый ты. Я вот женщина, а тверже тебя. Знаешь, как порой трудно бывает. Всем нелегко, а одинокой женщине тем более.

— Вышла бы замуж.

— За кого?

— А хоть бы и за меня...

...Когда вернулись, Верка притворно-сердито напустилась на них:

— Где запропали со щавелем? Я ждала, ждала и ждана съела!— и уже веселее зазвенел ее голос:— Прощтрафились, так мыть посуду!

— Ишь хитрая какая,— беззлобно отбивались они.— С выгодой для себя мораль читаешь.— Кончив хлебать наперченные круто и на свежем воздухе вдвойне аппетитные щи, принялись, как когда-то тете Мане, помогать Верке.

— Флотская жизнь,— балагурил Миша,— последнему со стола убирать.

— Ничего, не надсадишься, — осталась непреклонной Верка, подвигая горку алюминиевых чашек. — Мне еще с Лешей о самостоятельности посоветоваться надо. Скоро желающих начнем записывать.

— Включай тогда и меня. По части декламации могу и охотничьи сценки представляю. Только где представлять, клуба-то в поселке нема?

— Сдадут к Новому году, а пока будем давать концерты в столовой. На Абакан — Тайшете, например, использовали палатку.

— Сцена в столовой... Интересно. Пожалуй, интересно! — повторил Миша.

— Интересно для тех, кто на водку не падок, — съязвила Верка.

От неожиданности такой Миша поперхнулся, хотел отпарировать, но сдержался. Мыть посуду, однако, не стал, ушел.

Аня не удерживала, про себя одобряя Веркину прямоту. Такая не даст себя и других в обиду. У нее и отношения с Лешкой особенные, поэтические. И дается ей все легко.

— Ступай! Ступай! — напутствовала Верка Мишу. — Без тебя обойдемся! — и призналась Ане: — Это я его нарочно отчитала, ради тебя, чтоб приструнить. А то ведь они горазды на шею сесть и лапки свесить.

— Очень тебе признательна, если только на пользу.

— Отчего же нет. Тихони нынче не в почете.

— Я вот тихоня.

— Ты не в счет, тебя уважают. Ведь столько лет на трассе!

— Производственный стаж еще не все.

Аня понимала, что как бы ни сложилось у нее с Мишей, идеального быть не может. Будут ухабы, колдобины, заносы в кювет... Пока еще привыкнут друг к другу, утвердят каждый свое и вместе с тем их общее...

Азартно напевавшие за огородом, в леске, птахи примолкли, обещая непогоду. От Тюмени, гася лазурь, сизым молочком разливалась облачность, повеяло холодком... И вот уже туча нависла над оградой, в ней просекали молниевые зигзаги. И глуховато погромыхивал вдалеке гром. Постепенно сизоватость сгустилась до черноты, разъярился гром. Молнии покрупнели, удлинились, став похожими на богатырские, ломающиеся от ударов по гигантскому чудищу копыя. Из продырявленной его шкуры хлынул дождь, дробя по лопухам в палисаднике. Чудище рокотало, гневало, и продолжали сновать копыя невидимого богатыря.

Убрав посуду, Верка завалилась спать.

«Отчего я не такая,— размышляла Аня.— Для Верки вся жизнь как незамутненный поток, рыбкой навстречу стремится. Для меня каждый шаг с колебаниями, препятствиями, будто заведомое чье предписание». Захотелось поделиться мыслями с Веркой, но та столь забористо, смачно похрапывала, что Аня отложила намерение.

Верховой поединок за окном между тем слабел, откатывался на сторону.

В мужской половине тоже долго бодрствовали. Гулак читал вслух «Ошибку резидента» под комментарии внимательно слушающих парней до тех пор, пока не истаяла свеча, дававшая зыбкий неясный свет. Волей-неволей надо укладываться. Матрацы расстелили прямо на

полу, только Лешке досталась брошенная хозяйками койка с тонкими покрывившимися ножками, без сетки, с досками.

Страдающий ревматизмом бригадир забрался на печь.

Когда утихли, к Лешке на край койки подсел Миша.

— Какие все-таки сообразительные люди разведчики, вся их жизнь — приключения.

— Это по книгам так экзотично, на самом деле монотонней и гораздо трудней. У меня батя военный, знаю.

— В каком он звании?

— Полковник.

— Полковник?! — присвистнул Миша. — Как же ты сюда попал? — Дома все удовольствия. Или случилось что?

— Да нет, просто удовлетворения внутреннего не испытывал. В Москве я техником в научно-исследовательском институте работал, в месяц с премиальными сто — сто двадцать рублей выходило плюс квартира на Комсомольском проспекте, папа с мамой, затруднений жизненных, сам понимаешь, никаких. Вкус к жизни потерял. А тут как раз съезд комсомола, знакомый делегат из Тюмени посоветовал сюда поехать.

Лешка полулежал на шаткой колченогой койке, подперев кулаком щеку, и его крупное, по-юношески пухлое лицо в сумраке ночи казалось изваянным из темного мрамора.

— Первое время уставал страшно, все спешил за двоих успеть и от этого выматывался сильно. Сейчас втянулся в ритм, легче. Жизнь такая робинзонья нравится, нравится здешняя природа. Я, хотя и горожанин, природу люблю

и книги о ней тоже. Перед отъездом из столицы прочитал рассказы Пермитина. Каждый персонаж — характер, индивидуальность. Проздешние места, между прочим, рассказы. Пермитин родом из Сибири. Я, уж если касаться родословной, — хохол. Вообще-то фамилия нашего рода Василак, но кому-то из предков пьяный писарь вкатил по ошибке Гулак, так с тех пор и осталось. Гулак Алексей Сергеевич я, от роду двадцать три года...

— Мне двадцать шесть, — развил фразу Миша. — Единственный отрок у матери, дорожит мной.

— Я тайком умахнул, оставил записку: мол, еду туда-то, затем-то. Иначе бы ни за что не отпустила. С расстройста мать занемогла. Она в войну медсестрой была, уже в освобожденной Вене сбил ее «студебеккер», доктор выходил, но вот теперь дает себя знать травма. Тут еще я с сюрпризом.

— Объяснишь.

— Пробовал, никакого прозвуча. Настроение, сам понимаешь, паршивое...

За окном благоухала влажная, просвеженная ночь. Вздохи грозы едва доносились до слуха.

Поднялись до солнца. Позавтракали во дворе, сидя кто на чурбачках, кто на забытых хозяевами скамьях, — и в путь мимо заброшенного зернового тока. В такой плотный березняк углубились, что палку сквозь не просунешь.

С веток летели снопы росных брызг. Воздух настолько свеж, кто казался сладким воз-

буждающим напитком — чем дольше пьешь, тем больше пить хочется.

Наконец трасса. Бригадир отметил вешками координаты рубки, и бригада выступила во всю ширину ее. Как обычно, впереди «дружбисты»: валили деревья, кромсали их на кряжи. Сучкорубы кряжи штабелевали. Встретилась низинка с полеглым рыжим тальником в застоялой плесневелой воде. Голову дурманил запах гнили, чавкала под водой липшая к сапогам грязь. Лешка, задумавшись, прорубил сапог, и тотчас вовнутрь натекла жижа. Выбравшись на сухое, он стащил сапог и увидел, что портянка в крови.

— Работать повремени,— остерег бригадир,— разотрешь рану.

Лешка обмотал ногу майкой и похромал в Тынгыт. Жарко. Безветрие, гнус. Поднявшееся к зениту солнце нещадно поливало лучами, надоедали комары. Пришлось натереться от них едким, как скипидар, репудином. Струился, оседал по кустам зной; в вышине, точно на невидимых нитях, повисал недвижно коршун.

Приятная сельская идиллия.

В Тынгыте от нечего делать Лешка принялся чистить картошку.

— Откуда умеешь, Букварик?— удивилась Вера.

— Так ведь я сын военных,— объяснил москвич.— Я знаешь где родился?— в Австрии! После жили в ГДР, Польше. Где только не перебивал и чего только не испытал!

— А я лишь Саяны, ну и, конечно, родину, Маристан, знаю,— вздохнула повариха.— Что это за места — чудо! Деревня наша у Йошкар-Олы: безлесье, холмы вокруг. Ночью, как взой-

дет луна, они точно бисером усеяны. И серебристые облака... Я артисткой мечтала стать, но настойчивости не хватило, решила пойти в самодеятельность. На Абакан — Тайшете она здорово была поставлена.

Так сообщали друг другу о себе. Лешка задал:

— Будешь в Москве, прошвырнемся от библиотеки имени Ленина до Белокаменного моста и по улице Большой Полянке к Лаврушинскому переулку. Завернем в Третьяковку, в кино «Ударник» и, если позволит время, Оружейную палату посетим в Кремле.

— Может, еще Грановитую?

— А что! И Грановитую!

— Многого захотел.

— Не больше возможного, и... чтоб ты стала моей женой. Я люблю тебя.

— Я тебя тоже.

— Значит, согласна?

— Да.

По случаю торжества Гарденин стогнял за спиртным в поселок. Аня с Верой принялись печь блины, готовить шашлыки. Пельменей настряпали. Устроили застольицу посреди ограды.

При всей разности характеров мы были единая семья и по-родственному искренне радовались счастью жениха и невесты. Они для нас — брат и сестра; бригадир — отец, наставник. Он произнес напутствие: мол, здравствуйте в согласии, обзаводитесь наследниками и бригаду, вас соединившую, не забывайте. Кричали «горько!», пели, отплясывали под гармошку.

Веселье продолжалось и в пахучести ночи, при костре. Ударял на овсяном поле перепел и стрекотали-настрекотывали вперёбой кузне-

чки. Величественное, слитное полнозвучие природы!

Догорающий костер бросал жидкие, размывчивые отблески на стены дома, и вовсю заливались птахи за огородом...

Жаркий сухой июнь сменился влажным прохладным августом. Деревья мало-помалу теряли убор. Начался августовский листопад! О нем мало кто знает, но он есть. Проходя лесом, нет-нет да и заметишь первые оброненные листочки — признак близкой осени. Лишь сосны невозмутимо зеленеют, стремятся звонкими просмоленными стволами в гущу собственных крон. Ударишь обухом топора по чешуйчатому стволу — и загудит он протяжно, струнно.

Небо отдалилось от земли, но еще близко к лесу. Особенно ночью. Отяжеленное звездами, оно представляет зрелище грандиозное, чарует светом галактик, напоминая постоянно о величии мироздания.

Завтра — воскресенье. Аня с Мишей посмотрели фильм «Таежный десант», докатившийся и сюда, до Мазурово. Ане сразу вспомнился шофер Валька Азанов, весельчак и неугомон, столкнувшийся в тумане со встречной машиной. Там, на перевале в Саянах, и похоронили. Не про него ли в фильме?

— Вряд ли, — усомнился Миша. — Кешка ведь лесоруб, и прибило его, когда настилали лежневку, а не в автомобильной катастрофе.

— Дело случая, — сказала Аня.

— Или неосторожности, — добавил Миша. — Неосторожность тоже случай. Не может же человек заведомо быть врагом самому себе...

Разговор о Кешке навел Аню на мысль о превратностях человеческой судьбы...

Они ступали в мягкую бархатистую пыль, сняв, как в детстве, обувь. Покалывало босые ступни, ссохшиеся комочки встревали между пальцами; некрупная, округлая Анина ладошка покоилась в Мишиной ладони, упряталась как в колыбели. Шагали неторопко, чувствуя взаимную близость, но не лихорадочно-дразнящую, физическую, а более мудрую, ту, что называют созвучием души, общностью мыслей и понимания, необходимые в супружеской жизни.

Незаметно очутились у Тобола. Из-за поворота в многоярусье огней показался пассажирский теплоход. Он нес стреляющий далеко в темноту луч. Луч полоснул по берегу, покачался, ощупывая пространство впереди, и лег по курсу реки. В сиянии множества огней вода отливала беспокойной зыбистой сталью.

Теплоход миновал, и за ним снова сомкнулась чернота.

Обратно Миша повел Аню напрямую. Миновав отлогую приречную полосу, они уперлись в обрыв; по утверждению Миши, именно отсюда татары протянули через Тобол железную цепь, чтобы задержать струги Ермака. Осыпали казаков стрелами. Но вольница не растерялась, отпугнула татар пищальным огнем. Со временем вода откатилась, спала, обрыв вздымался теперь террасами-уступами, каждый из которых представлял площадку в полтора-два метра шириной, и снова почти отвесный взъем.

Земля исчезла. Под ногами пустота, и вокруг пустота, размахнувшееся внеогляд небо. Внизу едва заметно проблескивал Тобол, в нем

отражались, плыли золотыми ершами звезды. Жуть и восторг переполнили Аню, она словно парила высоко-высоко на распластанных крыльях — вся планета в обозрении...

...Лаз кончился. От неожиданности Аня пошатнулась и едва не сорвалась с обрыва. Миша вовремя удержал.

— Все! Мы — дома! А ты отчаянная, не всякая бы отважилась карабкаться по такой круче. Заглянем к тете Мане.

Огородом они прошли во двор, брякнули в сени. Зашаркали тапочки, и голос спросонья:

— Кто?

Миша с Аней отозвались.

— Так поздно, гулены, — щелкнул замок, и тетя Маня серой бесшумной птицей вырисовалась в проеме двери: — Пожалуйте.

По обычаю деревенского хлебосольства она принялась собирать на стол. Уселись поздничать. После чаепития тетя Маня извлекла из сундука ситцевый халат и протянула Ане:

— Для тебя, невестушка, сшила. Прими в подарок.

Вопрос их супружества с Мишей она считала решенным и видела в Ане определенно невесту. Настояла, чтоб та примерила халат, придирчиво расправляла складки, оглаживала ткань:

— Баско! Ой, баско!

И неясно было, к халату это относится или к стесняющейся под ласковыми, пробегающими пальцами Ане. Оставляла ночевать их, а когда гости наотрез отказались, чтоб не подумали чего такого в бригаде, тетя Маня вызвалась проводить их, по пути наставляя о предстоящей свадьбе.

По ее мнению, свадьбу следовало сыграть сразу после хлебоуборки. Так повелось в здешних краях испокон веков. И хотя многое теперь переменялось, сдвинулось в обычаях, тетя Маня придерживалась традиции.

Так состоялась вторая по счету бригадная свадьба.

Вскоре понадобились добровольцы в командировку на Сисим, где оставался прорабский участок поезда, и Миша с Аней вызвались поехать, чтоб на обратном пути взять Светку. Вызвались и Лешка с Веркой. Нас в бригаде оставалось немного. Ожидали пополнение.

ть
ш-
ое
х,
ая
н-
ий
то-
гу.
де

КАПИТАН

Для меня этот татаровато-смуглый с мужественным лицом человек стал тем же, чем и для Ани бригадир, я учился у прораба лучшему в нем, воспитывался его примером...

Работа занимала Лобова целиком. Конфликт в бригадах, производственная занятость трассовиков, приемка и разгрузка строительных материалов, количество и качество работы — все его касалось. Когда зимой обнаружился недостаток шпал и рельсов и в связи с этим простой в работе, Лобов вынужден был исправлять чьи-то недоработки, занимать людей делом и даже отправлять их в вынужденные отпуска и командировки.

Ему звонили среди ночи, и он без промедлений отправлялся будить ребят на внеурочное задание. До десятка бригад у него под командой, сумей-ка распорядись каждой. Осенью нашу бригаду отправили вглубь на Еланское болото. Накануне, неожиданно ранний, разгулялся буран. Утром поднимаемся — на улице снегу по колено, в нетопленном общежитии пар от дыхания виден, и у кого-то стиранные рубахи на веревке застыли. Зима настоящая!

В прорабской спозаранку толкучка ожидающих назначения на работу. Лобов за столом в

черной дубленой шубе и потершейся кожанке на «молниях» совещался с бригадирами — кому чем заниматься.

Нам выпало настилать автодорогу за болотом. Но как быть с учащимися в вечерней школе? Не на неделю, не на две уезжаем...

— На добровольность, — решает Лобов. — Кто в школе занимается, может отказаться, работа и здесь найдется.

Не отказался никто.

Вскоре прораб навестил нас в упрямой лесами деревеньке. Поинтересовался, не устали ли от однообразия и недостатка цивилизации. Мы в голос:

— Нет, есть еще порох в пороховницах!

Лобов доволен. Присел с нами щец отпробовать. Ни капли рисовки, начальственности. Сторонний человек не сразу догадается, что этот скупой на слова и жесты человек — верховное на трассе лицо. Лобов тактичен, мягок, никого не распекает, но, странно, его побаиваются больше иных крикунов. Скорей уважают, именуя не иначе как Иннокентьевичем.

По натуре это интеллигент.

Он во многом осведомлен, обладая опытом двадцати трассовых лет. Начинать он после высшего железнодорожного училища в 269-м СМП, на электрификации Великой Сибирской магистрали, рядовым, землекопом. С Аней они знакомы с тех самых пор. На Абакан — Тайшет прибыл уже мастером.

В Мазурово Лобов появился одним из первых. Занимался прорубкой трассы, а спустя полгода, после валки веса, отсыпки земполотна, монтажа бетонных водопропускных труб по трассе приступил к укладке путей.

— Отраднo, когда по уложенным тобою рельсам прогрехочет состав, пусть даже дрезина. Кто не испытал этого, не поймет радости, — обронил однажды Лобов.

В этом — объяснение его энтузиазма и энтузиазма товарищей-ветеранов, ради окончательного результата претерпевающих неустроенность быта и жизнь на колесах.

Лобов с Лены, из села Качуг. Отец работал в кузнице, и мальчонкой Саша наблюдал, как покоряется ударам молота раскаленная поковка, помогал отцу раздувать угли в горне, а приустав, бежал к реке, втайне мечтая о капитанстве на морском судне. И стал он капитаном. Только не морями и океанами пролегли его пути-дороги — таежным сухопутьем. Но все равно — Капитан, вожак.

Такое звание не каждому по силам, заслуживают его стойкостью характера, знанием дела и непрестанной энергией. А еще честностью.

Наезжающая пресса о Лобове пишет мало: не речист, не шумен, подвигов вроде не совершает. С ним надо пожить бок о бок, поработать, чтобы заметить величайшую скромность и неистовую работоспособность. С утра распределяет бригады по «точкам», и затем ищи его на перегонах, хозяйство у Иннокентьевича обширное, многосложное, и все должно быть в свое время, без промедлений.

Как-то ночью выгружали шпалы с баржи. Дождь ливнем лил, хлестал по корпусу плоскодонной громадины. Мы, насквозь промокшие, оскользались, падали и уже хотели бросать работу, как в свете прожектора на берегу возник Лобов.

— Давайте трос на тот конец баржи пере-

тянем, чтоб кран лебедкой подвинуть, а то стрела не достает до шпал.

Трос был тяжелый, склизлый, вырывался из пальцев.

— Разом взяли! — скомандовал Лобов, перетягивая вместе с нами канат.

Непослушный удав приблизился к чугунной бортовой тумбе, захлестнули его вокруг — дело сделано!

— Порядок! — удовлетворенно констатировал Лобов. — Теперь можно и перекурить.

Просочившаяся в карман кожанки вода размочила папиросы, и сразу несколько рук протянулись с пачками к Иннокентьевичу. Непогода не казалась больше такой безысходной, мы ободрились, почувствовали себя уверенно. И не тогда ли понял я до конца, что заставляет этого человека с таким рвением отдаваться работе. Ответил он более чем лаконично: «Ответственность», подразумевая под этим, должно быть, ответственность внутреннюю, то, что принято называть Совестью с большой буквы.

Особенно навалилось хлопот в предпусковые дни, когда и со звеносборкой, и с укладкой нужно поспеть. Зашивали звенья на базе у речки Шестаковки и, соединив в плети, гнали в резерв на разъезд Большесельский. Помню одну такую плеть в полтора километра длиной. Блестящая от дождя решетчатая стальная лента изгибалась на поворотах, бежала ходко. Ловко, как циркач, Лобов торопился по ней в голову движения, проверял на ходу ролики — все ли на месте, рискуя при этом сорваться с мокрых шпал и покалечиться.

Через полчаса — входные стрелки Большесельского. Протянули плеть в тупик, высвобо-

дили из-под нее ролики — и потихонечку назад. Когда стали съезжать с плети, задние колеса дрезины соскочили с рельсов. Подложив обломки шпал, поддомкратили с обоих концов ось. Лобов орудовал под нависшей над ним многотонной машиной, готовой сорваться с шаткой опоры. Успокоил нас:

— На Абакан — Тайшете тепловозы поднимать приходилось, а тут, подумаешь, дрезина...

Но вот готово! Разом толкнули дрезину с домкратов, колеса встали на место. Забрались все в кабину — и марш. У поселка мы, сопровождавшие плеть путейцы, спешились — конец смены. Лобов же укатил на звеносборку проследить, как там. Большая красная луна висела над горизонтом. В ее жидком свете, фырча и пробуксовывая, возвращались в гараж запыленные, усталые машины. Машины и те уставали! А утром чуть свет Лобов уже опять в прорабской...

...Кран забарахлил, а тут еще подкладки кончились. Не на шутку встревожившись, прораб выхлопотал дополнительный кран, только что с завода. Старый отремонтировали, и теперь оба они маячили стрелами в разных концах пролета. Самосвалы день и ночь подвозили из Тюмени подкладки.

Наш верный и неизменный шеф наставлял:

— За качеством зашивки следите, ребята! Не ручные тележки, многотонные составы пропускать придется — чтоб без перекосов.

Он заметно поседел от всяческих неурядиц, но ни жалоб, ни упрека. И всегда в действии. А сколько малодушных и немалодушных спалось!

После пуска первого поезда Лобова остави-

ли на прежнем месте доводить до нормы пути. Работы много — черновая, кропотливая. Фонды денежные выбраны. Подъем у людей, понятно, уже не тот, текучесть кадров одолела. Лобов, по-прежнему чуткий, деликатный, старался поспеть всюду. Незаносчивый с подчиненными, он и не запанибрата, всегда искренний, способный воодушевиться и воодушевить других, он личным участием восполнял прорехи.

У него появились достойные ученики, и не только в 269-м СМП, на других участках трассы: в Сургуте, Усть-Югане, на Салыме... Когда на Салыме отпочковался самостоятельный строительно-монтажный, хлынули туда многие из мазуровцев, сманивали и Лобова, но он отказался:

— Все драпанем, кто здесь доканчивать будет?

В этой реплике суть лобовского характера — не отступать от своего однажды начатого. Как-то застал прораба оживленной обычного.

— Откосы, — говорит, — у реки Тавды укрепляем. Паводок весной обещают бурный, как бы не разрушил полотно. Гравий и железобетонные плиты на носилках таскать надсадно, надумал положить возле основного пути тупики, чтобы использовать технику.

О недостающих для тупиков стрелках договорился с соседним поездом и отправился туда на дрезине в воскресенье. А промедли, отложи до понедельника, получилась бы задержка в работе. Лобов стоял на откосе и командовал крановщику, сгружающему плиты с платформ: «Вира!», «Майна!» Внизу лежала тихая подо льдом река, но прораб знал ее коварный нрав и спешил.

Паводок, точно, выдался небывалый. В самый разгул его Мазурово оцепило безбрежие волн. Но «железка» жила, курсировали по ней товарные, пассажирские составы, а поутру, как прежде, отправлялись в сторону Тавды путейцы со своим Капитаном. Ждал их на путях тепловоз с вагонами-теплушками. Но не враз попадешь к нему. За ночь вода поднялась, мостки между незатопленной частью тракта и полотном сорваны. В проран устремился мощный лавинный поток. Напрасно пытались восстановить переправу: слишком велик напор воды и глубоко.

Раздобыли лодку. Добровольцы сели за весла, но лодку увлекало в шумящую горловину. Тогда натянули проволоку и принялись переправляться, держась за нее руками. Неосторожный толчок — и лодка перевернулась, пассажиры оказались в воде. Хорошо, что близко от берега. Тогда Лобов сам встал за кормчего, сильными толчками направлял лодку туда-обратно, пока не перевез всех. На работу поспели вовремя.

Вода неистовствовала, но была бессильной против человека.

Еще один экзамен выдержал сын кузнеца из сибирского села Качут, а столько их таких экзаменов предстояло!

Вконец обедневший кадрами 269-й захромал. Несладко доставалось прорабу с новичками, к тому же часто меняющимися. Перед сдачей первой очереди дороги Министерству путей сообщения обсевали травой откосы. Нормативно-исследовательская станция внедряла гидропосев. Высеять семена днем не удалось, отложили это на вторую смену. Лобов, то ли не

желая обременять представителя нормативно-исследовательской, то ли в стремлении проследить действие агрегата, порывался остаться сам. Нехотя согласился поручить это помощникам, но все равно застрял надолго в кабинете главного инженера. Казалось бы, все обсудили, обо всем посоветовались, в чем-то уверились.

Однако и вечером напрасно искать Лобова дома. Конец месяца, и он с мастерами закрывает наряды: придирчиво проверяет листки с десятками фамилий, объемов работ, денежных сумм. Уходят мастера. Разговор завязывается о наших товарищах на Салыме; как водится в таких случаях, вспоминаем минувшее. Давние штурмы.

— Оправданные, — замечает Лобов. — Сколько пассажиров, грузов перебросили до сдачи дороги эксплуатационникам!

Слушая Иннокентьевича, я думал о том, что вся трасса ему безразлична. К каждому пикету относится с одинаковой пристрастностью. О своем участке и говорить нечего! Готовил Лобов к сдаче не только пути, а и разъезды, станцию Усть-Тавда. Отвлечшись как-то от извечной занятости, с заметным волнением спросил меня:

— Как думаешь, успеем к сроку?

— Без сомнения. Вон она какая красавица получается...

Станция действительно была хороша: с двухэтажными фасонной кирпичной кладки домами, школой, детсадом, магазинами, светловеселым вокзальчиком, напоминала она дачный городок. Парка лишь не хватало, зато раздолье березовое и река — вот она, рядом.

— Малость мы извернулись, — обрадовался Лобов, — отделочников не хватало, так по-срочному месячные курсы маляров-штукатуров организовали, разрешили проблему. — И, уже ввергаясь в водоворот повседневности, решал неотложное, срочное о потолочных перекрытиях для подстанции, сличал соответствие чертежей с задействованным объектом.

Когда отрезок дороги от Тобольска был принят Государственной комиссией, 269-й СМП передвинулся дальше на север. Привел его туда трассовый капитан Александр Лобов.

КАРЬЕРА НИКОЛАЯ ПАНИНА

Бригада наша пополнилась. Среди новичков выделялись представитель солнечного Фрунзе Валентин Фесенко и белокурая, с ямочками на щеках девушка, взявшая в первый день на трассу куколку-талисман. Еще не обхлестанные буднями, новички беззаботны, разговорчивы. До Мазурово они добились вместе, друг друга уже знали, но продолжали присматриваться, притираться. Протяжный, мягкий говор кубанцев напоминал мне гоголевских чумаков, когда собирались те повечерять из общего котла на обочине степного шляха.

Стояла классическая золотая осень, с порханием листьев, синью неба. Временами перепадали дожди, тогда на обед мы располагались под уже негустым прикрытием леса.

Березовая чаща манила светлой просквоженностью стволов. По стволам сбегали плакучие водяные струйки. Пахло брусничкой, грибами. Утрами подмораживало.

Под впечатлением написал стихи:

На север путь не краток,
Суров наш уют,
Нам не забыть палаток
И трассу на Сургут!

И еще куплет, довольно точно отражающий реальность:

Ты — курский, я — с Кубани,
Она — из Костромы.
На трассе испытаний
Сдружились крепко мы.

Положенная на ноты, песня звучала по радио, по телевидению. Ее взяла на вооружение агитбригада. И мы сами исполняли ее во время привалов.

Разбирали завалы зимней рубки и оттаскивали кряжи на обочину. Шагали с таким грузом по пням, по камышу и осоке в рост человека.

На что Валентин Фесенко — бравага армейская выправка, крутые плечи, а и у него гимнастерка потемнела от пота, участилось дыхание. Однажды, когда возвращались к машине, чтобы поехать в поселок, он пригласил:

— Из палаток переселяемся в общежитие, заглядывай на новоселье.

Вечеринка получилась веселая, при самодельной коптилке — некстати поломалась поселковая электростанция. Были песни под Мишину гармонику. Валентин буквально начинен ими. Пели много — от «Распрягайте, хлопцы, коней» до «Солдат, всегда солдат». Круглолицая, с ямочками на щеках симпатия его выводила:

Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить?..

У нее, наверное, не было тогда еще избранника сердца.

Верке нравилось:

Пусть морозы, дожди и зной,
Мне не надо судьбы иной,

Лишь бы день начинался
И кончался тобой.

Ее суженый при ней.

Так песни говорили мне о товарищах по бригаде — каждый выражал свое. Лишь Лешка Гулак, вопреки общему настроению, пустился отбивать твист: мол, специально для сегодняшнего торжества отрепетировал, нельзя не продемонстрировать. В суматохе опрокинул копилку, и керосин полыхнул пламенем. Его притушили одеялом, а тут и электростанцию наладили, вспыхнул свет. Фесенко провозгласил тост:

— За тех, кто начинает!.. И спать, чтоб не дремать завтра!

Но попробуй-ка угомони расходившуюся братию. У каждого свое, и каждый с этим своим хочет выложиться. Недавно вернувшийся из командировки Лешка взахлеб рассказывал о Саянах, когда на одной стороне сопки — ночь, на другой — день; о тамошних ключевых, до дна просматривающихся речках, в которых и летом пяти минут не высидишь; о местных жителях. Однажды они подвезли на дрезине парня с мешком сухарей. А вскоре Лешка, прогуливаясь по тайге, набрел на избушку и увидел в ней знакомый мешок с сухарями, сверху записка: «Любитель! Не шути, и у тайги есть глаза». Лешка удивился: неужели в тайге есть еще люди, способные без крайней на то нужды забрать охотничий припас?! Природа представлялась ему лекарем, очищающим от всего наносного, скверного. Созвучие этому нашел в книгах любимого им писателя Пермитина.

Парень оказался плотником, охотой занимался во внеурочное время, любительски. Эру-

дит — неплохо разбирался в теории Дарвина о происхождении видов, в трудах Брема, наставлял Лешку: люби природу! И теперь молодожен загадывал:

— Построим дорогу, уеду работать в Саяно-Шушенский заповедник. Вот где простор! Окончу биологический факультет МГУ и уеду туда, без тайги жизни для меня нет. Я это понял.

После долгого молчания мать прислала письмо. Лешка перечитывал его столько раз, что выучил наизусть. Мне запомнилась фраза: «Мой мальчик! Береги себя физически и духовно». Среди необтершихся по-настоящему юнцов Лешка выглядел крупно, несуетливо. Квартиры не было, жили они с Веркой в общежитии, спали порой одетыми, навалив сверху на себя матрацы: не пустили вовремя котельную.

Вспоминались по этому поводу выступления начальника управления Тюменьстройпуть Коротчаева на недавнем собрании:

— Много еще ждет осложнений. Будут морозы, бураны, возможны нехватки стройматериалов, но верим — будет магистраль к сроку! Верим — не подведете!

И вот вместо главного — трассы! — теряли время на рытье траншей для теплосети в поселке, застывшая земля поддавалась с трудом. Фесенко с заметным юморком наставлял белокурую, с ямочками на щеках симпатию:

— Ты тверже на лопату ступай. Вот так! Его подшефная оказалась заочницей пединститута. Об этом узнал директор вечерней школы и зазвал преподавать физику. В числе ее учеников и Валентин. Но это вечером, а днем менялись ролями.

В школу из бригады поступили многие: кто для завершения среднего образования, кто для того, чтобы освежить позабытое — для поступления в вуз. Верка просила супруга помочь написать сочинение о молодогвардейцах; Аня беспокоилась за математику. Настроение у всех деловое, и только отвлечение сил от трассы удручало, казалось кощунством.

— Вот на Сисиме — да! — горячился Лешка. — Там каждый километр дороги рассчитан инженерно, экономически обоснован. А здесь изыскатели почти ни на один объект не представили проекты и сметы — так, одни подачки. Зато все шишки на нас, строителей.

— Не вина изыскателей, если заказ срочный, — возражали ему. — Среднее Приобье задыхается без дороги, ждут ее нефтяники, геологи, лесники... Одновременно со строителями сибгипротрансовцы действуют без необходимых интервалов.

— Срочность срочностью, интервалы интервалами, а мозгами тоже шевелить надо, — не сдавался Лешка. — Чтоб скорей и при наименьших затратах строить...

В Саянах Гулак побывал у Крольского тоннеля, памятного многим сисимцам по бурному, наделавшему перепохола наводнению. Даже зарисовал его. И в художестве небесталанен — молодец москвич! Вряд ли подозревал он, что значили для новичков его рассказы о Саянах, как сильно будоражили воображение.

На Севсибе тоже не сахар. Только октябрь, а на Тоболе студеный ветер шуршал шугой, предвещая ранний ледостав. Речники порывались скорее угнать баржи на зимний «прикол» и потому торопили с разгрузкой. Пропитанные

креозотом черные деревянные выскальзывали из крановых объятий на палубу, мы клещами стаскивали их в кучу, чтоб захватил кран. От креозота щипало лицо, мазнешь неосторожно рукавицей — и ожог.

Но именно такого аврала хотелось. Он означал, что наступление на трассу возобновилось. Обрадовались, когда внезапно нагрянувшая зима переиначила планы Иннокентьевича и нас отрядили за Еланское болото настилать автодорогу, дорасчищать трассу. Туда же отправлялся молодой, два месяца как после Хабаровского железнодорожного института, мастер Николай Панин. Картинно жестикулируя, давал наставления, как одеться, что взять с собой, и отбыл договориться о жилье.

Пока получали на складе утепленные резиновые сапоги, брюки-стеганки, закупали хлеб — полдня пролетело. К вечеру, перед сумерками, достигли болота. Дальше надо пешком, «атээлка» не пройдет. С «Дружкой» на плечах, с топорами, с набитой хлебом матрацовкой пошлагали сквозь разыгравшуюся непогоду по едва заметной тропке. Леденящий, со снегом, ветер валит с ног, прохватывает насквозь. Стемнело. Под ногами топь качается. Идущий головным бригадир провалился по пояс в полынью, едва выволили, бросив к ней матрац. Мокрая одежда на бригадире мгновенно залубенела, стала жестяной. Вокруг гул, темь, свист. Неизвестно, чем бы кончилось, если бы не вывернувшийся из крутых снежных завихрений наш мастер. Носом к носу столкнулись.

Под прикрытием леса на берегу развели костер, обсушились, обогрелись. Как во сне долетал до меня голос Панина.

— Я ждал, ждал, нет вас. Ну, думаю, не иначе как заплутали. Выбрался на болото, кричу, никто не отзывается. Хотел уже возвращаться в деревню, поднимать народ, и тут вы...

Девушек он определил на постой к одинокой старушке. Для парней нашелся прибочившийся у темнохвойного, мохнатого ельника пустующий теремок. Принялись приводить его в порядок: вымели сор, вдоль стены протянули нары и печь сложили. Затопленная, она зачдила настолько, что пришлось перекладывать.

Комнатку-прихожую оборудовали под столовую. Здесь же закуток для супругов Варлаковых и Гулак. Верка — в шапке-ушанке, в меховой безрукавке и стеганых ватных штанах — этаким пришвинский мужичок — раскладывала во дворе под навесом свое поварское хозяйство, по привычке мурлыча:

Где-то посредине земли
Люди все мосты развели...

Бригадир тем временем отправился с Паниным на трассу. Она сразу за огородами. На противоположной ее стороне, как голова в племе из «Руслана и Людмилы», — холм, огромный, поросший сосняком. Он — место будущего разъезда и вместе с тем грань с соседним строительно-монтажным поездом у Тобольска.

— Расчистить надо, — показал бригадир на холм. — Пятнадцать человек для этого хватит. Остальные — жечь завалы по трассе.

Затрещала «Дружба», взвилось пламя костров. Непросто разжечь зимой костры, неумеючи только глаза расслезись. Бригадир наломал пучок тонких красноватых веточек: сухие, ими и разжигать. Вмиг такие кострища запылыха-

ли, что снег вокруг плавится. Лешка положил на пенек фуфайку, замешкался, и через полчаса от нее остались одни рукава. Он их натянул под всеобщий смех. Сам смеялся не меньше других.

Погода между тем расслабилась, обмякла, к вечеру брюки и телогрейки хоть выжми. Ночью дежурные по очереди калили докрасна печь, сушили на ней одежду, обувь.

После праздника отправились за болото.

Снова шагали на своих двоих. Девушки, в основном из пополнения, устали так, что на другой день зашумели:

— К трассе идти далеко. Лыж нет. На своих двоих убрдно. Радио нет. Кино нет. Света электрического тоже. Как жить здесь?

— В Саянах хуже было,— парировал бригадир.— Высадились зимой в тайге, срубили поскорому общежитие, между бревен сквозило, куржак на потолке... Приходилось мириться.

— Но лыж, книг, журналов запросить можно. Люди же мы, не роботы!

Справедливые эти требования записали в протокол собрания, договорились, как улучшить условия работы, а девушек предупредили.

Внутрибригадный «кризис» миновал, и вот уже варлаковская гармоника подала голос, шутники запели:

Целый день они лежали
И плевали в потолок,
Пообедавши, сказали:
«На работу не пойдем!»

Мывшие на кухне посуду «героини» только улыбались и больше не пасовали. Когда бы уж и передохнуть пора, потяжелей просили, через

«не могу» перешагивая. Заметно подтянулись и парни. У всех постоянное, без подталкиваний желание действия, когда и глаза не страшатся, и руки делают. Покончив с холмом — головой в шлеме, сосредоточили усилия на завалах. В небе сверхзвуковые реактивные тянули предлиннные хвосты, сами похожие на серебристые мундштуки. Ниже Аны и Илы на Север прокатывались. Глядя им вслед, Панин как-то заметил:

— Когда-нибудь и мы до Сургута доберемся. Далекий путь.

Вместе с нами в просторном, грубой вязки водолазном свитере — подарке дальневосточных рыбаков, с которыми летами ходил в пугины, дергал смерзшиеся, неподдающиеся ветки. Пар от него как от кипящего котла валит.

К концу смены минуты словно остановились. Еще две-три ходки с хворостом на автодорогу — и грань. Ура! Мы, как и подобает победителям, торжественны, взволнованны на пустынной и чистой во всю видимость трассе. Панин отправился в контору справиться, как быть с болотом. Мехколонны вот-вот начнут там выторфовку и отсыпку полотна, им автодорога потребуется, а у нас ни метра не положено. И распоряжений свыше никаких. День Панина нет, другой... У нас продукты кончаются, и вообще неопределенность. Хотели уже нарочного спроваживать, как вдруг в отяжелелой морозной тиши прорезался тонкозвонящий, нарастающий звук, ни с каким другим его не спутаешь. Подлетела «атээлка». Рядом с Гардениным Панин.

— Транспорт забарахлил по дороге, — пояснил он, чуть смущаясь. — Возьмите хлеб в ку-

зове. Еще лыжи, коньки, книги — комитет комсомола прислал, как просили.— И уже командирски властно, выбравшись из кабины:

— Завтра отправляемся на болото!

У Ани покрасневшие, набрякшие слезами веки: в поселке, по слухам, был пожар, не случилось ли чего со Светкой, оставленной на попечение соседей.

Панин успокаивал, но Аня заявила решительно: «Поеду», — и мне сразу вспомнился аксаковский ледоход, рвущаяся к больному мальчику мать.

На Еланское нас повел Панин (бригадира после «купания» в трясине свалил ревматизм) — шесть километров по снежной целине. Для экономии сил ступали след в след. Спустились с высокого отвесного берега на кочковатую зыбкую равнину. Панин отмерил от оси трассы пятьдесят шагов и воткнул вешку.

— Здесь!

Расчистив лопатами снег, принялись рубить деревья и укладывать в настил. К вечеру выдохлись основательно. Хорошо, что встретила вернувшаяся из поселка «атээлка». Аня привезла с собой здоровехонькую дочурку-первоклассницу, отпущенную на каникулы, и мы взяли над ней шефство. Подкладывали за столом самое лакомое, рассказывали занятные истории, особенно про медведей. Светка с любопытством спрашивала: «А они правда живые есть или только в сказках?» На лоб, на виски девчужке спадали мягкие прядки волос, в их обрамлении задористо смотрелись вздернутый носишко и глазенки-разведчики, юркие, пронырчателльные!

Стояли на удивление ослепительные и по-настоящему зимние дни. Мороз. Тишь. Безбрежье снегов на поле, огромном, протянувшимся от деревни до болота. Уплотненный след «атээлки» подмерз, шагалось по нему легко, как по мосту. Зато на болоте с каждым днем солоней: лес поблизости весь вырубил, приходилось волочить его за двести и более метров. Под снегом вода, лишь в резиновых сапогах можно передвигаться. А в них, хоть и утепленные они, не жарко. Трактор-трелевщик сразу тонул в трясине, какой от него толк!

Вдобавок болезнь скрутила бригадира. Он кряхтел на печи:

— Без медицины не обойтись.

Проводили его буднично, незаметно, думали — ненадолго, а оказалось — насовсем. Уехал к матери под Арзамас. Бригаду возглавил Валентин Фесенко.

Жизнь потекла своим чередом, без заметных изменений. Вечерами кололи дрова, ездили с флягой за водой на речку. Поужинав, либо читали, либо сражались в шахматы под гудение топящейся печки. Для закаливания обтирались снегом.

...Со дня на день ожидалась мехколонна. Ей предстояло разрезать гору-берег и вырыть через болото траншею до минерального дна — сделать выторфовку, чтобы уже потом засыпать траншею грунтом — возвести полотно на твердом основании.

Со стороны Мазурово, слышно, громыхали бульдозеры, экскаваторы, самосвалы. Вот когда по-настоящему почувствовалось дыхание гигантской стройки. И наша бригада действовала на стрежне ее.

Панин жил в одном теремке с нами, подчиняясь всем правилам казарменного положения. Жадно прислушивался, присматривался ко всему, что касалось работы, и делал выводы. В водолазном свитере, пышной меховой шапке летал по деревеньке в поисках бензина для «Дружбы», заччастей к трелевщику.

Опыт железнодорожный кой-какой он уже имел. Сразу после школы по комсомольской путёвке вместе с классом отправился на сооружение ветки Камень — Карасук — Алтайская. Товарищи вскоре покинули стройку — не понравилось, а Панин провел на ней три года и по направлению поступил в институт. Первый год занимался до изнеможения. Свет в комнатах общежития отключали в двенадцать, а в коридоре горел ночь напролет. Он выдвигал стол за порог и опять читал.

Был не по летам серьезен: в фашистскую оккупацию потерял мать, воспитывался у бабушки. В те годы Коля и привык к самостоятельности.

Весной ему поручили спроектировать причал на Тоболе. Панин прежде наведалься к старику бакенщику — узнать, где меньше мелет. Обосновал причал всесторонне. В конторе ему, однако, не вняли. И причал вскоре оказался на сухом берегу. Шишки, понятно, на Николая.

Николай духом не пал. Занялся железобетонной водосливной трубой на другой стороне Еланского. Потребовалось углубить котлован и добить до отметки сваи. Рабочие в раж, погрозились нивелир изломать, если настаивать будет. Но нельзя же брак оставлять. Долго ждали железобетонные конструкции. Отрежет

распутица от поселка, как их потом доставишь. Наконец появился возбужденный, довольный.

— Разделались с непокорной. Уезжаю в Сургут.

На северную оконечность дороги отправили десант для строительства речного порта — для перевалки грузов с воды на рельсы и обратно. Потребовался инженер, и Панин вызвался поехать. Летом я навестил его там. Стоял июнь, а в Сургуте порхал снег и пронизывал до костей ветер. Суровость погоды придавала еще большую значимость глухому некогда краю.

Сургут — нефтяная столица Тюменщины. В 1593 году его основали по царскому указу московские князья Владимир Аничков да Федор Борятинский, коим повелевалось «быти на службе в Сибири, ставить город в Сургуте». Сургутом тогда именовалась местность, известная задолго до основания города. По местности и город получил название. Сургут — значит «рыбная пойма». Летопись рассказывает, как высадились князья со служилыми людьми на берегу реки и поставили первые деревянные строеньца. Поселились в тех строеньцах разные мастеровые и сторожевой гарнизон.

Приплывали и отплывали струги под парусами, спешили государевы гонцы с предписаниями и постановлениями, с докладами о делах в северной вотчине; устраивались торги с местной самоядью. Осваивалась Сибирь.

Нынешний Сургут — город нефтяников, геологов, лесозаготовителей.

С приходом «железки» город, до недавнего хаотичный, растянутый вдоль Оби на десяток километров, начал стремительно расти, упорядочиваться.

Будущее Сургута, Нижневартовска, всего Среднего Приобья — в нефтяных месторождениях: Мушкинском, Мамонтовском, Западно-Сургутском, недавно разведанном — Федоровском. А сколько их в перспективе... Знаменитый Самотлор в сорока километрах от Нижневартовска, и у него уже появились близнецы-соседи: Аган, Варьеган. Похоже, что Самотлор — лишь малая составная в единой гигантской площади. Так вырисовывается.

Будущее Среднего Приобья — будущее Тюменщины. Здесь все еще только разворачивается. И это больше, чем просто борьба за нефть, прежде всего это освоение огромных, малозаселенных пространств СССР. Таким образом, проблема узкая, локальная — добыча и транспортировка нефти — разрослась в общезначимую, общегосударственную — в проблему индустриализации Севера. По сути дела, это его второе после революции рождение, значительно поднявшее экономический потенциал страны. В известной мере нефть наложила отпечаток и на экономику, и в целом на политику, с учетом ее составляются народнохозяйственные планы.

...Поселок строителей порта тогда — несколько стандартных щитосборных домиков на берегу Черной речки, притоке Оби.

На Черной речке, не подверженной наводнениям, — база ремонта флота, пакгаузы. В прорабской во всю стену — генплан будущего объекта. Длина одной только причальной стенки — 800 метров. Повсюду слышно: «привязать поселок», «вывести кривую», «базис», «слипы»... Густилась за окнами тайга, и волны набегали на песчаный пляж речки.

Панин корпел над сметами, подсчитывал по ценнику стоимость работ.

Жил он через стенку от прорабской, в комнатенке, по скудости обстановки в ней напоминающей монашескую келью: самодельно сколоченные стол, табурет; спал на раскладушке. Мы проговорили с ним допоздна. Белая ночь неслышно притронулась к окну, настроив обоих на поэтический лад.

С буйно отросшей шевелюрой на крупной голове, в разношенном водолазном свитере, полнившем и без того громоздкую фигуру, Панин смахивал на одного из лондоновских героев. Не привыкший с малолетства к легкому, он твердо усвоил: трудно еще не значит плохо, не поддавайся унынию, даже когда станет невогору.

На совещании молодых строителей Севсиба я узнал об открытии «второго фронта» дороги — с ее северной стороны. Панина это не миновало. Прораб лесорубов — он. Обзавелся уже семьей. Жена — однокашница по институту, так что их производственные интересы совпали. В пору заеланской страды мы отряжали Колю к ней на свидание в Хабаровск, экипировав кто модными туфлями, кто пальто, а кто ссудив финансами. Один за всех и все за одного — такова была заповедь.

...Отправились на Юганскую Обь — рукав Оби, отделенный длинющим островом, — на ЗИЛах, под завязку нагруженных всякой всячиной — от картошки и мыла до передвижной электростанции. По пути Николай рассказал: — Начать «железку» с этой стороны хоте-

лось давно, но в верхах колебались: строить или не строить дорогу до Нижневартовска. Предлагали закруглить южнее. Изыскатели так и формулировали: «Тюмень — район Сургута».

Панин оживился: видимо, ситуация сильно его занимала.

— Доводы те, что один только мостовой переход через Юганскую Обь затребует тридцать миллионов рублей, да мост через саму Обь... И вдобавок пятьдесят четыре средних и мелких мостика через речки, лога. Плюс железнодорожная насыпь на затопляемой приречной пойме — целая намывная дамба с шириной основания восемнадцать метров и такой же высоты, — ее возведут механизаторы. Километр дороги свыше миллиона рублей обходится, в то время как на Абакан — Тайшете — 770 тысяч, поэтому колебались. Но в таком случае терялся и смысл речного порта, всей «железки». В правительстве решили: затраты затратами, а дорогу Нижневартовску дать надо. И завертелось! Тотчас радиограмма из управления — и пробная наша вылазка. Отправились к месту действия на тракторе, закружили по лесу, свалились в какую-то яму. Едва выбрались спустя сутки, с помощью изыскателей разведали дорогу через Обь и ее Юганскую протоку. Пробуксировали сюда балок, палатку жилую поставили и рядом с ней на возвышении палатку под склад. Предстояло пробиться до весны на незаливаемый материк и заготовить столбы для электролинии...

ЗИЛы выкатили на белесоватую ширь реки. Колея полна воды, в иных местах колеса скрывало. Шоферы, распахнув дверцы, стояли на подножках, чтобы в случае чего не булькнуть

под лед. Миновали утыканный тальником, ветлами остров; за ним показались палатки и балок на берегу, вагончики гидромеханизаторов.

Лишь только ЗИЛы затормозили, Панина тотчас обступили лесорубы. От прораба ждали, с него требовали, просили, в надежде, что разрешит проблемы, и он в тот же день вернулся в Сургут за недостающими грузами и бульдозером, необходимым при расчистке просеки. Мастеру наказ: подыскать на случай наводнения новую стоянку, ближе к материку.

Панин явился под вечер серьезный, сосредоточенный, усталый. С ним лесорубское пополнение. Прицепили к трактору балок, и переселение началось. Следом, пробуксовывая, выручая друг друга тросами, двигались ЗИЛы. Шесть озер и столько же речек миновали. На избранной мастером чистинке прикатали снег, потеснили кусты, принялись натягивать палатку. Но плотный густой ветер, как ладонью, валил ее. Тогда за дело взялись бывшие армейцы, и скоро белый брезентовый домик встал посреди унылых тальников. Внутри расположили койки, закурилась дымком «буржуйка», сразу придав палатке обжитой вид. Панин по такому случаю даже речь перед пополнением произнес:

— Завтра распределитесь по бригадам. Котлопункт будет. Картошки и всего прочего завезли достаточно. Повар среди вас нашелся квалифицированный. Так что обустройвайтесь, привыкайте...

В темноте гудели лесовозы со столбами для электролинии, будоражили первозданную тишину. Шоферы торопились назад, и я присоеди-

нился к ним. На подъезде к Сургуту встретили посланный Панину бульдозер.

— Я по приморозу, — сказал водитель, имея в виду коварную Обь. Но примороза не было. Под колесами озера воды. Мы ехали по притихшему городу, представлявшемуся мне в недалеком будущем многоэтажным, многооконным, шумным, с гудками тепловозов на станции с тем же названием, что должна встать у деревни Белый Яр.

В следующие дни началось также сильное потепление, что снег мигом съело, и Панин дал команду отступить на материк. Путь преградила речка Усть-Юган. Лед на ней осел, разрыхлился, поверх льда вода. Едва тракторы на полной скорости прогромыхали.

За речкой разбили лагерь. Что дальше? На Панина устремлены сорок пар выжидающих глаз. Связи с Сургутом никакой. Настроение у лесорубов, понятно, угнетенное, мрачное. Чтобы разрядить напряженность, Панин на свой страх и риск распорядился рубить за речкой просеку. Сам взялся за топор. На душе, как после признавался, кошки скребли.

Наконец пожаловал на вертолете главный инженер, дал руководящие указания и отбыл восвояси. Панин, вопреки настояниям жены, пробыл на Усть-Югане полное лето. Дело требовало его присутствия там, в тайге.

Вскоре последовала бумага о создании на Усть-Югане самостоятельного поезда, Панина пригласили инженером в производственно-технический отдел. С присущим рвением взялся он за работу.

Во временной, тесной, как курятник, конторе засиживался допоздна: высчитывал, чер-

тил, корректировал поступающие от проектантов чертежи. Ждали, торопили с исполнением причальная стенка на Усть-Югане, взлетное поле для самолетов, начавшийся монтаж труб. Все требовалось проконтролировать. Однажды он пришел домой как в воду опущенный и заговорил о «большой» земле, некоей заштатной ветке Решета — Богучаны, мол, приелось здесь, уволится. А утром чуть свет отбыл на трубы и оттуда по радию доложил: «Монтаж выполняется успешно. Прочее соответственно». Голос в трубке оживленный, бодрый, вчерашнего уныния словно не бывало.

Он еще поработает на тебя, северный фронт! Пока фронт есть, солдату на нем быть! И я не ошибся в прогнозах. Ныне Николай начальник ПТО поезда, круг обязанностей широк, ответственность немалая. Справляется, нередко оставаясь за главного инженера и начальника СМП, а то и за обоих враз, когда те в отлучке.

Растет у Николая сын Димка, и, быть может, он повторит когда-нибудь одиссеи своего отца, счет которым у Панина-старшего не окончен. Наезжающая пресса именуется его первопроходцем, взирает с подобострастием, а я знаю Колю с азов и скажу так: «Для него трасса — жизнь!»

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Валентин Фесенко, появившись в Мазурово, отрекомендовался: «Бригадир-путеец. Кончал железнодорожное училище». Вакантных мест в ту пору не оказалось, да и путевых работ тоже не предвиделось, и Валентин стал лесорубом. Удачно махал топором и «Дружкой» управлял так, словно всю жизнь при ней. Когда же руководству поезда вздумалось создать новую путевую бригаду, вспомнили о Фесенко: комплектуй, мол, дела предстоят большие.

Валентин порасспросил дорожников — кто что может, бросил клич среди молодежи, чтобы соединить опыт ветеранов и задор юности.

Для начала бригаде поручили подготовить звеносборочную базу у речки Шестаковки. Бульдозером расчистили площадку, при проверке оказавшуюся неровной, «нелекальной», как выразился начальник поезда, и Валентину для острастки — строгий выговор. Фесенко не запаниковал, не разобиделся. Площадку довели до нормы, оснастили электроосвещением, складик под инструменты сколотили и принялись шить звенья.

Уже сентябрь красил желтизной дубравы, часто моросили затяжные осенние дожди. В это

время для всех нас большим событием явился приезд на звеносборку начальника стройпути Коротчаева. Обступил, сетуем: времени до пуска первого поезда остается мало, а работы невпроворот.

— А я вот проехал по трассе, — говорит Коротчаев, — и вижу, что поезд можно пустить на десять дней раньше намеченного. Даже нужно. Такие орлы да не справитесь!

— Справимся, если людьми поможете.

Тут же провели собрание. Решили распределиться на две смены, чтоб каждая по двенадцать часов. Километр путей в сутки обязались зашивать. Бригаду пополнили плотниками, механизаторами. Даже мастера согласились временно потрудиться рядовыми. Собралась у Валентина команда за пятьдесят человек, и каждого к месту определи. Ведь что такое звеносборка? Это целая система следующих одна за другой операций. Из них самая ответственная, самая точная — зашивка. Раскладывали шпалы, рельсы, и вот уже закипал веселый, дробный переговор электробойков.

Валентин, невысокий, широкий в кости, скороходочкой летал из одного конца пролета в другой, включался вместе со всеми в работу, где стопорилось: рельсы ли краном подать, ставить их по меткам, шить, принимал в напряженные руки электробоек... Тот, как живой, подавал трели, сотрясался. Бригадир, электробойку под стать, проворен. В то время Фесенко исполнилось двадцать пять, из них восемь лет на путях. Не без оснований произносил: «Мы — рабочий класс!»

Детство его, годы учебы в железнодорожном училище прошли на Урале, армия — в Си-

бири. Во Фрунзе после демобилизации шофёрил на автобусе. Познакомился тогда на пляже с юной белокурой балериной, покори́л ее сложными силовыми фигурами: делал так называемое сальто, стойки выжимал на руках — в армии занимался штангой, силой обладал недюжинной. Верту (так он называл балерину Вери) легко поднимал и удерживал одной рукой на весу.

Какой девушке не придется по вкусу такое молодечество. Они подружились.

После смены Валентин заезжал к Вере в театр, проходил за кулисы. Его уже знали: «А-а, Валек, приветик! Как жизнь?» — «На колесах». Выпархивала навстречу еще разгоряченная, с учащенным дыханием Вера, и они катили по ночному городу. Мечтали всегда быть вместе, на Севсиб переменял планы: из «Комсомолки» узнал Валентин о стройке, и повлекло его неудержимо. После железнодорожного училища обслуживал уже готовые пути, шел по проторенному кем-то следу. Тут иное — создавать самому! Уволился из автопарка и без путевки махнул в Тюмень, а уж оттуда до Мазурово рукой подать.

На трассе началась его подлинная любовь, обернувшаяся довольно скоро в семью. Избранницей Валентина стала Рая Рукцова, та самая южанка — белокурая симпатия с ямочками на щеках, заявившаяся в первый день на трассу с куколкой-талисманом. В девятнадцать лет стала Рая студенткой, а после двух курсов, пресытившись учебой, решила испробовать Сибирь. Для нее, маменькиной дочки, и Мазурово конец света. В поселке Рая более пришлась для вечерней школы, чем для трассы, но уже

хорошо то, что прижилась. Новая строительная династия завязалась.

Сынишка у супругов родился. Сенечка.

Валентина в бригаде уважали — за энергичность, напористость, умение организовать, вдохновить. Найти к каждому свой ключик. Слышал, как он просил доставляющую нам обеды Верку Гулак: «Ты получше ребят корми. Нагрузка им сама знаешь какая». В работе неумолимо-требователен. Отказался один из наших метить рельсы для раскладки по ним шпал (не мужское-де занятие!), он его выслушал и невозмутимо: «А сейчас за дело. Баночка с краской в будке». Но только перекур, и он уже рядовой член коллектива, равный с равными: смеется, балагурит.

Как-то на Гарденина, водителя «атээлки», поступил листок из медвытрезвителя. Валентин листок на видном месте в вагончике водрузил, констатировал: «От каждого по возможности, каждому по заслугам» — и ни упрека больше, а провинившемуся стыдно.

Похолодало. Дождь загустился в слякоть, покрепчал ветер, обещая неприятности. Днем еще полбеда, а вот как ночью! В сплотившейся вокруг звеносборки черноте хозяйничала, металась непогода, вызывая неприятное, знобкое ощущение. Прожекторы не в силах были пробить наносимые ветром завесы слякоти. Работали в полутьме, на ощупь.

Тонули в вязком месиве, рисковали оставить сапоги, передвигаясь со шпалами и тяжеленными шпальными брусьями на плечах. Руки в грязных мокрых рукавицах коченели,

теряли чувствительность, металлические подкладки пристывали к шпалам, приходилось отбивать их чем придется. Еще хуже с обстывшими грязью рельсами. Чуть прозевал — и перекос. Требование же к качеству зашивки неумолимое, без скидок на ночь и непогоду.

С каждым днем трудней становилось доставлять рельсы от Тобола. КраАЗ с прицепом полз в кювет. Лишь трактор выручал, но полностью обеспечить две смены и он не мог. Из-за этого случались «окна» — перебивы в звеносборке. В довершение электробойки поломались, били костыли вручную. Валентин подбадривал: «Не упадем в грязь лицом, мы ж — рабочий класс! Я постараюсь электробойки из НЗ выпросить».

Верно, привез два новеньких. Снова мы во всеоружии. Крановщики поторапливали раскладчиков шпал, те — зашивщиков. Стрекотали дружно бойки, скрежетали стаскиваемые с тракторного прицепа рельсы, искрили и дымили от трения. Тракторист только разгрузится — и обратно к Тоболу. 650 метров за смену осилили, да другая столько же дала. Валентин к начальнику поезда: «Рекорд установили, премией поощрить ребят стоит». Сам привез ведомость и деньги.

Можно было считать, что одержана победа. Через несколько дней зашивка была закончена. Бригаду хвалили на собраниях, в прессе. С корреспондентом Центрального радио у Валентина такой диалог состоялся.

— Как вы сумели достичь успеха?

— Народ все сумеет, если понимает важность и нужность цели, — четко ответил Фесенко.

— Трудно такой многочисленной бригадой управлять?

— Как не трудно. Но опять же вдохновение, подъем. И усталость не усталость, привычка помогает.

Диалог корреспондент записал на магнитофон, затем транслировала радиостанция «Юность». О парне с Севсиба узнала вся страна.

Пуск поезда для Фесенко, как и для всей нашей бригады, для Лобова, явился лишь прологом большой строительной эпопеи. Зиму провели на путях; ровным слоем разваливали балласт, уплотняли штокками между шпал — довольно прозаичное занятие. Но без него путь еще не путь! Зима выдалась морозная, доходило до пятидесяти градусов. Если еще с ветерком — на открытом возвышенном полотне сквозь нижеет. Терпели.

После бурного аврала наступило затишье. В такое время Валентину частенько приходила мысль о дополнительной профессии. Необходима она на трассе. И когда возможность приобрести ее представилась, воспользовался случаем. По окончании курсов машинистов мотодрезины его оставляли инструктором при школе. Отказался.

В Мазурово Валентину предложили не дрезину, а то, что подразумевалось под нею, — голая рама на колесах. Три месяца по детальке, по частичке собирал, кое-что изготовил сам, кое-что добыл у снабженцев или попросту выбрал из утиля. И вот она, дрезина, им собранная. Сменщик Валентина проехал красный сигнал, и его лишили прав. Остался Валентин без напарника. А это значило неделями не быть

дома. Особенно когда совершал рейсы за Тобольск.

«Железка» там была еще так себе: звенья на плотно брошены без балласта, порой даже несблоченные в стыках. Хорошо, сам путеец, соединит — и дальше. Однажды попал в буран. Снегу намело столько, что колеса скрывало. Валентин расчищал заносы лопатой, пробивал их дрезиной, пока колеса не соскочили с рельсов. Пришлось заночевать в кабине под свист ветра. Утром на него натолкнулась дрезина из Притобольского СМП. Выручая друг друга, двинулись в голову укладки.

Подобных примеров на счету у Фесенко немало, они — его повседневность.

Чем дольше присматриваюсь к Валентину, тем больше убеждаюсь в его душевной разносторонности, расположенности к людям.

В свободное от работы время он — в бильярдной, в кино или дома с газетой в руках, а то помогает Рае по хозяйству. Семьянин Фесенко отменный, хлебосол. Приятно заглянуть к нему «на огонек». Уж тут без интересной беседы, без угощения не обойдется.

Случилось, тот самый радиокорреспондент, проезжая, завернул снова к Валентину.

— Как дела?

— Нормально. Гоняю на мотовозе по перегонам, жду звеносборки на Салыме. Думаю там тоже организовать путейскую бригаду.

Салым — это уже 510-й километр трассы. Там, под Сургутом, появился вначале прорабский десант. Намечалось передвинуть весь наш строительно-монтажный, но на Салыме созда-

ли самостоятельный СМП. И Фесенко затосковал: показалось ему Мазурово глубоким тылом. Не оставляла мысль о бригаде.

На Салыме вместо ожидаемого производственного подъема встретили сонность, неурядицы. Бригаду Валентин перетянул почти всю, но работы не представилось: мехколонны не сдали полотно под укладку и, как когда-то в Мазурово, не завезли вовремя шпалы. Изготавливали их на месте, сами. Валентин по такому случаю переквалифицировался в вальщика леса.

В один из ненастных осенних вечеров, когда грязь по колено и сверху мочит, в столовой, за неимением клуба, организовали дискуссию на тему «Что такое романтика?» Собралась не только молодежь, но и люди бывалые, опытные. Среди них — Фесенко, недавно выбывший из комсомольского возраста. Постепенно разкровенничались. Вергасов сказал:

— Романтика — это рубль.

— У меня в Новороссийске квартира, шикарный гарнитур, библиотека в полторы тысячи томов — все есть! На трассу за автомобилем приехал, — поддержал другой.

Для Лешки Гулака романтика — в экзотике тайги, в общении с ней на равных.

Поднялся со стула Фесенко.

— Для меня романтика — работа, созидание. Есть работа — я живу, действую. В ней — моя судьба, судьба моей семьи и моего государства... Беспокоит-создавшеся в поезде положение. Мы можем и должны работать с большей пользой, без разброда, без утечки кадров...

У Валентина мечта — стать машинистом тепловоза. Но для этого необходимо среднее

образование, и Валентин терпеливо одолевал одиннадцатый вечерний класс. Прямо на трассе проглядывал учебники. Нелегко, конечно, приходилось. Но настойчивость плюс острый ум — и справился!

И сам хороший учитель: сколько молодых и старших по возрасту под его началом приобрело профессиональный путевский навык!

При всей трезвости и практицизме Валентин — поэт.

— ...Набегающие стремительно леса, реки, говорок рельсов и — небо! Да, небо! Больше всего люблю его рассветное, когда полотнище зари украсит склон и ты стремишься в пламенеющий этот разлив, врываешься в него, в занимающийся день, тяжеловесным составом на курьерской скорости. С громом, грохотом...

Я хорошо понял Валентина, его желание — водить поезда по Северной Сибирской, в будущем — самой северной магистрали. Железная дорога — это всегда на века, всегда легенда. И тот, кто стоял у истоков этой легенды, для потомков — человек из необычного.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

В кузове «атээлки» нас — как колосьев в хлебном снопе. «Атээлку» бросает по пням, по корягам, того и гляди вылетишь за борт. А то садимся в топь, и тягач, подобно раненой птице, начинает беспомощно биться на месте. Толкаем его под «раз-два — взяли!».

Место стоянки лесорубского десанта — километрах в трех от Еланского болота, посреди плотного, как стена, березняка — палку сквозь не просунешь. Расчищаем «пяточок» для палаток и принимаемся вбивать опорные колышки. Я углубился в лес и неожиданно увидел парня, русоволосого, в рубахе нараспашку, выцарапывающего что-то на бересте. Заглянул через плечо.

— Стихи?

Деревья кружатся в бесшумном танце,
Склонился вечер на кусты...

— Да вот показалось, что вершины берез в лучах заката кружатся плавно, как в вальсе. Захотелось сохранить в памяти, а карандаша нет, воспользовался гвоздем и берестой. — Он простодушно-открыто улыбнулся.

Познакомились.

— Вальцев. А зовут Генкой. Для меня эта вылазка уже третья. Строил химкомбинат по

крекингу нефти в Новокуйбышевске, потом завербовался в леспромхоз Коми АССР. Туда ехали кто за деньгой, кто скрываясь от сварливых жен, многие, и я тоже, — впечатлений поднабраться. И решил я вести запись всего случившегося на трассе — какой она окажется для меня, Северная Сибирская.

Помолчал, будто всматриваясь в сгущавшуюся ночь или любуюсь ею.

— В детстве я мечтал стать художником. Все пытался нарисовать небо, но безуспешно. А вот брат младший Санька мазнет небрежно по бумаге — и у него получается. Наверное, это и есть талант. Но цвета я все-таки изучу.

Природа с ее неисчислимыми красками помогает мне жить. В Коми раз затосковал сильно: тайга, безлюдье на десятки километров. Скучно в балке. Наткнулся как-то на озерко подо льдом — зеленые водоросли видно, пестрых рыбок. Хандра мигом отлетела. Чуть что — опять к озерку на излечение...

У палаток ярко полыхал костер, наигрывала Мишина гармоника, под аккомпанемент ее летело:

В Мазурово мы пришли с Сисима
Строить трассу жизни на Сургут.
В песнях говорят о нас красиво,
Но не верьте песням, песни лгут.

Следовал припев:

В края холмистые, в болота мгlistые,
Где комаров и мошек кутерьма...

Из «Записок» Вальцева.

«Моим кумиром стал Василий Капустин, секретарь Нижнеудинского горкома комсомола. Прочитал о нем очерк в «Молодом коммунисте»

и с тех пор не расстаюсь с журналом. Капустин — это человек необычайной душевной силы. Зная, что дни его из-за болезни сердца сочтены, не оставил комсомольской работы. Горел, дерзал. Сочинял полные оптимизма стихи:

Десятки раз я упаду и сотни встану,
Мне хватит сил на все бои, на все пути...

По дороге сюда читал я очерк вслух и возмущился, когда Вергасов задремал. Зато какие горячие глаза были у Виктора Воробьева и недавней прядильщицы Галки Смелковой. Это неистощимые заводилы и организаторы. В критические моменты, когда от изнеможения валишься с ног и подступает тоска по дому, сплываемся вокруг них и бригадира Жени.

При всей своей молодости Женя уже опытный трассовик, перед ним стыдно опоздать на работу или трудиться вполсилы. Хорошо то, что бросили нас на самый жаркий участок, пусть «хватит сил на все бои, на все пути...»

Налет необычности скоро сменит привычка, будет однообразие дней, возможны личные неприятности, вот тогда-то и поманит обетованная земля...

...До отъезда на Севсиб я мучился гамлетовским вопросом: быть или не быть! — либо оседлая, размеренная жизнь на отчей Ивановщине, либо новые коллективы, новые стройки. Решил: быть! Путевки имелись в Красноярск, Томск, Хабаровск, в Симферополь, но выбрал Тюмень — хотелось увидеть людей из легенды, знаменитых абакан-тайшетцев. Много о них был наслышан. В Мазурово нас встретил Женя».

Мне подумалось: Вальцев — подлинный представитель сегодняшней молодежи. Все в нем: возвышенные устремления, одержимость, естественные в таком возрасте. И Полина... Страсть к перемене мест заразительна. Полина, когда Вальцев уезжал на Севсиб, собралась с ним, однако Генка воспротивился: «Придется ходить в резиновых сапогах по болоту, а ты... ты красивая. Я не могу представить тебя иначе, как в белых воздушных туфельках на асфальте». И только на трассе понял ошибку.

Из «Записок».

«Трасса по-настоящему сплотила нас. Здесь — подлинное товарищество, взаимовыручка. Радости и огорчения — все пополам. В поселок наведываемся только по воскресеньям и первым делом бежим на почту. От Полины ничего: должно быть, обиделась за отказ. Но не мог же поставить под угрозу ее будущее — занимается в университете марксизма-ленинизма, готовится поступить в партшколу.

Тоскую, да что поделаешь...

У нас ЧП. Один раз, уезжая домой, забыли погасить костер. От него занялся торф. Срочно пригнали бульдозер опахать очаг пожара. Мы кто чем всю ночь глушили пламя, глотая удушливый едкий дым. Огонь ускользал в торфяную толщу и появлялся в другом месте.

Особенно решительно Галка с Виктором на него наступали, забрасывали землей, хлестали ветками. У Смелковой прогорела косынка, распарапана щека, но Галка отмахивалась: «Пустяки, до свадьбы заживет». Не ушла. Откуда только силы берутся?

Утром от бессонья болела голова, подгибались ноги, но мы знали, что вот-вот свершится давно ожидаемое, и крепились. Деревья падали... Просвет! Воробьев первым устремился в него, как в дверь.

— А-ааа, Еланское!

Болото ответило многоголосо.

Обычно сдержанный в проявлении эмоций, Виктор подхватил Галку и, как была та в спортивном пропотевшем трико, резиновых сапогах и с топором в руках, закружил. Потом взял у нее прожженную в нескольких местах косынку, прикрепил к палке. Получился своеобразный флаг.

— Свети в честь победы!

Через несколько дней неожиданно рано разыгрался шальной бурей. Снегу намело целые сугробы. Это в октябре-то! Равняя зима с бурным началом устрашила многих южан. Побросали трудовые и были таковы. Один «герой», чтоб только ретироваться, растравил старую язву желудка. Такие не приживаются. И о таких не жалеют.

Я дотянул до желанной путеукладки. Право вести ее оспаривали многие бригады, но досталась она нашей».

Вот как это происходило.

В один из декабрьских дней ивановцы, как обычно, собрались у прорабской. Женя сказал:

— Возьмите со склада жеску (передвижную электростанцию), две электродрели — будем шить звенья.

Подрулил ЗИЛ. Погрузили необходимое и выехали к речке Шестаковке. Первый почетный костыль забил Лобов.

Звенья тогда шили прямо на полотне. Разложив шпалы рядом, сверлили в них отверстия. Генка навешивал шпалы железной лопой — прижимал плотно к рельсу, а Виктор с размаху вгонял костыли в отверстия.

Хмуρο. Ветрено. Но не замечали холода, клещами втаскивали на полотно рельсы, похожие на застарелых темнобоких щук. В день давали путей лишь по 150—200 метров, но давали. Это были первые стальные шаги Севсиба! Жили ребята коммуной в просторной общежитской комнате. Это удобно Лобову. Среди ночи, когда прибывали машины со шпалами, поднимались и без промедлений шли разгружать.

Становились заправскими путейцами. Это не просеки рубить или автодороги хворостом выстилать. Рельсы могут оказаться излишне длинными. Недоучти — получится забег одной нитки вперед. Придется стыки «разбалчивать» и менять рельсы местами.

Хлопотная операция именуется «перетяжкой». На Генке лежала обязанность не допустить этого. Он измерял угольником рельсы, вставлял в стык между рельсами палочку-зазорник: просвет должен быть определенной величины — необходимые путейские правила.

Доводилось и молотком махать.

Ртутный столбик часто опускался до минус сорока, но работали ивановцы азартно.

Из «Записок».

«Нынешняя зима послужила для всех нас суровым экзаменом. Каждый день одни и те же занятия, знакомый-перезнакомый поселок, люди. Иные не выдерживали, скисали, а я по-

нял, что мое место именно здесь, на переднем крае борьбы. В награду за лишения нам будет магистраль! Жаль вот только, Полины нет рядом. И не пишет. Неужели вышла замуж?.. При мысли об этом тревожно на душе».

Кажется, давно ли синью неба, задымленностью далее и распутившейся ольхой чаровала весна. Размеренно-часто вздыхал на крутом извороте реки копер: чих-чах, чих-чах, выплевывал черный дым. Копровщики, заострив с конца сваю, ставили ее лебедкой вертикально и пускали в ход дизель-молот.

Плотники крепили сваи раскосами и уж поверху причала накат делали.

Тепло. Рыхлеющий лед ослепительно блестел под солнцем, пускал по берегам растеки воды.

Все начиналось как бы сначала. Был первый гром, первые журавли, уронившие хрустальный звон на расплеснувшуюся ширь реки. И первая баржа. К причалу ее подогнуть не смогли из-за малой воды и намытой прошлым летом при углублении фарватера песчаной косы. В критический момент Лобов дал команду поставить плавкран между баржой и причалом.

Пачки шпал, ящики с костылями подавали прямо в кузове самосвалов; гравий ссыпали на причал. Гора его поднялась.

— Давай! Давай! — задорил Вальцев и без того проворного симпатичного крановщика в кубинском сомбреро.

На нем все та же нараспашку клетчатая рубаха, перепутавшаяся от ветра шевелюра

цвета осеннего выцветшего ковыля. А глаза особенные, чистые, словно в них сама лазурь неба. И смотрит он на мир по-детски доверчиво, не перестает удивляться.

К концу дня собралась гроза. В воздухе от частых молний стояло сплошное бело-голубое сияние. Учащаясь, хлестали дождевые струи. Брезентовые спецовки набухли, пропитались влагой, стали тяжелыми, а мы знай себе стаскиваем клещами осклизшие и юркие, как рыбины, шпалы в пачки, чтоб захватил кран.

Когда собирались покурить под металлическим тентом на палубе, Генка невозмутимо рассуждал:

— Скоро годовщина моего пребывания на Всесоюзной комсомольской ударной (вон сколько титулов!). Прорублена трасса, уложено на нашем участке двадцать километров путей. Не за горами первый поезд. Хочется работать неистово, яро.

На звеносборке артистически-красиво вгоял костыли электробойком — без останову по пролету в четверть километра двигался. Всегда безупречно исполнитель. Но однажды ушел посреди смены, вызвав всеобщее недоумение. Я застал его в общежитии, сидящим на койке.

— Полина вышла замуж.

Как утешить?

Выбрались на Тобол к знакомой излуке, присели на поваленную березу, смутно белевщую в сумраке. Ночь тихая-тихая, до звона в ушах... Эпически-спокойная ночь... Луна продиралась сквозь сваливающиеся в лес облака. Упала в реку, проплавив вглубь огнистую дорожку. Дорожка текла, струилась... В безбрежии неба плыли звезды. Подсвеченные за-

рей облака — как гриновские с алыми парусами корабли...

— Полина есть и уже нет ее для меня, — замедленно произнес Генка. — Поехать, увезти? Но смогу ли я дать ей то, что даст муж?

Размышлял о преимуществах холостячества — и свел их к нулю. Жизнь до этого представлялась только как борьба за великое, вечное на земле. Но, оказывается, есть в ней «мелочи» отрезвляющие и беспощадные...

Счет суткам вели метрами защитой путевой решетки, и чем больше их, тем значительней был прожитый день.

...Последние плети поданы в голову укладки. Накануне многошумная, в огнях, звено-сборка стала тиха, пустынна. Как свидетельство недавней битвы маячили стрелами краны, там-сям валялись куски проволоки, шпалы; колеи глубоко изъезжены колесами, и множеством ног перемешана грязь.

Лобов дал команду привести площадку в порядок. На ней в день пуска ждали поезд из Тюмени. Было холодно, ветрено. Жгли костры. Наконец в темнеющем пространстве возник едва слышимый певучий сигнал и показался головной ТЭМ-1, за ним в кумаче плакатов и транспарантов — вагоны.

Радостное зрелище! Поваяло дыханием Магнитки, Днепрогэса, Комсомольска-на-Амуре. Подумалось: «В героическое время живем...»

Из письма Вальцева к брату.

«...Зачастят теперь поезда по «железке», а мы переместимся дальше за Тобольск монтировать железобетонные водопропускные трубы. Там мехколонны уже отсыпают полотно, и

надо спешить... После демобилизации давай в нашу бригаду, строителем-железнодорожником...

Поздравь: я — кандидат в члены партии. Прием состоялся накануне торжественного события, я здорово волновался, но прошел единогласно...»

Из «Записок».

«Вот уж поистине удручающая местность! Куда ни глянь — всюду холмы, лога головокружительной крутизны, обгорелые деревья — след свирепого пожара. Недаром же называется местность Горелый Яр. Живем в щелеватых, насквозь продуваемых ветром вагончиках, питаемся в котлопункте, который сами окрестили «козломойкой». Ударили сильные морозы, в вагончиках жилым не пахнет. Но это еще полбеды — встала техника, и вот в пятидесятиградусную стужу таскаем на себе сушняк из ближайшего лога, воду в котлопункт. Котлопункт обсыпали снегом, стало в нем чуть теплее. Но все равно щи схватываются на столе льдом, а хлеб приходится разрубать топором. Обедаем в рукавицах.

Работы на трассе — непочатый край, а кран на ремонте. Из автомашин лишь ГАЗ-51, и тот едва дышит. Начали монтаж трубы вручную. Трехтонные железобетонные кольца втаскиваем на фундамент и, подпирая плечами, катим к месту укладки. Самое трудное — развернуть их и состыковать.

Устаем так, что валимся спать одетыми. Особенно когда долбим котлованы под основания труб. Орудия труда — кирка да лом. А скипевшийся грунт подобен стали».

Тут следует пояснить, что операция «трубы» осуществлялась в масштабах управления. Стокилометровый участок за Тобольском разбили на отрезочки для строительно-монтажных поездов, разбросанных по всей трассе, и те вынуждены были перебрасывать дальше, по бездорожью технику, стройматериалы, людей, несли издержки и не отличались большой производительностью. Той самой производительностью — скучненьким, мелькающим в официальных отчетах словом, за которым стоит все созданное и создающееся человеком. И когда это «все» создается медленнее, чем хотелось бы, говорят о плохой производительности, о плохой организации труда...

...Из-за распыленности сил монтаж труб на тех ста километрах был просрочен... на год, задержана укладка путей.

Требовалась концентрация сил ближайших к месту действия СМП. Но допустили просчет, и он отразился не только на выполнении плана, а и на такой деликатной вещи, как человеческая психика. Вальцев — наглядное тому подтверждение.

Еще из «Записок» Вальцева.

«На быт не обращаем внимания, все мысли о работе. Необходимо до весны забетонировать с таким трудом выдолбленные котлованы, иначе зальет их — и весь труд насмарку. А ведь надрываемся по двенадцать часов в сутки, вручную: компрессором нас не обеспечили. Но что самое огорчительное — нет гравия. Говоренко кормит обещаниями.

Неустроенность быта, штурмовщина дают о себе знать.

Много теряем из-за стихийности, неотлаженности производства — то прохлаждаемся, то наверстываем упущенное со сногшибательной поспешностью...»

И отрывочная, как вскрик ф́раза:

— Я больше не могу! — в отчаянии воскликнул он, смятенно глядя на вагончик, в котором дотлевали его вещички и среди них фотография Полины.

— Стоит ли убиваться из-за карточки, — удивился Виктор Воробьев.

Генка опять сорвался на крик:

— К черту все! Осточертело! Эта глушь! Безделье! Кажется, что и думать разучился!

— Попал в качку и сразу крен на борт. Переболеем и пожар, и котлованы, и глушь, — Виктор повернулся к Смелковой: — Верно, Галка-русалка?

— Еще бы нет. Крепись, Генашка! — с готовностью поддержала Галка.

Он как камень метнул:

— Прощайте.

Зашагал в сторону Тобольска. Не обернулся, не сбавил ходу. Мы смотрели ему вслед, надеялись: опомнится. Нет... Молча отправились в уцелевший вагончик. От сгоревшего остался покоробившийся металлический остов с пустыми амбразурами оконцев.

Загорелся вагончик по недосмотру Вергасова, исполнявшего в тот день роль истопника. От выпавшего из печки угля затлелся пол, и пламя охватило тамбур. Пока Вергасов поднял тревогу, пока мы приспели, от пристанища на колесах осталась покоробившаяся, в черных зализах дыма коробка.

Довольствовались теперь тем, что надето на нас. Но ушел один Генка. Его дезертирство удивило и обескуражило. Кое-кто потерял уверенность. Вергасов первый поддался настроению.

— А не смазать ли лыжи? Дела тут хана.

С обросшей лохматой головой на тонкой подростковой шее, измазанной сажей, он уже сам по себе являл подтверждение тому, что говорил. Но Воробьев осек:

— Для слабаков маленькая качка — шторм. Для сильных и шторм лишь качка. Так на флоте считают.

Он всегда был прав в оценке, этот бывший моряк-подводник. Когда-то втихомолку посмеивались над его житейской трезвостью, считали сухарем и только позднее оценили достоинства воробьевской натуры. Да вот и сейчас он ведет себя так, будто нет сгоревшего вагончика и обратившихся в пепел его собственных вещичек и мы не отрезаны распутицей от Мазурово, всего цивилизованного мира. Устроились с Галкой в соседнем вагончике. А вот наш романтик сбежал! Почему? Где разгадка? Тогда-то и обратился я к подаренным мне запискам. Листал, анализировал их... Мы настолько сдружились с Генкой, что ни одна запись не была для меня тайной.

За окнами вагончика густела ночь, влажная, хмельная, какой она бывает в пору снеготаяния. В вагончике толкотня, гомон, выкрики: обсуждают создавшуюся обстановку. Женя заметно удручен, растерян.

— С откачкой воды из котлованов пока ничего не получается — мгновенно набирается снова. Надо сообщить об этом Говоренко...

— Я пойду! — привстал Виктор. — К утру

выберусь на тракт и попутным транспортом до Мазурово. Так вернее.

— Давай,— согласился Женя,— только не заплутай, держись трассы.

— Есть держаться трассы, не сбиться!— по военному откозырял Виктор.

...Вагончик дрожал, сотрясался от бурлящего отопительного «котелка», и, может, потому спал я беспокойно. Очнулся от скрипа двери — вышел в тамбур Женя. Слышно, просит Галку приготовить пораньше завтрак, значит, на трассу все-таки идем, все же легче, чем сидеть сложа руки. Как-то там Виктор, добрался ли до тракта? Снова мысли обращались к Генке. Почему? Почему сбежал? Искал разгадку в «Записках». Искренность «Записок» бесспорна, но это не оправдание поступку.

После завтрака потопали к котловану в еловом распадке, где оставили насос. Хотя зачем стараться, цемента для бетонирования все равно нет. И не предвидится. Вот и положились на начальника поезда, на снабженцев.

Весна меж тем не дремала. Еще накануне ураганный ветер раскачивал вагончики, мел поземку. Ночью погода сменила гнев на милость, ветер угнал тучи, и утро встретило лучезарной улыбкой. На улице пять градусов тепла. Талая вода преспокойно заливаает котлованы, и мы ничего не можем поделать с этим.

В вагончиках только и разговору, что о залитых котлованах. Напрасно Генка считал, что молодежи свойствен лишь порыв, а не результаты его. Все досадовали, переживали, хотя, казалось бы, с чего: ведь деньги за работу получали... Есть нечто выше денег — целесообразность труда! Мы продолжали оставаться в Го-

релом Яру. Там и застало меня Генкино почтовое послание.

«Чем дольше живу дома, тем больше убеждаюсь, что мой побег был абсурдом и одновременно следствием поездных и моих личных неурядиц. Не хватило воли перебороть их. А все дело в том, что некому было встряхнуть, поставить на место. Не было последнее время чувства локтя, коллективизма. Сплошной самоанализ... Оправдаться можно только одним: возвращением на трассу...»

Так он и сделал. Работает бригадиром путейцев за Сургутом. Нелегко, конечно, но приобретенный опыт в деле помага. Да и душевно закалился Вальцев, не поддается больше смятению, не подводит трассовиков.

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД

Пуск первого поезда приурочили к пятидесятилетию Советской власти.

Успех задуманного решала в первую очередь отсыпка земполотна. Когда говорят о строителях железных дорог, всегда имеют в виду укладчиков рельс — путейцев и не всегда механизированные колонны, доставляющие из карьеров в насыпь миллиарды кубометров грунта.

Мехколонны затягивали отсыпку, и Коротчаев, генеральный подрядчик всех работ, созвал экстренное совещание.

— Положение с отсыпкой критическое, — без обиняков начал он. — Необходимо послать в Мазурово оперативную группу. Состав ее определен — три человека. Решения принимайте смело, на правах управления...

Возглавил оперативную начальник производственного отдела Лазарев, тот самый, который несколько лет назад выступал в кинотеатре «Космос» и обратил меня в трассовики. Всего членов оперативной было трое, и занимали они комнатку в гостинице, не спали допоздна, обсуждая трассовые стечения. Насколько острая создавалась обстановка, показала легучка с руководителями базирующихся здесь мех-

колонн. Лазарев так же громкоголосо, как когда-то в кинотеатре, обращался к слушающим:

— Ссылку на дождь министр не принимает, надо работать и в непогоду, занимать выходные дни. Наладить отсыпку по крайней мере в две смены, иначе провалим кампанию. Ведь на всю страну дали обещание открыть движение поездов к Октябрьской...

Сетевой график предписывал каждой мехколонне отсыпать в месяц по шестьдесят тысяч кубометров грунта. Они же за двадцать дней лишь половину дали.

И предостерегающе:

— Боюсь, не справитесь за оставшуюся декаду. Нарушите график в этом месяце, собьетесь и в следующем. Не забывайте особенно сетевое — все в свое время и без промедлений. Сутки еще посмотрим, потом будем принимать меры. Послаблений не будет...

Жаркие споры разгорелись на разъезде Большесельский. Назревал разлад из-за трех километров, предназначенных к укладке, но изъезженных машинами. Требовалось полотно выровнять, прикатать. Сшиблись оперативная и припадающий на тросточку начальник мехколонны Худяков.

Худяков:

— Это мы сделаем, но как потом добираться? Дороги проезжей нет. Вы ж сами, генподрядчик, наложили на нее вето. Не хватает средств на все. Автодорога вдоль трассы в миллион обойдется.

Дальше речь коснулась плотности отсыпанного грунта. Худяков доказывал, что она достаточна. Называл цифры.

Лазарев:

— Да таких допусков вовсе и нет.

Худяков:

— Нет есть! Сверьтесь в ПТО.

— Сверимся,— погрозился Лазарев.

В том месте, где бульдозер расчищал от пеньков и кочек еще не тронутый участок, готовили под выборку карьер. Лазарев, понаблюдав, резко:

— Плохо вскрышу снимаете. Да и что это за грунт?!

— Грунт как грунт, у нас акты...

— Мало ли что акты. Во-первых, карьер этот не запроектирован, и опять же не вижу уплотнительных катков. Я запрещаю работать.

Худяков:

— Давайте, если так, письменное распоряжение, остановлю машины.

— Письменного распоряжения не дам, но неужели нельзя хотя бы как следует выровнять полотно бульдозером?

— Стараемся.

В конце концов расстались. Лазарев:

— Каждый день навещать будем. Я не поверил, когда мне сказали, что такое допускаете. Теперь убедился... Спланируйте полотно и выверьте ось трассы!

Позднее на этом самом месте наша бригада укладывавала звенья и врезала стрелку, а у меня перед глазами стояли грохочущие машины и двое седеющих мужчин друг против друга. Вспоминалось настроение, порой до отчаяния безнадежное.

То был период, когда все встряхивалось, перепроверялось и настраивалось на боевой лад.

Собравшийся в Мазурово пленум дорпрофсожа сибирских строителей целиком посвятили Севсибу.

Отзвучали обычные в таких случаях речи-отчеты, речи-требования, упреки, а после недолгого перерыва Коротчаев уже вел совещание с трассовиками. По-прежнему гвоздем стояла тема объезда готового к укладке земполотна.

— Гривкой если попробовать,— предложил Коротчаев,— где посуше.

Ему возразили:

— Низин много придется засыпать. Времени и сил на это нет.

— Поможем тогда дрезиной — людей и горючее станем забрасывать по рельсам. Механизмы до окончания отсыпки оставлять там, на месте. Не держать же из-за автодороги путеукладку. Мехколонна на Еланском без бензина. Если не дать ей срочно «тропу» к Мазурово, простой неизбежен. Машины с автобазы управления срочно отправить на отсыпку, иначе одним мехколоннам не справиться. А кто Тахтаиром заниматься будет?!

Разъезд Тахтаир! Вскоре «газик» помчал туда высокое представительство. Стоп, дальше проезда нет. Отправились пешком — через кочки, коряжины. Хлюпала под ногами вода, удивительно, как не тонул экскаватор. Грунт он подавал в кузова громоздких, черных, как жуки, самосвалов, прибуксированных сюда на огромных стальных листах,— шла отсыпка основного пути.

— Важно до дождя успеть,— подчеркнул Коротчаев.— Иначе размокший суглинок от ковша не отскребешь. Вozить песок из запроек-

тированного карьера далековато, а суглинок вот он, рядом. Хорошо бы так же решить с болотом, отсыпать Еланское суглинком из береговой выемки...

В полукилометре от разезда — болото, с которым единоборствовала ставшая притчей во языцех мехколонна. Со стороны Мазурово тянули к Еланскому упомянутую Коротчаевым «тропу».

На выезде от карьера — растянутый над дорогой плакат: «Слава мужественным строителям ударной комсомольской!» Я не знал, что сейчас на первом плане: мужество или вдохновение или, может, убежденность людей в огромной нужности свершаемого.

Из Мазурово Коротчаев часто звонил нашим соседям в СМП у Тобольска.

В один из дней он отправился туда в сопровождении главного инженера института Главтранспроект Хвостика. На сто девяностом километре, между двух подгоревших снизу стен ельника, вели выторфовку. Коротчаев, остановив «газик», посоветовал:

— Засыпайте траншею грунтом из карьера на поле. Сыпьте и сразу прикатывайте, если рыхлый. Как бы не просел после...

Говорил негромко, взвешивая, разделяя слова. Чувствовалось, что все это много раз продуманно, советовано и не однажды испытано им.

С интересом всматривался я в массивное волевое лицо командарма стройки. Обогащенный многолетней практикой, Коротчаев искал скорейшие решения, в первую очередь о грунтах. Обследовал, перепроверял их, пока не утверждался в пригодности.

На Еланском остановились у выторфованной зимой траншеи, по самые края залитой водой. Долгое время Коротчаеву не удавалось «пробить» доотсыпку болота суглинком из береговой выемки. По этому поводу командарм представил в коллегия министерства обстоятельную докладную записку. На место событий выехал главный инженер Главтранспроекта Хвостик с наказом «не посмотреть, а решить». И сейчас Хвостик волновался: ответственность велика, может быть, наиболее велика за время его долгой службы. Обследовав минеральное дно, дал согласие на суглинок.

Чтобы грунт не вбирал воду, делали «экранны» — перемешивали его с битумом.

Подъезжающие чередой самосвалы валили суглинок в болотную пучину. Вода шипела и пузырилась. Непобедимое, казалось, Еланское покорялось смелости и находчивости людей.

Для нашей бригады первый поезд Севсиба не тот официальный, о котором шумела прессы, а сцеп дрезины и платформ с внушительной путеукладочной техникой. Был у нас старенький трелевщик, ласково названный «ласточкой». Начальное звено плети при укладке крепили к тросу, и, привстав от натуги почти вертикально, трактор вздымал конец плети себе на щит, продвигался вперед. Звено отделяли от плети, сбалчивали с уложенными рельсами, и операция повторялась.

На середине Еланского горбился свайно-эстакадный мостик. Не под силу стало тянуть «ласточке» плеть. Трелевщик оглушительно взревел, вздыбился, как норовистый конь.

— Порву сцепления! — заволновался водитель. — Давайте на помощь «атээлку».

Тягач светил нам ночью фарами вместо лампы-переноски. Легко, как соломину, перемахнул он плеть через мостик. Фесенко взмахом рук подавал сигнал к движению.

Достигнув берега-горы, в котором мехколонна прорезала глубокую выемку, развели костер, испекли оставшиеся картофелины, докурили последние папиросы. В выемке сквозило, как в трубе. Брезентовые накидки уже не спасали от дрожи, сказался и сон на земле — у Фесенко подскочила температура, осип голос, но не отставлять же в такой момент бригаду!

Близко от нас помаргивал крупной глазастой фарой, надвигался путеукладчик соседей. Вот-вот вступит на нашу территорию. Взыграл дух соперничества: «Скорей! Опередить!» До грани рукой подать. Как только подогнали из резерва плеть, один из наших загодя ослабил гайки на стыках звеньев. Звено укладывали, молниеносно выправляли, только слышалось:

— Давай! Давай!

Готово! Вот она грань. Двести метров за двенадцать минут! — такого еще не знавали. Из поселка подкатило на дрезине поездное и управленческое начальство со знаменем, корреспонденты.

С общего согласия Фесенко поручили забить на стыке с соседями «серебряный» костыль — блестящий, отливающий в самом деле драгоценным металлом. С «серебряным» связывалось у нас много надежд, ожиданий. Он был воплощением мечты нашей, ступенькой к северным широтам, куда более трудноодолимым: Тобольск на двести одиннадцатом километре от Тюмени,

Сургут уже — на семисотом, Нижневартовск — на тысячном. Расстояние учетверилось, трудности удесятерились.

...Обожженная креозотом ладонь Фесенко разжалась, удар — и костыль навсегда упрятался в шпале. И только память о нем не стареет. В честь события проследовала по кругу чарка и был залп из охотничьих ружей. На платформы по бревнам-покатам загнали «ласточку», «атээлку», и эскорт двинулся в сторону Мазурово.

Словно в унисон настроению хмурое расцветное небо развиднелось и в разрывы туч проглянула синева.

...И вот он, одетый в кумач плакатов и транспарантов, первый поезд Севсиба — всего несколько вагонов старого облегченного типа. Множество провожающих, звон оркестра, знамена, и всюду надписи: «Даешь Тобольск!», «Да здравствует Сургут!»

На импровизированную трибуну, прямо на поездной платформе, поднялся первый секретарь обкома партии и вручил на вечное хранение управлению Тюменьстройпуть памятное юбилейное знамя ЦК КПСС, Совета Министров, ВЦСПС.

Коротчаев заверил:

— Прошли до Тобольска, пройдем до Нижневартовска!

Снежинки падали на поседелую неприкрытую голову командарма. Вот перерезана кумачовая ленточка и тепловозы, посигналив, стронули состав. Так и ушел он, первый поезд Севсиба, ушел в историю. Его ждали по всей трассе. И всюду было многолюдье митингов, взволнованные речи.

КОШУРНИКОВЦЫ

Я впервые ехал в Тобольск. Увидел Иртыш, крутой Панин бугор, на котором некогда сразились Ермаково и Кучумово воинства, гору-холм с кремлем и золочеными маковками церквей. Автобус катил по неширокой мощеной улочке мимо деревянных рубленых домов, такого же рубленого театрлика, словно сошедшего с лубочной картинки. Кусочек старины и еще приплеск севера — колорит неповторимый.

Автобус выбежал из города, попылил немало равниной, и открылся мыс Сузгун, усаженный плотным сумрачным ельником, а со стороны Иртыша — словно бритвой откромсанный. По преданию, здесь, на обрыве, находился терем самой молодой жены хана Кучума красавицы Сузгэ. Когда посланный Ермаком атаман Гроза с казаками предложил ей сдаться на милость победителя, Сузгэ отправила гарнизон и всю прислугу вслед отступающему Кучуму, а себя умертвила.

Ее погребли с воинскими почестями, и с тех пор зовется мыс Сузгуном.

Чуть поодаль, между трактом и лесистой грядой — продолжением Сузгуна, — поле, на котором светлел щитосборными домиками по-

сёлок строительного-монтажного поезда, недавно передислоцировавшегося из Саян со станции Кошурниково. Ждали интересные встречи, знакомства...

...Из конторы поспешил на трассу, где по верху лесистой гряды расчищали место под железнодорожную станцию. Постукивание топоров, взвизги пил. Лесорубы в пропотевших майках, загорелые дочерна, торопились выложить внутрибригадные недовольства.

На заработки жаловались: мол, вот на Абакан — Тайшете, там — да! Или на Кузнецк — Абакане... И как упомянули о тех трассах, сразу посыпалось: Конуши — Вельск, Ачинск — Абалаково... О! Да тут асы транспортного строительства, бывалый народ! И бригадиры лесорубам под стать, словоохотливы. Лишь этот тих, поглощен работой. Ни жалоб, ни разнобою среди его подчиненных. Уже одно это заинтриговало.

Я терпеливо ждал отбоя. С хряском валились вековые сосны, и сучья на срубах истекали серой, а топоры взлетали, как боевые секиры. Взблескивали на солнце.

Предводитель, смуглый до глянцежитости, отмерив ширину просеки, помогал «дружбисту» валить «вилкой» деревья, что в его обязанности не входило, но бригадир не хотел оставаться в стороне. Движения рассчитанные, точные, деревья ложились без отклонений. А сплошай — и зажмет пилу... Из-под марлевой повязки на голове ручился пот, но глаза смотрели располагающе-добродушно. Спецовка свободно облегла крупные плечи, на ногах легкие сандалеты. Жим шестом — и сосна послушно кренится... Таких принято называть мастерами.

Наше знакомство, возможно, не состоялось бы, не появившись девчушка в красных брючках. Малорослая, юркая, нос пуговкой.

Закурила. Заметила мой взгляд и без смущения пояснила:

— Комаров дымом отгоняю, вон их сколько.— Непонятно, шутит или всерьез.

Лесорубы с видимым расположением отнеслись к девушке, звали попросту Тоней. Как выяснилось, она инженер по технике безопасности. Похоже, разгадав цель моего визита, принялась интервьюировать Мохова.

— Мохов Архип Аполлонович. Путеец пятого разряда. С нетерпением ждет укладки...

Мохов первопроходец — на Абакан — Тайпете, в Кошурниково начинал. Ему тогда орден вручили. Прессы понаехало целый вагон. Фотографировали, снимали для экрана. Аполлонович смущается. Друг Кошурникова Володя Козлов подбадривает...

— Как! Друг того самого?

— Да, того самого изыскателя. В Кошурниково работал и сюда приехал. Снова прораб по трассе. У нас его кличут Михалычем...

В повести Чивилихина «Серебряные рельсы» сказано: «Володька Козлов — молчун, здоровяк и безответный работяга. Его Кошурников подобрал где-то в тайге семнадцатилетним парнишкой и сделал изыскателем. На него можно было положиться, как на самого себя. Он постоянно просился на самые трудные задания, силушка в нем играла недюжинная, как в самом Кошурникове. Дружба их крепла на трассах. Это была мужская дружба хорошей закваски».

Если бы взял тогда его Кошурников на изыскание железной дороги от Абакана до Нижне-

удинска (первоначальный вариант Абакан — Тайшета), не случилось бы трагического. Володька был таежником и очень просился к Кошурниковым. Но он был нужен на изыскании тоннеля через Салаирский хребет.

Трое изыскателей отправились по тропе, такой узкой, петляющей, что олени едва продвигались. Козлов смотрел вслед, пока Кошурников со Стофато и Журавлевым не скрылись из виду. Уже снег пробрасывал — зима в Саянах наступает рано.

Они ушли и не вернулись. Объявили розыск исчезнувших.

Телефонограмма Козлова в Сибгипротранс: «Запросите погранзаставу, проезжал или нет отряд Кошурникова, и сообщите мне». И следом: «Кроме поисков со стороны Минусинска считаю целесообразным поиск со стороны Гутар. Мой отряд в четыре человека готов к выезду. Олениами по Казыру пробраться невозможно, нет корма. Выходим на лыжах. Немедленно телеграфируйте согласие». А через день: «Вышел на поиски. Доехали до левого берега Казыра. Дорога тяжелая, движемся по пятнадцать километров в день. Идем следом Кошурникова».

В это время на западе гремела война, стояли насмерть наши войска у Сталинграда.

Кошурникова нашли полгода спустя, весной, и похоронили на высоком берегу Казыра. Шумят над ним вековые кедры, обелиск высится, и на обелиске слова: «Изыскатель А. М. Кошурников. 1905—1942.

Ни слез не надо, ни венков, ни прочего...
Друзья! Ни слова!
Не разбудите рядового...»

После войны Козлов закончил Новосибирский железнодорожный институт, стал профессиональным изыскателем.

Позже в Новосибирске проектировал тепловые электростанции. Там к нему и наведалься писатель Чивилихин, расспросами о друге расстроившись бывшее. Потянуло снова на трассу, которую не успел закончить Михалыч — утвердить память о друге.

Подумал, что Кошурников обязательно поехал бы на Севсиб, и вот по завершении Абакан — Тайшета сам махнул туда вместе со строителями.

Когда тебе за пятьдесят, решение такое не пустячок.

Так все это преподавала Тоня.

Я горел нетерпением увидеть Козлова, сподвижника отважного изыскателя.

Он вошел в прорабскую. Спецовка — из грубой синей материи брюки заправлены в резиновые сапоги с длинными голенищами. Бодр, подтянут. Вокруг глаз сеточка морщин. Но глаза по-молодому задорные, умные, лукавые. И проницательные.

Козлов отправился к Сузгуну, где предполагалось смонтировать железобетонную водопропускную трубу. Я присоединился к нему. По пути завернули к уже готовой, заплывшей болотной жижей трубе-великанше в 46 метров длиной (начинаешь понимать необходимость длинных резиновых сапог!). Забросили в кузов оставшиеся после монтажа кольца, блоки — и к подножию Сузгуна. Требовался там котлован под новую водопропускную. Увидел сверху колышущийся разлет Иртыша, на нем мостовики били шпунт — ограждение вокруг будущих опор,

и уже возвышались готовые опоры. По тракту то и дело сновали машины, пели на реке теплоходы — всюду новь времени!

Котлован готов. Теперь очередь за сборными конструкциями. Козлов отправился на берег выбрать их из груды строительных материалов, сваленных с баржи.

После полудня встретил вездесущего прораба на просеке. Козлов выступил из дыма, стлавшегося над болотиной: затлелся торф, и он поспешил проверить, насколько серьезно. В саже, со ссадинами на лбу. Морщинки возле глаз гуще, резче, весь отяжелел от дневных сует, но улыбался.

— Рботка горячая, не заскучаешь.

Понимал я, как трудно ему, изыскателю по профессии, на стройке, но Козлов не подавал виду, выдерживал характер. Пусть обыденщина, шероховатости... Убытки из-за передислокации и недоделок в Кошурниково. Пришлось оставить на доделках целый прорабский участок. Здесь заработная плата опережает производительность труда. Поезд в нерентабельных...

На производственном совещании главный инженер покритиковал прорабство Козлова. Михалыч загорячился:

— Механизация никудышная. «Дружб» и тех не хватает, а с голыми руками какая отдача.

Главинж:

— На днях был в управлении. Коротчаев учел наши претензии, но и предупредил: первый раз простят ненормальность, во второй раз поставят на вид или — строгача руководству. Ну а если и дальше в хвосте плестись будем, примут меры покруче...

Козлов:

— Я это понимаю, но где взять людей, технику, стройматериалы?.. Еще две железобетонные водопропускные предстоит...

— Смонтируете.

Горячился на совещании другой прораб — Александр Петров, человек сравнительно молодой, с выгоревшими дорыжа сердитыми щетинистыми бровями:

— Я — коммунист! Не могу иначе! — И бичевал запаздывающий с документацией производственный отдел, снабженцев.

Все волновались, стараясь доказать каждый свое. И можно было надеяться, что выправят недостатки, коли так близко к сердцу принимали их кошуриковцы.

Производственное совещание открыло мне Петрова.

Накануне, вечером, когда после чаепития выбрались с Тоней из общежития, Петров только что спустился с лесов недостроенного дома, посмотрел, как гвоздем в деревяшку вбил, — насуспенно, исподлобья.

— Он еще покажет себя на станции, — заметила спутница, — характер ого какой, кремневый!

Притобольская трассовая набирала разгон.

В следующий свой визит сюда я едва узнал знакомую грядку. На Сузгуне высились жилые семидесятиквартирные здания, дом отдыха для проезжающих локомотивных бригад, школа-интернат. Бульдозеры сдирали верхний дерновый слой — пыль, грохот! — закладывались новые объекты.

В облупившемся от времени кособоком вагончике — резиденция Петрова. На столе — грудой чертежи, схемы. Александр просматривал их и устаревшие бросал резко в корзину, выдавая душевную тревогу. Приказ главного инженера категоричен: закончить очистные сооружения! Для этого необходима возле отстойников ровная площадка, но бульдозер, посланный готовить ее, тонул в раскисшем грунте. Главинж твердит: «Надо!» Петров и сам понимал, что надо, но как? Снизу бьют ключи. Того и гляди утопишь машину.

— Может, отложим? — колебался бульдозерист.

— Нет, Степаныч, сейчас! — на лице у Петрова непреклонность. — Понимаешь, надо!

Бульдозерист помедлил, раздумывая, и все-таки сел за рычаги.

Однажды застал Петрова дома в жару. Уткнувшись в подушку, он боролся с болезнью. Как раз опробовали насос для подачи штукатурного раствора на этажи. Петров прочитал о нем в журнале и задумал внедрить. Если удастся — дом сдадут на полторы недели раньше. Приезжал Коротчаев, настаивал: «Скорей!» Все эти годы только и слыгали: «Скорей! Скорей!» — значит, надо, он — коммунист! Петров, приподнявшись на постели, крупными глотками пил горячий обжигающий чай...

...Что определяет характер человека? Дом, школа, работа? В Петрове от рождения выпирало упрямство, крутое до резкости. Любил футбол, туристские походы по Саянам — местам его юности: родился и вырос в солнечной Минусинской котловине, где даже арбузы вызревают.

Спорт и климат закалили тело и волю. То и другое пригодилось на трассах.

...Утром Петров пришел к прорабской спозаранку, сел на скамейку, ощущая вялость в теле. Появился бригадир каменщиков Александр Бушин — высокий, симпатичный и сама образцовость в деле. Тоня во всеуслышание распекала молодого мастера:

— У тебя штукатуры начали калечиться. Это как же так?! В следующий раз больничный за твой счет оплатим.

Достается и пострадавшей. Круто приставила лестницу и свалилась с нее. Ушибла руку.

— Из-за твоей халатности мастер страдает, — отчитывала Тоня женщину.

Запев рабочего дня.

— Начнем! — подал Петров знак мотористу. Бушин скрылся в подъезде дома. Моторист добавил оборотов, и движок зачастил выхлопами. Толстый, сплюснутый шланг стал наполняться раствором, принимать колбасообразную форму.

— Есть! Идет! — закричал сверху Бушин, высовываясь из окна.

Раствор выплескивался из шланга обильной струей, оставалось растереть его по стенам. У Петрова гора с плеч долой.

В обед собрал бригады в одной из пустующих квартир отделочного здания. Бушин читал обязательства на квартал. Приостанавливался, если возникали замечания. Когда добрались до последнего пункта, обязательства ни у кого уже не вызывали возражений.

— Справимся, значит, — выразил общее мнение Бушин и поставил свою подпись; остальные члены бригады ему последовали.

— Считай, первенство за нами,— подзадо-
рля при встрече Петров Михалыча.

Прорабы соревновались.

Зимой Петрову поручили смонтировать одну из двух запланированных труб, о которых шла речь на производственном совещании,— помочь Козлову. Морозы трещали, и чтоб залитый бетон «дозревал» постепенно, Александр собрал у коменданта списанные матрацы, всякое тряпье и опеленал трубы. Спас залитый бетон.

За матрацы ему нагорело: катанула-таки комендант рапорт начальству. Мол, так, чего доброго, Петров до постелей и одеял доберется. Александр парировал фразой:

— Нужда заставит калачи есть!

Трубу он записал на счет Козлову.

Козлов неделями жил на трассе со студентами, рубившими просеку. Добывал для них «Дружбы» в тобольской Сельхозтехнике, поясняя: «Студенты — народ требовательный. Сам когда-то был таким, знаю». За лето полюбил свое неутомимое воинство, и оно платило ему тем же, согласившись поработать сверх срока.

В низине у речки Ингаир такая захламленность встретилась, что подступиться страшно: деревья-выворотни, пни, топь. Козлов разогнул длинные голенища резиновых сапог и первым полез в бурелом, подбодрил робеющих:

— Кошурников говаривал: «Европа поднимется и скажет: «Ты хорошо роешь, старый крот!» А на нас сейчас не только Европа, весь мир смотрит...

Завал взяли штурмом. Вышли к речке. Потребовалось перебросить через Ингаир мост,

чтобы перегнать на другую сторону трелевщик. По плечи в студеной осенней воде Михалыч крепил опоры, разогревался топором. Его спросили:

— Какой он, Кошурников?

— Хороший товарищ был, на него как на самого себя положись. Помню, в Забайкальских гольцах натолкнулись на медведя-шатуна. Александр Михайлович не растерялся...

И звучал очередной захватывающий эпизод из жизни того, чье имя стало синонимом одержимости, бесстрашия. Ребята, слушая, мысленно представляли себя участниками событий и втайне завидовали прорабу.

Настало время прощаться. До Тюмени студенты отплывали на теплоходе. Козлов отправился проводить их. Когда подъехал к пирсу у подножия Сузгуна, ребята с чемоданами, рюкзаками уже вливались потоком на палубу тихохода ВТТ. Один заметил:

— Вон наша звезда летит!

Михалыч посмотрел в ночное небо и увидел звезду своей запоздалой студенческой юности — голубоватую Каникулу. Сразу вспомнился Новосибирский железнодорожный, встречи с Кошурниковым. Только кончалась сессия, рвался к нему на практику... Незабвенное время!

Когда тряслись обратно с шофером, впереди «газика» поднялась луна.

— Красивая, — заметил Козлов. — Здесь она как-то по-особенному выглядит, царственно...

В душе друг Кошурникова оставался романтиком.

За их спинами чернела громада Сузгуна, маячили в отдалении огни поселка.

— Два года назад пустое поле было, а сейчас что тебе город, — нарушил снова молчание Козлов. — Два года назад я вот так же ночью сюда добирался...

Действительно, многое с тех пор переменилось. Вставали все новые корпуса на станции, пролегла полоса насыпи, и по ней рельсы...

Укладкой руководил Мохов. Столь проворно двинулись, что диву даешься. Когда спросили Аполлоновича о секретах рекордов, путеец хитрово прищурился:

— Есть у рельса внутренний звон. Кто его чувствует, тому и секреты открываются...

В шутке содержалась немалая доля истины.

...Давно это было. Семья хакасов Моховых жила в деревне Сапогово. Случайно с железнодорожной станции привезли кусок рельса. Маленький Архип приложил к нему ухо и тогда-то услышал протяжный, исходящий из глубины металла гуд, непостижимо далекий, но явственный... То был гуд набегающего поезда. Он волновал воображение. А может, сам гуд был лишь игрой воображения, мечтой о еще не виданном чуде.

Уже подростком — время было военное, рабочих рук не хватало — Архипу довелось не только ездить на поездах, а и лечить их стальные пролеты: стал путейцем-эксплуатационником. По стуку колес научился распознавать перекосы, просадку шпал, уклон полотна...

Строителем Мохова сделал Абакан — Тайшет. Поддался общему воодушевлению и не раскаялся. Такие люди рядом!.. Петров, Тоня, Михалыч. Весь 241-й стал родной семьей. Не захотел разлучаться с ними и при переезде

на тюменскую трассу, хоть и далековата от родной Хакассии.

После укладки у Тобольска усть-юганцы попросили Мохова помочь, а потом и вовсе переманили к себе под Сургут. Я встретился там с Архипом осенью. Моросил дождь, налетал зябкий мозглый ветер, и, скрашивая общую серость, полыхали разноцветьем лиственные леса. По Оби спешили завезти на зиму картошку, и путейцев временно бросили на разгрузку барж, за девять километров от поселка. Наведывались домой только по выходным. Удивительно, как в таких условиях сумел Архип воспитать детей — отличники в школе, спортсмены, старший сын уже в армии и там на хорошем счету.

Жена Тася, полнеющая, русоволосая, с уставшими, немного грустноватыми глазами — всякого довелось хлебнуть, — никогда не отставала от Архипа. На Усть-Юган с имуществом добирались на вертолете.

— Едва-едва супруг упросил, — вспоминала. — Не решалась вначале на такой штуке полететь, и куда? — где Макар телят не пас. Из обжитого уголка. Даже всплакнула.

Я смотрел на нее, по-матерински добрую, участливую, и думал: «Мохова сделали Моховым работа и эта женщина».

В любом, пусть самом неподходящем месте умеет Тася создать в квартире уют. Со вкусом, красиво приберет. На душе светлей становится от этого. И уж, конечно, необходимы Архипу ее смягчающие душу ласка, забота.

Тропа Моховых уходит в будущее вместе с магистралью Тюмень — Сургут — Нижневартовск. В Моховых вижу лучшие черты стар-

шего поколения рабочего класса. Главное в характере Архипа, без сомнения, — трудолюбие. Еще — человечность, скромность.

Как-то перед отпуском главный инженер поезда Соколов вызвал его.

— Может, путевку дать, Аполлонович? Съездишь на юг...

— Ну, если дадите...

Отправили. И что же! Возвращается намного раньше — не вынес безделья. Такой он человек! Бригаду в своем духе воспитал.

Мохов мог бы иметь высший квалификационный разряд, но остается с пятым, чтобы не ущемлять заработков товарищей. Соответственное и к нему уважение.

Трасса жила, трасса действовала, и кошурниковцам нельзя было расслабляться. Перед сдачей станции в постоянную эксплуатацию Петрову выпали на долю плавательный бассейн, кинотеатр, ну и жилые здания, по которым Александр специалист отменный. Справился. По-прежнему его участок передовой в поезде.

В 241-м Петрова и его товарищей именуют ветеранами и не только из-за рабочего стажа — из-за качества самой работы и высокой производительности плюс всех остальных достоинств, дающих право называться кошурниковцами. Все мы, создатели Северной Сибирской магистрали, — преемники, последователи того, кто погиб, но остался во времени.

ГЛАВНЫЙ

Двадцать первая механизированная гремела, завоевывала премии, знамена: слава о ней утвердилась на трассе. Фамилию начальника мехколонны Раменюка часто упоминали на совещаниях, пленумах, в прессе и просто в мимолетных разговорах, ставя его в пример, восторгаясь им.

Постепенно в моем воображении сложился облик человека энергичного, волевого, который не только вывел коллектив в передовые, а и постигает новые высоты. Шагает широко, уверенно, отметаает обветшавшие формы управления.

Захотелось встретиться с ним.

Добравшись до поселка мехколонны, представился начальнику в его кабинете.

В хрустящей кожаной куртке, под которой угадывалось здоровое, налитое тело, с плотным, как накатанным, румянцем на щеках, он являл собой довольство и благодушие. Принялся бойко сыпать фамилиями передовиков, количеством выработки, планами на будущее, словно заранее готовился к интервью или привык к подобному рода занятию.

— У нас и с техникой, и с кадрами порядок, — заверил.

Аудиенцию прервал главный инженер Боголюбов, человек на первый взгляд флегматичный. Я увязался с ним на отсыпку, только ради отсыпки, без интереса к самому главному.

После получасовой тряски в «газике» очутились перед расчищенной в лесу просекой, на которой рыжело, влажно пахло свежееотсыпанное полотно. Автомашины взлетали на него и, натужно воя, принимались буксовать. У некоторых поломались рессоры. Столпившиеся шоферы ругались.

Главного точно подменили. Куда девались безучастность и расслабленность, да и были ли они на самом деле? Скорым шагом поднялся, почти взбежал на рыхлую гряду, ковырнул ногой и распорядился:

— Сыпьте грунт слоями сантиметров по шестьдесят и прикатывайте: проседать под колесами не будет.

Маленькие, округлые глазки его вбирали все: как планируют откосы, используют технику. Навел он порядок с горючезаправкой, котлопунктом. В столпотворении людей и машин ориентировался уверенно, хозяйски, как Раменюк у себя в кабинете. Я еще раз усомнился: так ли прост этот человек. Во всяком случае, здесь его признавали не по должности.

— Раменюк с Боголюбовым дополняют друг друга, — сказал мне Коротчаев. — Раменюк администратор хороший, главный инженер только производством занимается — не мешают друг другу.

В тот день Коротчаев отправился с проверкой качества отсыпки... У двадцать первой полотно выведено словно по линейке, выдержано в размерах, плотность грунта и водо-

отводы просто безупречны. А Коротчаев ценил качество. Невзрачный, сутулящийся Боголюбов остался безучастным к комплиментам командарма стройки.

— Технику до ледостава за Иртыш надо перебросить, иначе потеряем месяц, — сказал.

— Конуса мостов сперва на Суклемке и Бекеревке отсыпьте, — возразил Коротчаев.

У двадцать первой техника загружена до отказа, малейшее ее отвлечение нарушало графики. Именно это и смущало, а не болота. Проезд к мостам отыскался. Его Боголюбов присмотрел тут же, во время вояжа. Предвидя, что все равно конуса достанутся им, решил:

— Сделаем.

— Спасибо, уважил, — растрогался начальник управления и посоветовал мне: — Напиши о нем и о Раменюке напиши — руководители что надо!

Но в Раменюке настораживало излишнее, похоже — показное бодрчество. Решил подождать.

И точно, Раменюк открылся с иной, теневой стороны. Технику еще до пуска первого поезда переправили за Иртыш. Не раз встречал я там главного инженера, но ни разу начальника мехколонны. А потом узнал о его побеге. Да, в сущности, это был побег, не юридический (с трудовой в порядке: освободили по собственному желанию) — побег моральный. Пока работали вблизи Тобольска, на глазах у прессы и высокого начальства, Раменюк чувствовал себя превосходно. Но начались перемещения за сорок и более километров по бездорожью — увял, куда девались его благодушие, оптимизм, его победные речи.

Почести теперь не столь щедро сыпались, а хлопот прибавилось, и Раменюка потянуло в тепло, к Черному морю. Напрасными оказались уговоры в тресте, ссылки на нехватку руководителей, остроту момента и прочее.

Его временно заменил Боголюбов. И вот тогда-то проявилась первая скрипка в дуэте: не дрогнул, не пошатнулся главный инженер, справился с прорабскими перебросками — не растерял людей и план вытянул. Но худшее ждало впереди. Весенний разлив. Выплеснувшаяся из Иртыша вода сокрушающим валом покатила на поселок. Поздно ночью Боголюбов поднял с постели бульдозериста:

— Айда, заводи машину, земляной вал сооружать будешь.

Через полчаса во всех окнах заблестели огни, люди с домашним скарбом и детьми поспешно эвакуировались на вершину земляного холма, навороченного бульдозером, который успел и заградительный вал поднять. Волны бесновались, как вражья полчища у осажденных стен, бомбардировали преграду. Наконец воде удалось размыть насыпь, и она с гулом обрушилась на домики, вдребезги расшибла их. Того и гляди затопит спасительный холм. На моторной лодке Боголюбов принялся вывозить «островитян» на материк. Последним заплывом взял рацию, передал в трест о случившемся. Вода буйствовала, перекатывалась через крыши домиков, и земляного бугра уже не было видно.

Расселились в вагончиках Притобольского СМП, как приютившиеся у соседа погорельцы. И без того не отличавшийся здоровьем Боголюбов еще больше пожелтел, как-то ссохся, но

держался с достоинством, я бы даже сказал, стоически-хладнокровно.

Последовавшая из треста радиограмма объявляла о передислокации на Усть-Юган. Моторная лодка исполняющего обязанности начальника мехколонны засновала между материком и городом: отчаливали на север, в трехтысячекилометровый кружной рейс баржи с техникой. Тяжко, до нервного истощения, приходилось Боголюбову. Раздобудь баржи у речников, загрузи, обеспечь сопровождающими, а сопровождающих — всем необходимым.

На Усть-Югане пошибали бульдозером лес в соседстве с 55-й мехколонной, расчистили площадку — начала расти улица... Щиты для домов с Оби по приречной, расквашенной дождями пойме доставляли тракторами: автомашины оказывались бессильны в такой каше. Я был свидетелем, как Боголюбов просил в 55-й тралер. Получив сразу отказ, повел речь о вещах, казалось бы, не имеющих отношения к просьбе. И между прочим:

— Ну, так дашь тралер?

— Хитрец ты, однако, Павел Иванович, — рассмеялся начальник 55-й Медведченко. — Невозможно тебе отказать.

Жилья первое время не доставало, и Боголюбов с семьей (у него две дочери) ютился в квартире давнего своего приятеля по рыбацким и охотничьим вылазкам — экскаваторщика Кнатова; половина комнаты была занята сваленным в беспорядке скарбом. Но Павлу Ивановичу важнее было другое — заполучить оперативный простор на трассе: развернуть в полную силу работы. Пришлось Боголюбову отложить отпуск до лучших дней.

Разрядкой от постоянного внутреннего напряжения стала охота. Выкроют с Кнатовым часок-другой и — на рябчиков, а больше подышать лесным воздухом, расслабиться. Вылазки такие выработали в Боголюбове пружинистый легкий шаг, глубокое дыхание, выносливость. Впрочем, выносливости и твердости духа Боголюбову и раньше было не занимать. Еще в детстве (родом он из Псковской области) ходил в школу за семь километров. Зимой — в пургу, в морозы; весной разлившиеся реки вставали на пути, и он вынужден был переправляться по льдинам, рискуя сорваться в воду. Случалось, срывался, но редко болел после неласковой купели. Как всякий деревенский мальчишка, много бегал на лыжах, колол дрова, убирал во дворе снег.

Что же касается твердости духа, Павел Иванович сказал как-то:

— Я если что задумаю, никто и ничто не удержит: ни семья, ни погода. — Сморгнул округлым птичьим глазком и добавил: — Беспокойные люди всегда нервные, я вот нервный... Спокойных людей не признаю — живые трупы. Не горят, тлеют...

Боголюбов — это всегда действие.

Силой инженерного таланта Боголюбов напоминает конструктора Бережкова из романа Бека «Жизнь Бережкова». Как и тот, Боголюбов одарен разносторонне, предприимчив, каждую мелочь умеет повернуть на пользу производству.

Однажды по недосмотру мастера отсыпали километр полотна с меньшей наклонной, в переводе на профессиональный язык, недоотсыпали — брак. Требовалась доотсыпка. Боголюбов

прикинул, посчитал и пришел к выводу, что именно отсыпанные объемы и нужны, во всяком случае возможны, доказал, обосновал технически. В Сибгипротрансе с Боголюбовым согласились. Вместо переделок — премия.

О Боголюбове на этот счет ходят легенды. Он одним выстрелом убивает нескольких зайцев. Экскаваторы у него, делая при подходящем грунте водоотводы, выбранный грунт, если он, конечно, пригоден, подают на автодорогу и в железнодорожную насыпь. Вроде ясней ясного, а до Боголюбова не догадывались.

Всю зиму 21-я Краснознаменная работала круглосуточно. Мерзлый грунт разбивали клинбабами или взрывали — отсыпали без остановки. Такой темп озадачил отстающую 55-ю, волеяневолей заставил подтягиваться.

В распутицу в 21-й приспособили под экскаваторы передвижные слани и как ни в чем не бывало продолжали двигаться вперед. А 55-я около месяца «отдыхала», пока не последовала примеру Краснознаменной.

Боголюбов внушал своим:

— В день по кубу грунта отсыпать, и то изрядно наберется, под лежащий камень вода не течет.

И еще у него на этот счет поговорка:

— Ранняя птичка зобок набивает, поздняя пустой улетает.

В Боголюбове мудрость труженика проявилась в давнюю военную пору, когда отец ушел на фронт и маленький Павлик остался в доме за старшего. После школы-восьмилетки послал он документы одновременно в железнодорожный техникум и в техшколу. Вызов пришел из техникума. Защитил там диплом на мас-

тера-путейца, а работать направили в мехколонну.

— Случайность, — резюмирует Павел Иванович.

Но если и случайность, то счастливая, в том призвании.

В 21-й молодой специалист нашел тогда такой беспорядок, что встал вопрос, либо покинуть ее, либо начать коренную ломку. Выбрал второе: вступил в конфликт со многими и многим, вызвав на себя шквальное недовольство попустительствовавших развалу. Приняли они решение о несостоятельности главного инженера и подмахнули резолюцию в трест. Нагрянула комиссия. Разобралась, что к чему. А мехколонна двинулась в гору.

Стратегия у Боголюбова наступательная.

Как-то его коллега главный инженер Усть-Юганского СМП Соколов заговорил о поездной возке грунта на Балык. Присутствующий при этом начальник 55-й Медведченко тотчас согласился. Боголюбов же помолчал, поморгал темными птичьими глазками в редких ресничках и возразил:

— Во-первых, — заявил он, — нарушится хорошо завязанный мехколоннами узел работ. Проезжий путь займет отсыпная техника, и нам придется откочевать в другое место. Начните отсыпать возле поселка. Тем более что поездная возка грунта пока лишь эксперимент, попрактикуйтесь на несложном...

Соколов прикинул «за», «против» и согласился с доводами. Для него Боголюбов, как и для Медведченко, — авторитет.

Зимой возвращались мы с Соколовым глухой метельной ночью с Балыка. Безмолвно.

Так Боголюбов одержал еще одну психологическую победу.

Самый разгар лета, комары неистовствовали. Спасал марлевый, похожий на рыцарское забрало, накомарник. Путешествие едва перевалило за половину, когда новичок-бульдозерист пожаловался: мол, работать комары мешают, а марлей колонна не обеспечила.

И хотя выяснилось, что выданную ему марлю паренек натянул на окно вагончика, Боголюбов пожертвовал ему свое «рыцарское забрало». В поселок вернулся изрядно помеченный гнусом, но довольный тем, что все проверил, исправил, а главное — ввел в карьере так называемое движение по кольцу. У экскаваторов скапливались автомашины. Вроде бы мелочь, а отражалось на выработке. Павел Иванович предложил расширить горловину карьера — въезд в него — и таким образом создать двустороннее, подобно уличному, движение. Самосвалы теперь двигались один за другим — вереницей, поэтому не сталкивались лбами.

Я спросил, что же мешает многим инженерам трассы проявить способности, раскрыться вполне.

— Неумение применить вузовские знания на практике, — ответил Павел Иванович. — Сила инженера в его повседневной маневренности, сметливости. Если эти качества есть и взяты за принцип — они создают творческий настрой, побуждающий к инициативе. И еще умение рассмотреть в людях их реальные возможности. Из утянувшихся к Раменюку в трудное весеннее межсезонье почти все вернулись. Я взял лишь тех, кто действительно

полезен мехколонне, балласт зачем? К счастью, таких единицы. В основном люди у нас стоящие.

Взыскателен. Наблюдал однажды, как на настойчивые просьбы механизатора заменить сносившуюся деталь Боголюбов покопался в двигателе и возразил:

— Добрых три месяца еще послужит. Запчасти — дефицит, приходится выжимать из них все возможное.

Ничто не ускользает от его цепкого хозяйского глаза. И во всем угадывается целесообразность, разумность.

Присутствовал я однажды на утренней планерке в 55-й. В кабинете у Медведченко собрались хмурые, сонные мастера, механики, завгар. Пока приходили в форму, перепирались, затаили до того, что запоздали с отправкой механизаторов на трассу. У Боголюбова та же самая планерка длится пятнадцать-двадцать минут, без излишних словопрений — где будут работать, что именно работать, на чем сосредоточить внимание.

Авторитет Боголюбова в мехколонне велик. Уже колонна давно перешагнула былую притобольскую мощь, перевыполняя план в полтора-два раза (не оговорка: в полтора и два!), а главный инженер так же ревностно, дотошно совершенствовал производство.

Случилось прилететь мне на Усть-Юган в воскресенье; Боголюбова застал в конторе за проверкой нарядов. Просматривал их мгновенным сведущим взглядом и откладывал в сторону, на одном листке задержал внимание.

— «Перегон экскаватора по раскисшей дороге двое суток», — прочитал иронично. — То-

же мне сочинитель. Вот приписку в счет мастеру-покровителю поставлю, будет знать, как еще до снеготаяния по раскисшей дороге двое суток шестьсот метров добираться.

Допоздна провел в кабинете. Солнце уже опустилось за лесистые острова приречной Обь-Юганской поймы. На одном из них, горбылистом, рытвинном, разбросился поселок СМП и мехколонн. Дома жена попросила Павла Ивановича расколоть дрова, он сбросил старого фасона «москвичку» и в пиджачке, облежавшем мальчишески щуплое тело, принялся помахивать топором с удивительной легкостью. Росла, подымалась куча поленьев.

Как ни порывался я заменить Павла Ивановича — отказался.

Возбужденный колкой дров на мартовском морозце, он, казалось, отвлекся от обычных забот. Рассказал, как к озеру на 570-й километр зимник пробивали. Нужен был песок для насыпи, поблизости его не оказалось.

Управление Тюменьстройпуть распорядилось о переброске земснарядов к озеру. А туда доберешься только зимником. Надо успеть его пробить до распутицы! Управление нажало на СМП, поезд на субподрядчиков — мехколонны. Трест Уралстроймеханизация тоже воздействовал на подведомственные ему соединения. А у тех ни одного мало-мальски свободного механизма. Состоялось объяснение по рации начальников мехколонн с управляющим треста.

Когда из трубки донеслось грозно-предупреждающее, ультимативное: «Вы мои помощники, я надеюсь на вас», означавшее, что в случае возражений быть им не у должности, молчавший до сих пор Боголюбов подал голос:

— В складчину зимником займемся.

— Вы решаю ДТ, — обрадовался предложению начальник двадцать первой Демченко. Но Боголюбов возразил:

— ДТ нельзя, он с рыхлителем мерзлого грунта. Без ДТ остановится карьер, лучше две «сотки» отдать, чем один ДТ.

— Быть посему, — согласился Демченко.

Спор, таким образом, разрешился.

Возглавить сводный отряд поручили Боголюбову, потому что где он, там победа. Так оно и получилось, в который уж раз показал главный инженер хватку и оперативность. За неделю зимник был готов, тронулся по нему санный поезд с громоздкими многотонными земснарядами.

Боголюбов в то время был занят уже другим — механизаторской пересменкой. Дорога начала подтаивать, портиться, выгодней оставаться на трассе понеделно, до выходного. А для этого вагончики срочно приготовь, котлопункт организуй, горючезаправку, всякие другие премудрости, иначе отразится на выработке и настроении людей...

ТРАССА ЖИВЕТ...

Мое открытие Соколова произошло на Усть-Югане после множества встреч с ним. Вначале узнал о создании там строительного-монтажного поезда у речки Рыбья. Когда-то Панин привел туда свой лесорубский десант и он же пробил первые километры просеки, собрал первые щитовые дома.

Вскоре я побывал на Усть-Югане. Прямо с вертолета направился в контору-временку.

Начальника поезда Чупринко не оказалось, и меня принял главный инженер Соколов.

Меня интересовало производство, которое, казалось, без видимых усилий продвигалось в гору. Ни шумных, затажных летучек в конторе, ни суеты и нервозности. И это, похоже, стиль работы главного инженера.

До этого я уже изрядно помотался по трассе, работал на ней и привык к инженерам, воспринимавшим свою работу как нечто сложное, трудно разрешимое. К примеру, монтаж водопропускных труб. Сколько неувязок было с ними за Тобольском. Чуть не на год просрочили отсырку. А этот человек с внимательными серыми глазами говорил обратное устоявшемуся мнению:

— Ничего сложного в трубах нет, если во-

время и полностью завезти блоки, цемент для монолитных оснований.

Более того, Соколов считал, что в плане инженерном «искусственные сооружения», как именуют трубы сами железнодорожники, даже излишне примитивны, голову поломать не над чем. Знай подгоняй готовые секции.

Так же прозаично смотрел Соколов на укладку путей, балластировку их. Ни спешки, ни путаницы.

Я вначале принял Соколова за обычного транспортника, у которого стаж, специальные знания. И каково же удивился, узнав, что это его первая трасса и что вуза железнодорожного он не кончал, попав сюда, можно сказать, непредвиденно, из Тобольского строительного управления, где прежде работал. Попалось тогда Соколову объявление — требуется инспектор группы заказчика на дорогу. Предложил свои услуги. Работал честно, с полной отдачей, и потому, когда организовался на Усть-Югане поезд, его назначили главным инженером. Такова предыстория.

Окончил Соколов гидростроительный факультет Омского сельскохозяйственного института. Особенно любил чертить, высчитывать. В этом редко кто мог сравниться с ним. Бывало, курсовой проект одолевал в один прием. Формулы послушно складывались в математические выкладки, ложились на ватман линии необходимых конструкций... Чертежные атрибуты буквально играли в руках. Это был талант, пока еще не осознанный самим обладателем его.

Соколова всегда окружали друзья — и когда учился в школе, и позднее, в институте.

Зимой, в каникулы, уехал с отцом, начальником сплавной конторы, к лесорубам и жил там.

Лесорубы в полушубках, валенках с напушенными на них стегаными брюками, чтобы снег не попадал, покрикивали друг другу: «Бойся!» Ухали падающие деревья, взметывали белые вихри. Весело! Антип Ощепков, коренастый, как кедр-столетник, широколицый, бородатый, протягивал Юре «вилку»: «Пробуй, крепок ли пупок». И Юра изо всей мочи толкал подпиленное дерево. «Слаб еще пупок твой, — усмехался Антип, — у меня у одного тоже не могутен, а вот как обществом — гоп и есть!» Налегал на «вилку» вместе с Юрой, и дерево нехотя валилось.

Запомнились Юре слова о силе коллектива, уважении к нему: «А вот как обществом — гоп и есть!» Отца перевели в Тобольск. С дипломом инженера поехал туда и Юрий. Стал главным инженером большого строительного управления. Нравилось Соколову это хлопотное занятие. Особенно любил бывать он на сдаточных объектах, вдыхать острые запахи краски, свежеположенной штукатурки, звонко-струганного сухого дерева.

На сдаточных объектах организовал он бригады отделочников широкого профиля: и маляры они, и штукатуры, и стекольщики, обученные тут же, при управлении. Раньше их занимали на родственных предприятиях — через горком партии, райисполком.

Но главное: он утвердил свой производственный стиль, который и по сей день у него на вооружении.

А находить общий язык с людьми был под-

готовлен издавна, с детских и юношеских лет. Поручили ему с вольницей из ремеслухи построить градирни в совхозе. До этого три прораба уже потерпели на них фиаско. Соколова выручил спорт: за деревней, на пустыре, оборудовал с ребятами волейбольную площадку и в тот же день организовал матч. Играл сам, покоров ребят мастерством, — пригодились институтские тренировки.

С того момента вольница боготворила своего командира. Градирни изготовили за неделю.

Знание людей помогает Юрию Ивановичу и в подборе кадров. Поступающий на работу, как правило, проходит собеседование у главного инженера. Соколову важно знать, что за человек, какова его полезность поезду. И может, благодаря этому подобрался добрый состав рабочих и инженерно-технических работников.

Но каждый час, каждый день руководителя — это трата нервов, ума, души, непрерывное напряжение. Внешняя неактивность Соколова (он не столь част на трассе, как Боголюбов), легкость успеха — кажущиеся.

— Устаешь так, что, придя домой, валишься в постель, словно подрубленный, и еще обмозговываешь назавтра, что, где и как расставить. Сколько в голове удержать надо: сопоставить, проанализировать! Принять окончательное решение, и где не ладится — быть самому.

Еще он говорит:

— Руководить — значит предвидеть. Здесь, на Севере, зима начинается с весны. Не забросишь строительные материалы водой, сколько потом ни тужься — останешься в проигрыше.

Вот он начинает беспокоиться о кране на Балыке. Так, словно от него зависит бог знает что. Выясню: кран этот на дальнем участке один и коли выйдет из строя, нечем будет заменить. Требуется резервный. В самую распутицу, когда связь с Балыком из-за бездорожья — только по радию, кран вышел из строя. Его тут же заменили другим, доставленным на Балык загодя. Работа не застопорилась.

И все-таки Соколов неспокоен: есть там какие-то производственные неровности — то взъем, то спад. «Надо ехать», — решает Юрий Иванович, в отличие от Боголюбова многое постигающий вначале теоретически.

Путь на Балык утомительный, длинный. Порой Соколов дает знак шоферу притормозить, выбирается из кабины ЗИЛа и, поднимая высоко длинные ноги в унтах, идет к работающим на трассе. Обычно остановки коротки, а диалоги лаконичны, будто Соколов заранее предвидел — что, как, и стоит лишь удостовериться, полное «добро» дать или подправить.

Только в одном месте заминка, но это уже был вызывающий тревогу участок. В дощатой избе-временке на грязных простынях преспокойно лежали люди, хотя обед давно миновал. Похмельный мастер на замечание Соколова выругался. Юрий Иванович тона не повысил, построжел, чуть резче обычного сказал:

— Завтра приедешь в контору, поговорим. А сейчас отправляй людей на работу и приведи помещение в порядок.

И все. Но и мастер, и рабочие, как вскоре выяснилось, недовольные мастером, поняли, что не подчиниться нельзя. Пролилось недо-

вольство рабочих на собрании, перед которым Соколов прошел по вагончикам, поговорил с людьми. Побывал он и на месте работ. Посмотрел, разузнал. И вот собрание. Слово за слово, разговорились, выложили факты пьянок, прогулов, нетребовательности мастера, признавшего публично свою слабохарактерность.

Наедине с Соколовым он попросил замену.

— Подумаю, — сказал Соколов, — посоветуюсь с Чупринко. В случае чего рук не опускай, молод еще, побегаешь рядовым, наберешься опыта. Характер закалить тоже не лишне. Твое от тебя не уйдет.

Уезжали мы затемно. В свете автомобильных фар густо сыпал снег, вставал по сторонам дороги дремуче-непроглядный лес. Соколов смотрел прямо перед собой, по-обычному озабоченный, сосредоточенный на своем, и только изредка перебрасывался фразами с шофером. Вдруг впереди проблеснули огни фар, то сбегавшиеся, как для сговора, то разлетающиеся по сторонам — вела отсыпку двадцать первая.

— Живет трасса, — оживился Соколов. И были в голосе теплота, легкая взволнованность за то значительное, занимавшее и беспокоившее главного инженера СМП, что направлял он и за что нес ответственность.

Неактивность Соколова — кажущаяся. Заранее рассчитав, что, где и как, он поспекает туда точно к моменту. Так было и перед пришествием студентов. Полное воскресенье Соколов проверял приготовленные стоянки, где чего недостает, недостающее спешил восполнить. Довел до нормы, чтоб смогли трудиться без заминок.

Так всегда: мысль Соколова успеваает свое-
временно обрести плоть. Это «успеваает обре-
сти» и есть инженерное кредо Юрия Ивано-
вича.

— Всякая операция требует подготовки, и
чем тщательней она, тем верней успех. От
суеты проку мало, — считает он.

На вопрос, удовлетворяет ли его работа в
поезде, ответил:

— Здесь я больше организатор производ-
ства, чем инженер. В том же Тобольском уп-
равлении мои инженерные способности требо-
вались больше: завести ли нулевой цикл, опре-
делить уклон крепежных балок, лестничных
маршей, зазоры плит перекрытия — без расче-
тов никуда. А здесь поступят готовые блоки,
конструкции, остается лишь монтировать их.
То же самое с укладкой путей. И потом, роль
генподрядчика, куратора, что ли, над мехко-
лоннами и гидромеханизаторами требует не-
малых координационных усилий. А хочется
порой своего, кровного: почертить, посчитать,
ощутить силу теории, — и он заговорил о том
почти благоговейном трепете, который ему
довелось испытать перед сдачей жилого дома
Государственной комиссии — новая жизнь, но-
вые люди, новые отношения между ними. И все
благодаря тебе.

Ощувив эту его тоску, поинтересовался, не
намерен ли распрощаться с дорогой.

— Нет, — возразил он. — Плохо, климат
здесь сырой, переменчивый, сердце у дочурки
пошаливает. А если что, без семьи не смогу.
Но, может, обойдется, на лето отправим дочур-
ку к бабушке на «большую» землю, попра-
вится...

Я спросил Соколова:

— Ты никогда не боялся за свое будущее, всякие ведь повороты случаются?

— Не боялся. Зная и умея в своем, главном, никогда не будешь опасаться превратностей судьбы. Чудес тут не бывает, все в тебе, и ты властен этим «все» распорядиться!..

А когда я сказал о его одаренности, в известной мере исключительности, Юрий Иванович загорячился:

— Преувеличиваешь, я обыкновенный инженер. Во многом еще не дорабатываю.

Скромность — не последнее человеческое достоинство.

Вот он в тесном конторском кабинете, кажущемся еще теснее при его рослой фигуре, или шагает по поселку, поднимая высоко длинные ноги спортсмена, трясется в кабине ЗИЛа или облетает на МИ-8 трассу. Или в кругу друзей, семьи.

И когда я читаю в прессе: 381-й СМП по итогам соцсоревнования завоевал первенство, вручены ему переходящее Красное знамя министерства и денежная премия, тотчас воскресаешь в воображении не молодой, но моложавый, с внимательными серыми глазами на удлиненном лице мужчина. Инженер. Коммунист.

ЛЕХА И ЛЕХ

Каких только индивидов не встретишь на трассе. Иной словно нарочно выберет время, чтобы появиться и проявиться на ней. Порой мимолетно, принесло и унесло попутным ветерком до очередной пристани. За таких как-то больно, стыдно... Но даже и среди мимолетных, кратковременных встречаются натуры самобытные, и, смотришь, иной поколесил, побродяжил да и вернулся обратно, незаметно привязался к трассе. Стала она его судьбой.

Появились на звеносборке в Мазурово две колоритные личности, постоянно сопутствующие друг другу. Леха — крупней, значительней; Лех — рыжеватый, щетинистый еж. Жиденькая шевелюра торчмя и куцая бородка, будто из медной проволоки. Брови и те скрасна, игольчатые. Шагали дружки-приятели неторопко, важно, как может шагать только русский человек по искони родной земле.

Мы в ту пору «пластались», что называется, на звеносборке по полсутки каждую смену, независимо от погоды, выходных дней. Выматывались. Леха и Лех явились как нельзя кстати — оба шутники завятые. Такое завернут, что с хохоту покатывались. Леха тот еще

посдержанней, а что до рыжего, хлебом не корми — дай побалагурить, словно поджигает его что внутри. И нам разрядка от напряжения.

— Столкнулись вчера экскаватор с краном, — начнет. — У экскаватора сотрясение ковша, у крана стрела вира-майна дает и не может остановиться. ЧП...

— Ха-ха-ха...

— Хо-хо-хо...

Веселится путейская братия.

— Вот так-то, — Лех доволен. — Я однажды на прием к врачу пришел и говорю:

— Доктор, я ем-ем и не просто ем, а ем-ем. А то сижу-сичу и не просто сижу, а сижу-сичу.

— Ну а он что?

— Иди, — говорит, — и не просто иди, а иди-иди... из кабинета, дядя.

Снова смех.

Лех уже намеревается развить очередную байку, но перекур окончен, бригадир командует:

— Кончай ночевать!

Вываливаем из вагончика в сумрак ночи, оживленные, развеселившиеся от недавних анекдотов. Леха с Лехом стропили — цепляли тросами пачки шпал и рельсы на звеносборочный штабель подавали краном, готовые звенья ставили на ролики, чтобы угнать в резерв. Или шили.

Малорослый, с острыми выступами во всех сочленениях, Лех смахивал еще на гриб: взглянул только что на свет божий и задается: мол, каков я! Над Лехой он хотя и подтрунивал, следовал повсюду, как за поводырем, Леха

трассовик бывалый, с Абакан — Тайшета. Леха к нему прибило в Мазурово, когда плотничали в поселке. Неунывающий Еж быстро заворожил огрубевшего в бесконечных скитаниях, серьезного до суровости Леху. Наблюдая повседневно более чем беспечного напарника, Леха начал склоняться к мысли, что жизнь скорее занимательна, чем сложна, и что усложняют ее сами люди, наворачивая вокруг главного, существенного кучу пустяков. Что сам он, Леха, как сучок в ствол дерева, врос в работу и не позаботился до сих пор жениться.

Впрочем, когда-то в молодости он попробовал это сделать, заключил брачный союз с хохлушкой из Красноярска, но уж очень многопотребовательной оказалась чернявая, хлопот с ней не оберешься, и, мотивировав разрыв извечным «не сошлись характерами», Леха обернул топор тряпкой, как всякий берегущий свой инструмент мастер, и покинул чернявую, квартиру и пышную перину. С тех пор уже не помышлял о семье: обжегшись на молоке, на воду дуют. Все откладывал на неопределенное время, ждал и прождал до тридцати шести лет. Очерствел ко всему, что не касалось работы. Заскоруждел. Исправно с расчета и аванса опорожнял бутылку водки. Запьянев, бесцельно слонялся по поселку, встречным досаждал нелепыми разговорами, что-то невразумительно напевал, дрался. А на завтра безропотно впрягался в работу, никогда не перемогааясь с похмелья.

Одним топором и жил. Тут он спец отменный и на редкость трудолюбивый. Готов работать и в воскресенье, даже без оплаты. Денег у Лехи не считано, а тратить куда? В отпуска

не ездит, один. Одежда и та несменная — на работу и в праздник.

Лех, невзирая на физическое превосходство Лехи, для начала обозвал его кержаком и деловито осведомился:

— Деньгу, стало быть, копите?! На сберкнижку вносите или, по старинке, в чулок складываете? В чулок не советую, ограбят. Сберкнижка к тому же с процентами. Глядь, через десяток лет — мультимиллионер.

Леха никак не прореагировал на дерзость Ежа, и уязвленный невниманием Лех начал «садить» в упор безропотного коллегу по топору:

— В каком году до нашей эры брился? В кино ходишь? Книги читаешь? Не читаешь! Да-а, темная твоя головушка, умрешь и не ведаешь, зачем жил. А между тем есть Черное море и на берегу его шелестят, перезваниваются листвою платаны. Цикады трезвонят. Выйдешь из ялтинского дегустационного зальчика — ха-ра-шо! — поет душа, радуется. И прибой внизу, под берегом, в тон ей плещет волнами. Но что может сравниться с парадом морячков на Севастопольском рейде!..

Ничего такого не изведаль Леха и подивился многознайству рыжего, именно это и спасло Ежа от выволочки. Но важен момент, Лех выиграл его и тем покорила неподступного Леху.

Протяжно, сострадательно взирал Леха на шустрого новичка, до откровения неумело и безалаберно вгоняющего топор в сырое свилеватое бревно, и после некоторых умозаключений изрек:

— Ты — тарарушка!

— Что еще за поклеп? Какой такой тарарушка? — ошетинился рыжий.

Невозмутимый Леха помедлил минут пять, помахал блистающим зеркально топором и, будто не для Лехи, а так, вообще, пояснил:

— Был у нас на Абакан — Тайшете паренек на язык нездоровый. Пользы на грош, только балаболить горазд. Тарара да тарара, заливаает: жена-де у него в Москве — циркачка, подарила в день рождения галстук заграничный — с пальмой, обезьянами, ну и, само собой, красотками на морском пляже. Он и в столичных барах едал-пивал и с иностранцами беседы вел... Короче, завирался. Вывели, однако, на чистую воду, гуртоправом из ближнего колхоза оказался.

— Но при чем здесь я? — взнялся Лех и для реабилитации выложил тут же биографию: беспризорник, скитался по детдомам Поволжья. Речища несла на себе суда различных водоизмещений и назначений. Сигналы их, полнозвучные, протяжные, повисали над берегами. И опять не совладал с собой — бежал из детдома, с пересадками, перебежками спустился до Астрахани. Где-то на перепутьях услышал о полном тепла и света Черноморье и взял курс туда. Устроился юнгой на каботажное судно. В Одессе же познакомился с юной морячкой Феней, помощницей кока с нефтяного танкера.

Черное море было ее морем. На его просторах, под его баюканье выросла. И больше всего на свете любила разноцветье воды, такой же переменчивой, непостоянной, как она сама. Лех ей про Поволжье, а Феня хоть бы что, похохатывает:

— Куда Поволжье до моей самой синей в мире прелести!

Разобидевшийся Лех поклялся никогда больше не водиться с настырной девчонкой, но впервые твердость изменила ему, снова и снова ждал встречи. Феня снисходительно посмеивалась:

— Куда от меня денешься?

— И денусь! — възграл Лех, уволился с каботажного и подался было в Поволжье, но по дороге примкнул к комсомольцам, отправляющимся на Тюмень — Сургут — Нижневартовск.

— Если так, то не тарарушка, — согласился Леха, — но чем докажешь, что не врешь про море?

Лех расстегнул рубаху на груди, показал тельняшку.

— Память Черноморья!

Поверил Леха и с тех пор еще больше потянулся к веселому, бесшабашному новичку.

Леху ничего не стоило исчезнуть дня на три из бригады. Потом оказывалось, что он заинтересовался лесорубством или укладывает рельсы.

Все ему прощалось за общительность и умение рассказывать — талант несомненный.

Всюду Леха встречали дружески, благодушно.

Когда лесорубство или другое занятие прискучивало рыжему, он возвращался к плотникам и невозмутимо спрашивал:

— Где моя секира?

И Леха подавал ему сохраненное орудие труда, журуя за непостоянство. К удивлению многих, Леха прекратил традиционные выпив-

ки, иначе Лех жестоко иронизировал над ним при всеобщем присутствии.

— Смотрите! — показывал на Леху. — Алкогольный индивидуум. Изобрел дикарское удовольствие времен, когда еще люди ютились в пещерах и одевались в звериные шкуры. Зашибает по три сотни в месяц, а выходного костюма не имеет. Женщин не почитает. Кержак кержаком.

Леха багровел, пыхтел, едва не набрасываясь на Леху с кулаками. А Еж урезонивал:

— Не кипятись, дядя, тендер лопнет. А тебе еще жить да наследников множить. Бобылем, что ли, собираешься мир покинуть?

Лех четко излагал свою философию, бил в наиболее уязвимое. Иногда они о чем-то секретничали, и безучастная физиономия Лехи при этом розовела, оживлялась.

— Глюкозу вливает рыжий, — перемитгивались плотники, однако не могли не заметить благотворной перемены в Лехе и смолкали. Леха повеселел, поприличней стал одеваться, и, что самое любопытное, в нем проснулся юмор: шутил, острословил, подобно Леху. Влияние явное.

На звеносборку оба явились во всеоружии. Перед пуском первого поезда плотников бросили на помощь путейцам. Раскисшая земля захватывала по колени ноги, и сверху слякоть, пронизывающий ветер — дрожь прошибает. Кончат сборку пролета и, пока раскладывают внове рельсы, шпалы, идут погреться в вагончик. Случилось, разморенные теплом, уснули — никакими силами не вызволишь наружу в бешенствующую непогоду.

Тут распахивается дверь, и в белесоватом

завихрении крупки врывается разъяренный крановщик:

— Вас сколько можно ждать?! Я не железный в кабине закаляться!

Не слышат... Спят. Еще больше взвинтился крановщик:

— Мне что, выключу механизм и буду полеживать, тариф идет! А вот вы, сдельщики, при получении что запоете?

Не проняло. Устали, измотались люди, не до денег им.

Попробовал Фесенко расшевелить, но и на воззвание старшего заворчали, заотказывались.

Тогда, как по тревоге, приподнялся с пола Лех и спросил друга:

— Где сейчас тарарушка? С какой циркачкой якшается?

— В «Метрополе» канкан танцует, — не растерялся Леха.

И пошло-поехало... Зашевелились, задвигались рассолодевшие путейцы. Леха с Лехом добавили «огоньку». Особенно последний — об удивительных приключениях на суше и море. Рассказиям его, как ни странно, верили скептические трассовики:

— Эк-ка, куда тебя заносило. Ну и парень. Ну и жох.

Крановщик застыл у двери с разинутым ртом, пока ему не посоветовали:

— Прихлопни форточку.

В исповеданиях Леха шумела, бухала о берег вольная морская стихия. Ее такты, казалось, совпадали с нахлестами непогоды о качки стены вагончика. Дребезжание жестянки на крыше создавало иллюзию перезвона корабельных склянок, а стреляющие в оконце гра-

дины — шлепанье солоноватых брызг на обкатанный прибором галечник. Острым хинным запахом дурманили платаны, и в сгущающейся дымке убегали от надвигающегося шторма под прикрытием бухт суда.

Глаза его возбужденно блестели, голос наливался сочностью и вибрировал.

Кто знает, куда бы увело импровизатора, если бы хладнокровный Леха не тронул Ежа за плечо. Знака было достаточно, чтобы тот осекся и последовал за Лехой в темноту. За ним гуртом повалили остальные, перебрасываясь:

— Ай да парнишка! Вот ублажил, позабавил! Как бы и в самом деле под южным светиллом позагорали, понежились. А про медуз как он завернул — «раскрывшийся в атмосфере зонтик без ручки»!..

«У Паустовского перенял, — решил я. — Краски моря, платаны, рыбачки под мальчишку, вроде Фени, всякое прочее...»

Но я ошибался: Паустовского Лех не читал. Упрекая друга в необразованности, сам он к учебе, однако, не стремился, но обладал повышенной восприимчивостью, из виденного-слышанного усваивая столько, что другому на это потребовалось бы специальное изучение.

В ту сумятную запомнившуюся надолго ночь зашили около километра звеньев, поставив таким образом рекорд. Увлечлись настолько, что не заметили прибытия смены, с неохотой уступили место. Вот что значит воодушевление.

Кроме дара повествователя был у Лехи дар слушателя — то, что питало его материалом для собственных изложений. Память у него

отменная. Он помнил наизусть даты рождения и смерти царей, императоров, полководцев древности, их деяния, почерпнутые то с книжной, то с журнальной страницы, знал названия стертых с земли городов, всякого рода зверей, птиц, рыб, растительности Африки и народностей, ее населяющих. Легче перечислить то, чего не знал Лех... Мог рассказать о критической массе ядра урана, проблемах кибернетики и будущем освоении космоса. Даже среди бывалых трассовиков Лех был событием уникальным.

Неожиданно он затосковал, захандрил, и это было столь несвойственно ему, что встревожились о здоровье Ежа. В первую очередь Леха. Впрочем, этот кое о чем догадывался.

Минула злючая, глухая зима, мартовское залихватское солнце раскиселило снега, полноводьем рассинелись дали. Лех в глубокой задумчивости смотрел в южную сторону, где выстреливала мириадами соленых брызг, накатывала на берег волна, пела на разные лады. Там была Феня. А главное, Лех каждой клеточкой обострившегося воображения чувствовал, что танкер сейчас готовится к очередным транзитным рейсам через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, и Феня в полном поварском облачении орудует на камбузе тихохода, и лицо ее пунцово-красно от разгоревшейся электроплиты. По соседству швартуется его каботажное, Арам Исаакович весело покрикивает в мегафон...

И Лех уволился. Огорченный Леха по такому случаю выпил крепко, выпил и задумался. Наверное, размышлял он о неисповедимости человеческих встреч и расставаний.

Когда же Лех собрал неказистый свой багаж, загрустивший абориген трасс взял его сундучок, и пошагали они к парому. Апрельская подсохшая после снеготаяния дорога хорошо прощупывалась ногами, сама вперед подталкивала. Необъятное, цвета лазури небо, разноголосое птичье щебетание провожали Леха.

С переправы Леха вернулся как будто успокоенный, с надеждой какой-то. «Может, сам лыжи готовится смазать?» — предположили мы. Но нет, Леха не помышлял об увольнении. Наверное, Лех пообещал вернуться? Да разве ж оторвешь его теперь от каботажного и строптивой Фени...

Минуло месяца два. В самый разгар лета, межень, когда напивавшиеся вдосталь земными соками хлеба, травы — все растительное вызревало в буйном стремлении продлить племя, Лехе вручили телеграмму: «Отдаем швартовы! Курс — трасса. Лех. Феня». Радости адресата не было предела, он показывал всем телеграмму и приговаривал:

— Ай да Лех! Ай да рыжий! Не забыл скорбящего.

Протекло еще недели две, вестей никаких, и Леха снова приуныл: «Али стряслось чего? Али переиначили?»

Но однажды на дороге, что от переправы, показались двое. В одном из них тотчас узнали Леха. Его спутница — девушка в матросской форменке и настоящей флотской тельняшке, со взбитыми на голове кудряшками.

Мы без труда догадались, что это Феня. Лех ввел ее в круг обступивших:

— Моя жена.

А Феня подтвердила:

— Так оно и есть.

Веселая подобралась пара.

В поселковой столовой вскоре появилась новая повариха, а когда Леха вместе с другими плотниками перебросили на Салым и потребовался там котлопункт, Феня возглавила его — не разлучаться же с мужем.

Котлопункт — главное и единственное представительство общепита на отвоеванном лесном «пяточке». В моменты кормежек самое бойкое на участке место.

С неумело подведенными бровками, с засканными по локоть рукавами, Феня походила на обосновавшегося в наспех сколоченном дощатом домике скворца. Звенел ее задорный голосок.

Но самое примечательное, конечно, — с корабельным уклоном меню: щи по-флотски, макароны по-флотски и котлеты... Ешь не наешься!

Опускалась ночь. Обиходив посуду, Феня переключалась в семейные сферы. Хозяйство у молодоженов немудряще. Быстро справившись с делами, они выбирались под окна дома-временки, и начинался дуэт. Феня играла на гитаре, а Лех пел. Самозабвенно, сердцем. Феня подтягивала про «шаланды, полные кефали», которые в «Одессу Костя приводил», про морячку Соню. К дуэту присоединялись Леха и все остальное мужское население из трех палаток. Слушала самодеятельный хор тайга, слушала ночь...

Километрах в трех от разъезда прижилась леспромхозовская заимка Сурья. Туда наведывались за провизией и мало-помалу установили с обитателями ее контакт. Для закрепле-

ния его решили организовать для леспромхозовцев концерт. Идею подал Лех, остальные поддержали, посчитав нужным разнообразить программу стихами, сценкой из «Двенадцати стульев» — Остап Бендер и мадам Грицацуева, история их печальной взаимонесовместимости. На роль Остапа выдвинули Леху, амплу Грицацуевой долгое время оставалось незанятым, ибо Феня по габаритам не соответствовала персонажу Ильфа и Петрова, а других женщин на участке не имелось. Оставался сурьинский резерв.

Поиски привели на лесопилку, где подавала бревна рамщику здоровенная Анисья Рыкованова. Даже крепкотелый Леха проигрывал рядом с ней в пропорциях.

Растолковали Анисье ее актерскую миссию, обрядили в платье, под стать моде тех времен, и после трудных, но небезуспешных репетиций пошли на риск. Анисья настолько усердно гонялась за Лехой по сцене, сшибала и разбила самодельный реквизит, что Леха застыл и выразил с укоризной:

— Хватит придуряться, Анисья, обсудим по-серьезному: я — холост, и ты одинокая, чего в догонялки играть?

Онемевшая от изумления Рыкованова захлопала растерянно белесоватыми ресницами, ее пшеничное лицо от растерянности вытянулось, нижняя челюсть отвисла:

— Не одинокая я, с дитем. Девятый год Ванятке катит.

— Дите не в счет, прокормим. Я насчет мужика, такое ведь добро пропадает.

— Мужика, верно, нет.

— Вот и я о том же.

Неискушенные зрители, полагая, что так положено по тексту, оглушительно восторжались естественностью такого объяснения. Когда же дошел до них истинный смысл диалога, в зальчике примитивного леспромхозовского клубика поднялся такой невообразимо-восторженный рев, что стены зашатались, готовые рухнуть.

Финалом всего стало соединение Лехи, Анисьи и ее девятилетнего отрока в семью. И это не без содействия Леха, тот проговорился, что сцену из романа и Анисью на роль Грицацуевой намеренно уготовили в жертву Лехиному аскетизму по женской части.

Операция удалась вполне.

Фене на кухню и в самодеятельность тоже добавилась помощница. Что касается вокала, то у Анисьи выявился почти мужской бас, вполне соответствующий комплекции. Если подключалась к хору Лехина супруга, голос ее вмиг перекрывал все остальные, был слышен на заимке. Сурьянцы напряженно слушали и судачили:

— Возгудает Анисья, значит, счастливая. С горя не больно повозгудаетшь...

Между тем на дружеском совете четверо заединщиков решили строить себе дом. Заготовили бревен, досок, и скоро встал на Салыме теремок в старорусском стиле — с резными оконцами, на коньке крыши взмахнувший крыльями деревянный петушок... Друзьям помогли другие плотники, дело решилось споро. И внутри теремка узорчато, ладно — звено к звену, шов к шву. Доказали, что не перевелись еще на Руси плотники-искусники.

Необычно смотрелся теремок среди одно-

образных поселковых строений, веселил глаз. После работы выберутся хозяева на завалинку и под догорающим солнцем затынут:

Есть ли व्यюжное счастье
Во Сибири лесной?
Наше счастье — причастье
К магистрали стальной.
В глухоманные дебри
И сургутскую даль
Полетят, словно ветры,
Молодцы-поезда...

Жизнь трассовая крута в изломах, неожиданна. Валили как-то Леха с Лехом сухостойну для растопки, она и переломилась на несколько кусков, шибанула одним Леха. Потребовалось срочное медицинское вмешательство, а до ближайшей больницы верст семьдесят и притом водой. Леха доставил пострадавшего по назначению на лодке. Удалось эскулапам выходить Ежа. Из больницы к неопишуемой радости дожидającejся троицы вернулся в добром здравии.

Так и живут они в мире и согласии, подпирая друг друга плечами, выручая в большом и малом. И нет для них ничего дороже дружбы, порожденной дорогой, которую они строят.

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ

Между Тобольском и Сургутом, на второй очереди дороги, Салым сразу занял центральное положение, как некогда Мазурово на первой. Из мазуровских туда хлынули многие; еще больше привалило южан: новороссийцев, закарпатцев. Мехколонны передвинулись изпод Тобольска. Отряд строи-

телей подсобрался изрядный, и я осуществил давнюю мечту — создал на Салыме литературное объединение.

Было то осенью. Хмурилось небо над темнотопым, всплошную вставшим за речкой Салым ельником и не менее плотным из-за густого подроста смешанным лесом. В поселке грязь непролазная, без резиновых сапог шагу не ступишь. Ветер — мозглый, холодный.

В СМП и мехколоннах называли мне пишущих, и я принялся обходить их. «Обходить» тут можно применить и как «обхаживать», ибо использовал максимум средств при этом: уговоры, назидания, обещания — чтоб только заинтересовать, собрать хотя бы минимум энтузиастов. Все же на организационное заседание сходились недружно, с ленцой.

Собрались в воскресенье в пустынно-холодной конторе СМП. Рассказал о замыслах. Вы-

брали старосту — шофера мехколонны 39 Виктора Афонина. Название кружка определили — «Магистраль», так же назвали ежемесячный стенной выпуск. Наметили в тот раз и литературные вечера и всякое прочее, посильное в глухомани.

Пробой сил явился выпуск «Магистрали». Вот он передо мной, этот более чем двухметровый ватманский разворот, передовицей оповещающий цель мероприятия: «...повысить нашу культуру, расширить кругозор и научиться мыслить объемней, глубже, оценить во всей звучности, силе печатное слово, прославлять трассу и трассовиков». В номере отличился Лешка Гулак, дебютировавший довольно сносными «Дневниками лесоруба».

Салым Лешка застал с колышков.

...Едва расчистили место под поселок, отрядили нас готовить причалы для барж. Один соорудили, когда появился нарочный — баржи на подходе! В ту ночь не ложились спать. Отужинали — и снова за топоры, за пилы.

К утру и другой причал задействовали. Баржи к нему пристали; разгрузка шпал, рельсов началась. Часто рвались стропы подъемника. Их связывали и обращались потом бережней бережного: запасных не имелось. А речники торопили, каждый час простоя влетал в копеечку.

Кульминация всего — переправа на берег вагонов-думпкаров и тепловозов. Для этого потребовался рельсовый путь. Его собрали, скатили вагоны-думпкары с барж. Остались тепловозы.

Тут полил сильный дождь, расквасив и без того хлипкую почву. Машины застревали.

Съезды с платформ пришлось укладывать вручную. Но вот готово! Запустили тепловозы, и первый из них начал двигаться по «трапу». Только бы не соскользнул в воду, иначе спросится с нас сполна. Однако миновало. И со следующим ТЭМ-1 тоже без происшествий. Дружное «ура!» огласило окрестности. Мы обнимались, подбрасывали вверх шапки. Машинисты тепловозов от избытка радости сигналили во всю мочь.

А впереди ожидалась новая работа, не менее трудная и увлекательная...

Я подробно изложил «Дневники», потому что они — часть биографии Салыма, нашей бригады и этим ценны.

Готовили первый литературный вечер. На репетиции обычно собирались у Виктора Афонина в однокомнатной, с кухонькой, квартирке. Жена его Нина, тихая, миловидная тоболячка, стойчески выносила наши многочисленные ежевечерние сборища. С Виктором они встретились в мехколонне, куда Нину после дошкольного педагогического училища направили заведовать детсадом. Сыграли свадьбу и в разгул весеннего потопа, когда ни поесть нормально, ни поспать, ни обсушиться, когда щиты разобранных домов и штукатурку вылавливали из воды — и прямо на баржи, отплыли туда, где ничего, кроме тайги, еще не было.

В первый раз Виктор мои изъяснения воспринял не то чтобы равнодушно, но настороженно. Сама задумка его, видимо, трогала, но ведь что за человек явившийся? Исподволь

повыведал, кто я и что. Убедившись в давней, не ради почестей и наград, привязанности к трассе, стал моим верным помощником, что называется, правой рукой.

Виктор отличался разносторонностью интересов. Завзятый волейболист (ни один матч без него не обходился), рыбак, охотник. Тогда, в первый раз, застал Виктора отдыхающим после очередной вылазки, еще не сбросившим охотничьи доспехи. Увлекается историей и даже начинал учиться на истфаке университета. Ко всем прочим достоинствам — отличный баянист, компанейский человек и хороший шофер.

На репетициях Виктор обычно восседал в углу комнаты на табурете — массивном, способном выдержать великана; обстановка в квартире самая спартанская: самодельный шифоньер, вроде того же монументального табурета, дешевенькая радиолка на сиротливо-голеньких ножках, не менее простенькая диван-кровать и четырехугольный стол.

Мы располагались кто на чем и кто как, даже сидя на полу.

По праву старшего я открывал заседание, и репетиция начиналась. В узловых вехах представили обзор литературы от Пушкина до Евушенко и Вознесенского.

Афонин взялся читать из Мартынова и Блока, подготовил юмористическую пьеску по рассказу Чехова. Лешке поручили «Горизонт» Светлова. Помните: «Будь я проклят, если не достану эту убегающую даль», знаменитого «Итальянца». Бригадир лесорубов Валентин Кульнев, позже других влившийся в литобъединение, возложил на себя такие несхожие

вещи, как «Анчар» Пушкина, «Стихи о советском паспорте» Маяковского, есенинские стихи исполнял под гитару.

Страстная поклонница лермонтовского «Демона», Аня Варлакова предпочла отрывки из этой поэмы и еще из «Братской ГЭС» Евтушенко. Верке Гулак, пожалуй, самой активной из всех, достался «Суд памяти» Егора Исаева.

Репетиции проводились по кругу. Каждый выступал со своим, выслушивал мнение товарищей и сам становился обсуждающим. В смысле декламаторского искусства превзошла всех Верка, ранее занимавшаяся в студии художественного слова, Аня брала задушевностью.

Подготовка вечера заняла около месяца и беготни, нервоотрепки стоила!..

Первый литературный вечер проводили в столовой — клуба пока не было. Заранее расклеили афиши, даже распространили приглашительные билеты. Во избежание пустой аудитории разослали гонцов по общежитиям, зазвали начальство.

Нас заслушали, и нам хлопали, и мы сами слушали друг друга. И грамзаписи рассказов Горького, стихов Вознесенского. Вечер длился, народу прибывало, не вмещались в просторный столовский зал. Когда марш-бросок во времени и литературе завершился коллективным исполнением под гитару «Гренады», подошел ко мне секретарь парткома СМП Бучнев: «Пока хорошо». Надо было знать осторожного в оценках Алексея Ивановича, а я его к этому времени изучил вполне, чтобы обрадоваться этой скупой похвале.

Как и ожидалось, персонами номер один ста-

ли Аня Варлакова и наша неизменная поборница сцены Верка Гулак, напористая всегда и во всем, выдавшая на одном дыхании главы политически заостренной и вместе с тем большой лирической проникновенности прекрасной поэмы «Суд памяти»:

Вы думаете, павшие молчат!
Конечно, да — вы скажете.
Неверно!
Они кричат,
Пока еще звучат сердца живых
И осязают нервы.
Они кричат не где-нибудь,
А в нас.
За нас кричат, особенно ночами.

Величаяя и тревожная, глухим молчанием насторожилась тайга в ночи, а девушка с косичками звонким, взлетающим голосом обличала виновников минувшей войны и тех, что еще помышляют о новой распре. И ночь раздвинулась будто, а лица собравшихся построжили, и мысли перенеслись к Сталинграду, Курской дуге, штурму рейхстага, к замученным в концлагерях.

«Не быть! Не быть! Не быть распре!» — говорили глаза и лица их. «Не быть!» — подтверждали строфы поэмы.

Следующий литературный проводили уже весной, в клубе. На этот раз обошлось без пригласительных билетов и рассылных по обществам. Народу сразу же набилось столько, что теснились в проходах между стульями. Да и мы сами чувствовали себя куда уверенней. Кстати, этот вечер засняли телевизионники.

В телепередаче участвовали Афонин, Кульнев, Верка Гулак, Аня Варлакова и я. Много-

тиражка управления Тюменьстройпуть отвела нам полосу.

Таким образом, «Магистраль» обрела звучание областное, являясь единственным на Тюменщине рабочим литературным объединением. Позднее о нем сообщил журнал «Юность». Для нас же гораздо важнее было признание салымчан, вначале скептически посматривающих.

Надо отдать должное начальнику 39-й мехколонны Серебрякову, отечески нас опекавшему. Этот очень занятой человек не только интересовался, а и присутствовал на наших заседаниях. На одном из них Лешка Гулак прочитал доклад об украинской дореволюционной литературе.

Владимир Денисович вздохнул:

— Сколько великих имен! Шевченко, Франко, Леся Украинка... Мало еще знаем их творчество. Изучайте все это, пропагандируйте и сами пишите, поглубже вникайте в жизнь.

И мы «вникали».

Лешка Гулак в одном из выпусков «Магистрали» поместил репортаж о Салыме вечером, послетрудовом, где лирика соседствовала с критикой профсоюзной и комсомольской организаций, не сумевших организовать досуга молодежи. Был переизбран комсомольский секретарь. Появились в общежитиях красные уголки. Тряхнули крепко столовую — комиссия за комиссией зачастили из Тюмени. Ускорилось строительство Дома культуры СМП.

Лесоруб Анатолий Ольшевский побывал в качестве спецкора «Магистрали» на участке Карьер. Он рассказал о двух девушках — Тане и Лиде, пекаре и продавце продуктового магазинчика. Не искушенные в жизни, недавно

оторвавшиеся от родительского крова, они сумели остаться привлекательными и мужественно переносили те условия, какие уготовил им Карьер. Зимой ютились в палатке для семейных, разделенных простынями на «квартиры». Печка-«буржуйка» неспособна была обогреть все брезентовое вместилище. Зябли в нем, простывали.

Прочитали материал посетившие Салым управленцы, сам начальник главка Министерства транспортного строительства Казьмин, завернувший по случаю, и такой разгон дали, что палатки вмиг переоборудовали на зимние с двойными стенками и опилом между ними.

Среди печатающихся в «Магистрали» заметно выделился Валентин Кульнев. Придя в литобъединение, Валентин показал свой пока единственный рассказ о парне, сменившем уют города на неудобства строительные, трассовые. По комсомольской путевке тот, как и сам автор рассказа, приехал на Салым с женой и сыном.

Написано образно, психологично, иные места можно цитировать как профессионально исполненные.

Верка Гулак в литобъединении сразу выделялась активностью и как человек с хорошими душевными задатками. Она чем-то напоминала комсомолку тридцатых годов.

Верка быстро вписалась в литобъединение, став незаменимой и при выпуске литгазет: макетирует, клеит, при необходимости пишет заголовки. На заседаниях она — докладчик, критик. Выступила в «Магистрали» с рецензией на однотомник стихов москвича Дмитрия Ковалева. Задорно, молодо и не без знания поэзии советского периода.

Она и стихи писала — нескладные, но звучащие ее, Веркиным, мироощущением. Герои стихов — Веркины товарищи по трассе.

Где солнце с землей смыкается,
Где так хорошо мечтается,
Парни идут усталые,
Веселые и плечистые.
Идут, заверпувшись в шубы,
Поют и насвистывают
Романтики-лесорубы.

Откуда в Верке такая восприимчивость к романтике? Она сама объясняет:

Или раньше была такой,
Или юность меня сманила,
Только стала я бредить тайгой,
Той, что в детстве еще любила,
По ночам не давала спать,
Приходила во сне кострами,
Заставляла стихи писать
Одинокими вечерами...

В дальнейшем слепой порыв, стихийность уступают место четкому осмыслению своей жизни.

Ну и пусть кругом тайга,
Ну и пусть кругом болота,
За романтикой еду сюда,
По-другому сказать — на работу!

Сумела она, эта девушка с косичками, стать настоящим человеком — устремленным, деятельным.

Рабочий люд — Веркина опора, родственная среда, и ей она верна, славит тружеников и труд, которым занята.

Великое дело рождает вдохновение. И мы, захваченные размахом трассы, создали коллективное детище — литературное объединение, доказав, что не хлебом единым жив человек.

ДОРОГА К ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ

Дерево помедлило, покачалось и, словно решившись (один конец!), с хряском накренилось, понеслось сечь плотный встречный воздух, продавило его, стесывая по пути ветви с других деревьев. Замедлилось на миг, встретив коренастую, с курчавой вершиной сосенку, ухнуло в снег, взвихрило бе-

лесую пыль и словно успокоилось.

— На сегодня хватит,— заглушил «Дружбу» Фесенко и снял с головы каску, откинув защитное забрало с вырезом для лица.— И вообще до понедельника хватит. Которую неделю без выходных...

— Лично я за,— поддакнул Лешка Гулак.— На рыбалку прошвырнемся.

— Можно и на рыбалку,— согласился бригадир.— Как ты, Миша?

— Я, пожалуй, пас,— сощурился от пронзительного, прострельного света, какой бывает только зимой, Миша Варлаков, на этот раз исполнявший роль сучкоруба.— Семейные дела. Как-никак, отец.

— Дело хозяйское,— Фесенко вскинул «Дружбу» на плечо, и они пошагали в сторону палаток, выбрались к Салыму — двум бревенчатым баракам, такому же бревенчатому, руб-

леному магазинчику и выдававшемуся бугром-крышей овощехранилицу.

Карьер, откуда брали грунт для отсыпки полотна, был на отшибе, за сосняком. Оттуда выползал состав с вагонами-думпкарами, нагруженными песком. Привычная картина. Она не занимала, скорее раздражала однообразием, монотонностью.

От реки навстречу ребятам направилась лыжница в ярко-красном свитере, спортивных брюках — довольно стройная, длинноногая. «Рая Фесенко», — догадался замыкавший процессию Миша. Соскучилась по Валентину. Немудрено, неделями в разлуке, вдобавок жилищные неудобства... Ютятся в избушке настолько тесной, что койка едва умещается. Пятилетний Сенечка прямо с нее перекочевывает на стол, со стола на табурет, избегая таким образом холодного щелеватого пола. И детсада нет. Кто за Сенечкой присмотрит, если оба на работе? Рая на время оставила преподавание в школе.

Вдобавок ко всему производственные завыски; похоже, что весь СМП в тупике.

Уповали вначале на организационный уставочный период, но он миновал, а улучшений не наступило. За полгода не отсыпали даже подъездную к трассе ветку. Тепловозы вхолостую жгут горючее, обслуживающие бригады получают тариф, в то время как доставленный из забоя песок смерзается в кучах. Беспорядок родил недовольство, а затем и текучку. Увольняются поодиночке и вгрупповую, взамен отчислившихся вербуют новые силы — и круговорот продолжается.

«Я за поезд не ответчик, пусть другие расхлебывают, — размышлял Миша. — Мое дело де-

святые... Подальше от царей, так голова целей». В нем после женитьбы и особенно появления дочери проявился домосед: обед готовил, мыл полы в квартире, стирал пеленки, нянчился с Жанной (имя для дочки он вычитал в подвернувшемся французском романе и загорелся им, Аня в конце концов согласилась).

Миша завернул за угол барака. Аня с Жанной сидела на крылечке. Лицо ее разругалось от мороза, помпловиднело. Она смахивала на девочку-подростка, заждавшуюся после школы родителей.

— Так рано? — удивилась и одновременно обрадовалась она. — Или ненадолго, попроведать?

Миша объяснил.

— И хорошо, что отказался. Без рыбалки дел хватит. Подержи-ка, — она протянула дочку мужу, — я сбегая белье в стирку соберу...

На Карьере Аня занималась устройством жильцов, их постельной амуницией, обогревом помещений — всем, чем только может заниматься комендант на подобного рода «пяточке».

«Личная проблема», похоже, разрешилась, и Аня радовалась этому.

Тем временем Валентин с Лешкой, по примеру Раи, встали на лыжи, скатились на реку по твердой, как асфальт, наезженной лыжне. От вмерзшей в лед баржи метнулся заяц. Снежная крутинка на взъеме берега обвалилась, и косой кувыркнулся обратно, стреканул по лыжне со скоростью чрезвычайной. Лешка свистнул ему вслед, и все трое рассмеялись. Солнце разбивалось на мириады разноцветных искр,

смешавшихся в панообразный меняющийся калейдоскоп. Пригнетенные снегом лапы елей легли одна на другую, образовав сужающиеся кверху пирамиды. Сосны и те сквозь белые шапки снега ухитрились похвастать незаносенностью хвои. И вносили легкость, домашнюю обжитость — не тайга, пригородная зеленая зона! — в эту древесную сплотненность оголившиеся березки.

Лешка зачерпнул горсть переливчатых искр под погами, подбросил вверх и прогорланил:

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!..

— Тебе-то что за горе — вдвоем с Веркой, хлопот никаких, — заметил Валентин.

— Вдвоем, а не всегда лад. Ей бы только частушки-плясушки.

— И хорошо. К самодеятельности у Верки призвание, — вступилась Рая.

Снег отблескивал, играл разноцветьем, и падал с неба оранжевый, яркий до рези в глазах дивень — солнце не скупилось на щедроты. Тайга дородно, статно, как боярин в шубе, располагалась по берегам, и хорошее настроение вновь овладело Лешкой. Он лихо подкатил к своему щитосборному в поселке, сбросил лыжи и, возбужденный двенадцативерстной дистанцией, ввалился шумно в дверь, облапил жену ручищами, поднял. Она обняла его за шею, прижалась, и Лешка ощутил на лице теплую влагу.

— Ты плачешь?! Вот дурашка, ведь я с тобой, — растерялся он, привыкший видеть жену беспечной, неизменно веселой.

— Да так, ничего, — Вера улыбнулась. — Это от радости.

После ужина ушла в клуб: из Тюмени привезли новые инструменты — комплектовали духовой оркестр, готовили концертные номера. Лешка уткнулся в «Опыты Монтеня». Тихо, сумрачно, как в часовню, вкрался в комнату вечер.

Лешка выбрался на улицу, и привычный фон — шаги, разговоры, стуки — успокоил, взбодрил.

В избушке у Фесенко светящееся оконце. Возле Валентин колот дрова. Он ставил толстый кругляш «на попа» и разваливал на две половины, каждую щепил еще на две, пока не оставалась от кругляша горка поленьев. Тогда перебрасывал их в общую кучу. Тем же манером ставил другой кругляш, и операция повторялась. Лешка со стороны наблюдал точные действия.

Валентин давно заметил его, но ждал, когда «расконспирируется». И Лешка, озябнув, придвинулся ближе.

— Я без особой нужды. Дышу.

Они втиснулись в избушку, заполнив ее до углов.

С пунцовым, разгоревшимся лицом Рая вошла у плиты. Сенечка суетился у нее под ногами. Ни минуты угомона.

Тут Рая бух на стол сковородку с популярным нынче хеком, чайник, посуду. И пир закипел.

В прогретом, парном воздухе жарко было здоровяку Лешке, но отчего-то приятно, томно, и он желал только одного — побыть здесь подольше.

Утром Валентин с Лешкой отправились на озеро. Недавние бураны оставили на тропе сугробы, в иных местах такие навесы с деревьев протянули, что чувствовали себя ребята в этих лабиринтах потерянными для всего человечества. Но состояние придавленности улетучилось, как только открылось озеро, принявшее на себя всю яркость солнца, и потом ширь, открытость пространства — уже сами по себе вдохновение. Недаром же у моря и в степи думается свободней, легче.

Выбрали заводь, достаточно глубокую и укромную, чтобы надеяться на улов, продолжили лунки и настроили удочки. Не успеют забросить — уже клюнуло, потянуло ко дну. Окунь-ровнячок с желтыми, как навощенными, боками и вызывающе красными плавниками, из темной глубины очутившиеся на свету, выгибались круто, подскакивали, облиная снегом, как мукой, и оставались лежать отвердевшие, прямые, с разинутыми ртами и удивленно выпученными глазами. Горки их возле лунок высились.

— Не чета хеку. То-то ушка сварганится, — предвкушали промысловики. Лешка выдавал в унисон обстановке:

Комариный край! Болотный край!
Только ты, дружок, не унывай,
Свой дорожный скарб подсобери.
А маршрут? Найдешь его в пути,
Если только комариный рой
Не заставит в сторону уйти.
Там поймешь всю емкость слова «друг»
И пожатые крепких, сильных рук,
Песни народившейся куплет,
Чей-то позабытый всеми след.
Может, оборвался он в пути,
Должен ты продолжить и дойти...

На ночлег расположились в зимовье у незамерзающего ключа; падая из-под древесных корней, тот разводил у берега мокреть. В зимовье мертвецки холодно. Но круглая, из железной бочки, печь-«буржуйка» распространяла приятное, размаривающее тепло. С обметанного инеем потолка закапало. Валентин и Лешка, оба сведущие в поварстве, варили уху из непотрошенных окуней, полагая, что такая она — истинно рыбацкая. Пробовать не пробовали, но слышать слышали.

И в самом деле уха, приправленная перцем, лавровым листом, получилась на славу. Хлебали при свете свечи да похваливали.

Надолго еще сохранится в памяти эта уха, ночь на озере... И, может, именно тогда, за пустячными, незначащими занятиями, отточилось мнение о непростоте жизни, отчетливей, заметней увиделось главное.

Когда занялась зорька рассвета, они растопили полуостывшую «буржуйку». Зорька обливяла, переселилась в небесную лазурь с молочным оттенком. Ключ уживчиво, незлобиво ворковал между корней старушки сосны и плескал, плескал в раскруг наледи. Набрав воды, друзья запустили в котелок оставшихся окуней и стали ждать, пока закипит. В проеме печи трепыхал, озоруя, силясь вырваться из тесного замкнутого пространства, огненный мотылек.

Если долго смотреть на огонь,
Может что-нибудь показаться.

Для своих лет Валентин с Лешкой были достаточно умудрены: начало трассы; пуск первого поезда — радость и торжественность, царившие тогда; бросок на Салым... Ну и, конеч-

но, женитьба... Обо всем этом думалось сейчас... Прошлое представлялось так же ярко, непосредственно, как этот живой, немеркнущий огонек в проеме печи. Довольны ли они жизнью? Да! Но им хотелось более благополучной обстановки на Карьере, без затянувшихся неудач с отсыпкой и ненужной валки леса для временных шпал. Их, нестандартные, непрокреозотепные, все равно заменять придется. Напрасная трата сил и заодно государственных средств. Отсыпка почти прекратилась, а Говоренко на участок не появляется, и никого из конторских не видно. Тишь и сонность воцарились па Карьере. Жизнь теплится едва-едва, запрятанная в палатки и бараки...

Отвлек их стук двери. Стремительно, с лета, вместе с нахальными клубами холода в зимовье ворвалась Верка.

— Новость! — бросила с порога. — Все бригады на прорубку трассы до разъезда Самсоновский, приказано до половодья разделаться с этим.

Ребята посерьезнели. Валентин, уже сворачивая по-походному удочки, обронил:

— Проснулись...

И еще заметил он, как расцвела, просветлела при виде мужа Верка, и подумал, что не одно только сообщение погнало сюда «артистку».

Действительно, все бригады бросили на прорубку трассы, пополнив их плотниками, механизаторами, как когда-то в Мазурово на звено-сборке, только масштабней, количественней. Фесенко снова воспрянул, предложив бороться

за звание коллектива коммунистического труда. Мы согласились, водрузили на видном месте у лесосеки оповещающий транспарант: «Здесь трудится бригада...» и т. д. Натянули кусок кумача между деревьями на высоте. Старались вовсю.

Рассвободившееся от зимнего скова солнце пронизывало пространство сверкающими нитями. Куда январю до лихача-марта! — подросток в коротких штанишках! Празднество света! Снег стал оседать, повлажнел. Целый день в нем мокрые по пояс. Но надо! Не хныкали.

В разгар прорубочного бума посетившие Салым телевизионники попросили сопроводить их на трассу. Добирались на передвижной радиостанции, приспособленной для пассажирских перевозок. Трясло невероятно. Бросало из стороны в сторону так, что телевизионники всерьез опасались за аппаратуру. В одном месте едва не булькнули в речку. Но так или иначе достигли нужного пикета. Увидели выцветший, отбеленный солнцем транспарант (добыча телевизионников!). Хмельной ветер весны свирепо играл им, то выгибаясь вкрутую, то приопуская. Казалось, транспарант и существовал для противоборства с незримым буяном.

Гуьком по тропке (чуть оступился — и в мокрой снежной каше) выбрались на просеку. До соседней бригады рукой подать. Все напоминало Мазурово, с небольшим отличием ситуации и более угрюмого хвойно-болотного ландшафта, но настроенность та же самая — победить, справиться!

...Телевизионники уже выбирали эффектные ракурсы валки леса, снимали «дружбис-

тов», склонившихся над бензопилами, а я вглядывался в сияние дня, вслушивался в шуршание оседающего снега, трогал набухающие на ветках почки и радовался: конец зиме!

Беспорядок на Карьере продолжался до тех пор, пока не поставили начальником СМП Петухова.

Вначале он мне не понравился: занудливый какой-то, бюрократам показался. Но впечатление оказалось ошибочным: Петухов из породы кропотливых, нешумных, и уж коли возьмется — доведет дело до конца.

Никак не ладилось у него с Карьером. По всем расчетам участок этот перевешивал на самостоятельность, на отмежевание от поезда. Обстоятельно изучив, сколько он занимает людей, техники, Петухов приехал к Коротчаеву и выложил доводы. Командарм согласился, но кому передать? В кармане ведь не спрячешь, не свернешь такой крупный и необходимый трассе узел.

Решили передать другому строительному подразделению, располагавшемуся неподалеку от Карьера. Встретились с руководителями, поговорили подробно, и судьба участка решилась. Поезд сразу взбодрился, воспрянул — из отстающих в передовые. Но готовилось это «сразу» год-полтора. Пришлось почистить конторских и командиров на местах, произвести кой-какие перестановки среди рабочих.

Оказалось и работы достаточно, и кадры нашлись толковые.

Из молодых заметно выделился Алексей Пелипенко. Он начинал в свое время еще в Ма-

зурово, путейцем. Отслужив в армии, приехал на Салым к своему закадычному другу Валентину Фесенко и, после того как Валентин пересел снова на мотодрезину, заменил его.

Весной 73-го мехколонны сдали враз под укладку десятков километров полотна. До распутицы потребовалось пройти их. И вот под старшинством Пелипенко бригада совершила ударный марш-бросок, напомнивший по стремительности мазуровские предпусковые дни, когда день и ночь перемешались воедино — в работу!

Летом, в межень, в самую жару, действовали ночью — вели подштопку: вываленный из хопров-дозаторов гравий уплотняли между шпалами, подбивали под них, приступая ногой на штопку, похожую на узкую деревянную лопату с одной уцелевшей половинкой. Операция несложная, но выматывающе-однообразная. Но как бойко, оживленно становилось на выправке путей, когда с ломами рассредоточивались вдоль рельсов. Крупноглазый, светловолосый Пелипенко, выдвинувшись перед позицией и пристреляв рельс глазами, командовал:

— Пра-ава взяли! Еще дружно!

Голос с хохляцким акцентом и неожиданно резкий, властный для тонкой, почти девической фигуры Алексея.

В воздухе вихрящаяся комариная толчея, мошки. Кажется, воткни ложку — будет держаться на весу, так она густа, эта толчея. Спасались от гнуса «Дэтой». Натрешь лицо, шею — гнус в волосы лезет, приходится и волосы кропить бесцветной, едучей жидкостью.

Всходило солнце. В прохладе утра его еще не видно, а уже ровно-светло. Солнце показы-

вало раскаленный огненный край сразу, без зари, и крупно, картинно повисало в голубеющем просторе неба. На него можно было смотреть, не отрываясь и не жмурясь. Очень добродушное, спокойное солнце Среднего Приобья. Оно ли не поэзия, не романтика! И еще такие восходы без зари! Белые ночи Салыма! Кто их не наблюдал, тому не втолкуешь их прелести! А обеды на вольном, густом и тяжелом от прохлады и легкой сумеречности воздухе, прямо на полотне, когда сиденьем служат рельсы, а столом — полотно с насыпным гравийным покрытием!

Почему-то располагались обедать именно на восходе солнца. Вдвойне вкусным казалось сало с обыкновенным черным хлебом, с обыкновенным крутой заварки чаем. А кое-кто прихватывал в термосах кофе, какао. Деликатесом же считалась сушеная или вяленая рыба. Любители рыбалки так умеют ее, слегка подсоленную, завялить под солнцем, что и без пива губы оближешь.

К таким любителям относился и Анатолий Ольшевский, мой воспитанник по литобъединению. Много еще было в нем неустоявшегося, остроугольного, но вместе с тем располагающего, доверительного.

Толю с мальчишества воспитала улица. Он рано узнал многое такое, что обычно приходит с возрастом. Рано узнал работу, рано узнал драки, девушек, вино. И рано к нему пришел опыт самостоятельного мышления. Вместе с тем Ольшевский остался очень добрым, непосредственным, очень общительным и легко ранимым парнем. Он остро воспринимал и производственные неурядицы, и ситуации чисто бы-

товые, домашние. Казалось, не удержится Толя на Салыме. Но он не только выстоял — выдвинулся среди путейцев. Был даже бригадиром на Карьере.

Именно там, в то время познакомился он с Ларисой из котлопункта и в свои двадцать один год обзавелся семьей. Вызвал с «большой» земли мать, и зажили они сообща. Я часто навещал их, о многом разговаривали, и чаще других звучал у Толи вопрос:

— После Салыма куда еще стопы направить? Где все только начинается?

И я называл адреса новостроек, сомневаясь в том, что так скоро покинет Салым приростший к нему прочно Ольшевский. Да и не просто сняться с места семейному человеку. В бригаде Толя работал вместе с Ларисой. Очень это славные люди!

Как и подобает товарищам, обедали мы вместе и отдыхали тоже. Днем кирпично тяжело расприставалась жара. Спасение от нее — озеро. Весь неработающий в это время Салым выбирался туда, а уж что делалось в воскресенье! И на деревянных мостах для гидросамолета, и на берегу — всюду отдыхающие. У многих лодки — весельные, моторные. И каждый стремился продемонстрировать ход, посадку, прочие достоинства своих посудин, зачастую самодельных.

Пальма первенства единогласно доставалась аккуратной и в ходу легкой лодке Лехи и Леха; у Фесенко она, соответствующая его штангистской силе, — двухвесельная, раздутая в бортах «фелюга».

Нередко мы брали с собой Сенечку, у которого обнаружился дефект ножки, и врачи

порекомендовали чаще бывать с ним на воздухе, и утягивались в дальний затишек озера. Располагались под ивами. Валентин в то время сдавал экзамены за вечернюю одиннадцатилетку, так что заодно листал учебники. В Мазурово Валентин появился чуть разбитным, даже легковесным парнем. В нем жило еще кое-что от юности и отрочества, поверхностное, но трасса учит, воспитывает. На глазах, как-то очень ускоренно, Фесенко повзрослел, посерьезнел, я бы даже сказал, поумнел. Отчетливо проявилась в нем его рабочая закваска. На жизнь стал смотреть основательней, глубже. На все его хватает: на труд, на семью, на общественную работу — по-прежнему ведет на Салыме секцию штангистов и сам участвует в соревнованиях. Одно время приуныл было, захлестнутый учебой, домашними заботами, да еще на производстве не ладилось. Но выправился, экзамены сдал, победило в нем его нравственное, здоровое. Или это труд оберегает?

Осенью того года шли занудливые дожди. Мехколонны остановились. Отсыпать в ненастье нельзя и укладывать звенья, следовательно, не на что, нет полотна. Поэтому балластировали уже готовые пути. Балластировали и выправляли их — старая, знакомая нам, как детство, операция.

Среди путейцев Миша Варлаков и Толя Ольшевский с женами, супруги Гулак. И еще, еще близкие, дорогие мне люди, всех разве перечтешь! С каждым что-то связывало, объединяло. И вот предстояло расстаться, я уезжал с первым десантом в район Нижневартовска.

Когда еще увидимся?! И глаза застлала теплая, солоноватая влага.

До встречи за Сургутом!

До соединения Салыма с Обью оставались лишь месяцы.

Нижневартовск мне сразу понравился. Едва ступив с самолета на землю, ощутил напряженный ритм здешней жизни, более напряженный, чем где-либо на Севере. Он угадывался в беспрерывном, почти вереницей, движении автомашин по самотлорской стокилометровой бетонке и в самом городе, в рождении новых микрорайонов, в благоустройстве улиц, полыхании газовых факелов, окрашивающих ночное небо в тревожные багровые тона. И еще в чем-то подспудном, неуловимом. Во всем была своя — нижневартовская атмосфера, свой — нижневартовский психологический климат, хмельящий и возбуждающий. Все двигалось, громыхало, спешило.

Понравилась планировка города. Начиная от центра, улицы разворачивались веером, и было в расположении домов, в общей открывающейся панораме ощущение легкости и простора. А встающее по ночам зарево от газовых факелов придавало городу непреходящую фронтальную напряженность. Тем более жизнь в нем не унималась круглые сутки. Днем и ночью, через точные временные интервалы уходили от автостанции вахтовые автобусы на буровые и возвращались обратно с пересменки.

Железнодорожники обосновались на отшибе от города. Туда домчал меня попутный грузовик, и первым, кого встретил я в начинающем-

ся щитосборном поселке, был Генка Вальцев. Мы обнялись крепко, и посыпалось обоюдное:

— А когда? А что? А кто?

Начиналась новая полоса нашей рабочей жизни.

Немного предыстории по поводу завершающего этапа стыковки Салыма с Обью...

Почти одновременно с СМП туда, на 510-й километр, пришвартовалась из Надцов, что под Тобольском, 39-я мехколонна. Имелась в мехколонне заезжая комната, в которой останавливались командированные из треста. В один из дней марта я застал в ней начальника производственного отдела Уралстроймеханизации Фрейдина. Поздно, очень поздно возвращался он с отсыпки на Самсоновском болоте, порой раздраженный, злой. В поселке он знал всех и его каждый, приглашали в гости. В свободное время Фрейдин включал приемник, благодаря чему я открыл в Якове Ильиче меломана. Он не мог без музыки, выискивал ее на волнах нехитрого по конструкции, эксплуатированного-переэксплуатированного, на тонюсеньких ножках, радиосооруженьца.

По отдельному такту, гамме определял, откуда и какая мелодия. В майке, синих брюках-трико, возбужденно-сосредоточенный, расхаживал по комнатке с желтыми занавесками на окнах, а то ложился на койку, устремлял взгляд в потолок, точнее, в никуда, и слушал, слушал. В такой момент для Фрейдина, видимо, раздвигались горизонты и мысль обретала простор. И, возможно, видел он взмахивающего дирижерской палочкой Максима Шостаковича, воз-

можно, слушал искрометные вальсы в исполнении самого Штрауса, прогуливался в Подмошковье с Чайковским...

Понимая это, я не прикручивал катушку громкости.

Похоже, что от общения с Фрейдиным иначе стал воспринимать музыку. Музыка — борьба. Музыка — само существо человека. И казалось тогда, что не на 510-м километре я, в окружении тайги и болот, а на главной, ведущей струе цивилизации. Все здесь очищено от мелочей, суеты. Все важно, значимо...

...Выбирались на отсыпку. Сплошь в золотисто-оранжевых нитях, пропаханное слитными солнечными потоками пространство высветливалось в сплошное слепящее безбрежье, отраженное от снегов или утонувшее в них, если снега в тени. Бодрило, радовало, будило давно позабытые ощущения.

На Самсоновском болоте укатанная до твердости асфальта широченная, как автострада, — нет, шире! — полоса. По ней в три-четыре потока стремились самосвалы: битюги МАЗы, юркие ЗИЛки, реактивно гудящие, властные и неуклюжие, как слоны, КраЗы. От Карьера и обратно, с грунтом и порошние. Тут соавторство едва ли не шести-семи мехколонн — зрелище грандиозное, мощь сплотившегося металла. Не то что лесорубы с дедовскими секирами.

На трассе Фрейдин менялся. Сентиментальности как не бывало. Голос резкий, приказной.

— Почему не видно машин тридцать девятой? Как нет горючего? Сполна завезли, я вчера проверил! — И он мчался на участок 39-й.

Появлялся ненадолго в Карьере и опять туда, к месту отсыпки. Что-то у 39-й не ладилось.

А владыка-солнце прожигало, слабило снега. Приходилось спешить. И что удивительно, обнаруживается в таких случаях в людях неведомое какое-то состояние — не энтузиазм, не вдохновение, а скорее терпимость к перегрузкам, одержимость и дополнительное дыхание. Справляются с, казалось бы, невозможным.

Справились и в дни долгожданной стыковки Салыма с Обью.

Снова был прислан на аврал Фрейдин. На этот раз он жил в вагончике, прямо у линии отсыпки, где намечалась встреча строителей. Корректировал оба фланга, стараясь использовать своих людей так, чтобы сберечь их для будущих доделок, неизбежных при такого рода штурмах и наступлениях. Ведь и у силы есть пределы.

Как-то отправился в Карьер с Виктором Афониним, спросил по пути:

— Не надоело?

— Наше дело солдатское, — Виктор еще плотнее припал к баранке КраЗа. — Надоедает дома. А как только сядешь в кабину, сразу сомнения прочь, мысли только о деле.

Он заметно похудел, скулы обметала щетина. Вторую неделю шоферы не были в поселке, и заявление Афонина о домашней скуке Яков Ильич воспринял как самоутешение. Но тот продолжал:

— Давно я ждал этого момента. Да и не один я, все наши мехколонновские, и сейчас, когда он наступил, не пожалеем себя...

И шли, шли КраЗы, ЗИЛки, «Татры», нагоняя упущенное в дождливую непроезжую осень.

Им еще долго предстояло идти и после пуска поезда до Оби, митинга на 575-м километре, чтобы выполнить объемы отсыпки, которые, кроме них, никто не выполнит и без которых дорога на Север еще не дорога. Виктору Афонину предстояло припадать к черной эбонитовой баранке реактивно гудящего КраЗа, сутулиться на ухабах, чтоб не удариться головой о верх кабины; Фрейдину предстояло неделями находиться на трассе в отрыве от семьи и цивилизации, втайне тосковать по концертным залам большого города и довольствоваться примитивным радиоприемничком; начальнику 39-й мехколонны хватало по горло проблем. И всей мехколонне год еще пребывать на Салыме. И еще год длиться упорной, непрестанной схватке за тюменскую магистраль на второй очереди ее.

Со стороны Оби путеукладку вел Мохов. А для усиления звеносборки вызвали из-под Тобольска прославленную бригаду Виктора Молозина. С ходу, без вживаний в обстановку, взялась она за электробойки, стрекот их далеко огласил набережье суровой северной реки.

Рельсы в то время обрывались у Балыка. Там собрались усть-юганцы: Панин, Соколов, Боголюбов. Был там и Фрейдин. Тяжеловесный, корпусный, в черной дохе, нараспашку, он разговаривал с Моховым. Речь шла о песчаной подушке.

— Мы ее потом за полмесяца положим. Не прекращать же укладку...

— Начальству видней, — по-своему, дипломатично рассудил Архип Аполлонович. — Нам знай звенья подавай, мы хоть вброд через реки и озера.

— Будут звенья. Молозинцы не подведут, — вмешались усть-юганцы. — Только с вертолета — и уже шьют. Дело теперь за вами. Докажите, что тоже не лыком шиты.

— Докажем. Не сомневайтесь, — обнадежил ветеран-орденоносец и посмотрел пристально в ту сторону, откуда ожидался тепловоз со звеньями.

Их явилось сразу два, со сцепами для платформ. И моховцы укладывали ночью, по забыв о сне, пока не состыковались с соседями. Провизию им подбрасывали тепловозники.

Аня Варлакова в те дни трудилась на звеносборке у Ивана Арсенюка, объявившегося на Салыме сравнительно недавно. Сперва Арсенюк, этот на редкость шустрый, говорливый хохол с пышным завивающимся чубом, обратил на себя внимание частыми заметками в управленческую многотиражку. Купили в складчину костюм парню из бригады — заметка. Помогли отделать дом Лехе и Леху — заметка. По поводу путеукладочного марша под руководством Пелипенко опять материал в газетку.

А сколько их было написано по поводу контрольно-экономического поста, который Арсенюк предложил создать! «Гайка три копейки стоит, костыль — шесть, болт — тридцать пять. Скрепления для звеньев тоже денег стоят. Но сколько еще теряется их, разбазаривается, попросту тонет в грязи. Давайте беречь государственное достояние», — призывал Иван.

К Арсенюку отнеслись поначалу недоверчиво, даже иронично: мало ли перебивало героев на час! Недели, а то и месяцы доброты доб-

рохотами. Потом вдруг начинают блекнуть, тускнеть и, смотришь, списались. Трасса с ее угнетающе-однообразной повседневностью быстро лишает иных энтузиазма. Но Арсенюк оказался из цепких. Не расхолаживался, не отказывался от начатого. По-прежнему после смены строчил заметки, придавая самому что ни на есть обыденному значительность. Другими словами, романтизировал обстановку. А главное, умел работать под стать бывалым трассовикам. И когда Пелипенко, защитившего в техникуме диплом, перевели в мастера, Арсенюк принял бригаду.

И вот теперь они действовали на звеносборке. Не впервой Ане бить костыли, она это делала не хуже любого путейца, но Арсенюк сказал: «Несподручно тебе, ты женщина. Будешь размечать краской рельсы для раскладки по ним шпал, разносить скрепления вдоль пролета». И она втайне обрадовалась: чувствовалась подкатывающая усталость, а момент такой, что отдыхать некогда.

Стыковку наметили приурочить ко Дню Конституции. Время, следовательно, не ждало, и оперативная группа во главе с зычногосым Лазаревым была активна, наступательна. На звеносборку, правда, наведывались редко, зная, что в порядке там, без заминок. Больше напирали на мехколонны, потерявшие из-за ненастья август и половину сентября и тщетно пытавшиеся войти в необходимые графики. Вести с укладки неутешительные: «Усть-юганцы еще на восемьсот метров приблизились, а наши лишь триста осилили. Все еще раскачиваются». Назавтра: «Мохов на полтора километра продвинулся, наши только девятьсот

метров дали. Копуши!» И далее в таком роде, вплоть до кануна стыковки. 27 ноября все звенья были зашиты, Арсенюк рассудил так:

— На помощь нашим в голову укладки пойдут желающие, всем отпраляться нет надобности, да и вкалывать придется на полную катушку. Завидного мало. Но иначе нельзя, последняя пятидневка решит все.

Аня вызвалась в число добровольцев. Вместе с Мишей, супругами Ольшевскими и Гулак соединяла стык за стыком, выправляла только что уложенные пути, рихтовала их. Люди рвались вперед, торопились связать воедино стальную нить. По ней хлынут грузы для нефтяников, геологов, строителей.

Наконец стык. Мохов с путеукладчиком уже ждал. Две металлические громадины сошлись лоб в лоб. Рельсы на стыке не совпали, пришлось их опиливать, подгонять. Делали это Мохов с Арсенюком. Остальные путейцы, и не только путейцы — шоферы с вытянувшихся вереницей самосвалов, начальство — столпились вокруг, перебрасывались шутливо:

— Семь раз отрежь, один раз отмерь.

— А я думал, здесь коньяк по случаю торжества разливают.

— Перебьешься на воде.

— А мне побриться, подстричься треба.

— Газуй на Обь курьерским, экспрессом, там парикмахерская.

Аня слушала, и ей было весело. А потом над скоплением людей и машин закружились, застрекотали вертолеты. Приземлились на заранее расчищенный «пяточок». Из одного вышел Коротчаев, следом за ним редактор журнала «Юность» шеф трассы Борис Полевой, еще

гости. Полевой был в берете, а мороз за тридцать, хватал за уши. Писатель только посмеивался, потирал уши и вышагивал бодро вдоль последних стыковых звеньев. Ему вручили молоток. Поплевав на ладони, Полевой сжал рукоятку так, как мог сжать непосвященный, но физически сильный человек, — ухватисто, припечатанно к рукоятке. Ударил раз — мимо, второй раз — точнее, а с третьего замаха блестящим зеркальным глазком шляпки посмотрел костыль из шпалы. Гул одобрения пронесся по толпе: «Может фронтовик! По-нашенски действует!»

В суматохе не обратили внимания на подлетевший спешно голубой ЗИЛок-самосвал. Не обратила внимания и Аня. Но двинувшийся напролом к эпицентру событий водитель дакнул ее плечом, и она машинально оглянулась. Ей показалось, что это мираж, сон — не иначе: перед ней стоял Анатолий. Он мало изменился, только суше стал, выше, и к уголкам губ пролегли две резкие складки.

Толпа, прихлынувшая к трибуне, с которой Коротчаев открыл митинг, разъединила их. И Аня больше не вспоминала об Анатолии. Из речей узнала она: «железка» от Сургута не только на Нижневартовск, а и на Уренгой продолжится — до самого Ледовитого океана. Там неисчислимые запасы газа.

Освоение недр Заполярья немислимо без транспортной артерии. Масштаб строительства будет неслыханный, отечественная история такого еще не знала. Все только начинается. Сделана лишь малая толика, и вряд ли одно наше поколение довершит все. На смену нам придут молодые.

Под аплодисменты собравшихся Коротчаев сказал: «Вот сейчас он появится, сегодняшний именинник».

И точно: показался из-за поворота состав, заиндеветый, внушительный в кумаче плакатов и транспарантов. Под торжественные, напевные гудки тепловозов затормозил на месте стыковки, и машинист головного ТЭМ-1 отдал рапорт о благополучном прибытии.

Аня смотрела, слушала, и ей было хорошо, как никогда. Многие из тяжело пережитого показалось сейчас несущественным. Главное — вот она, «железка»! Есть выход в нефтяные широты Среднего Приобья! От Сургута дорогу отделяет лишь Обь, через которую возводится мост-гигант. Скоро он будет готов.

К ней, затерявшейся среди многолюдья, толкотни, протиснулся Миша.

— Не враз тебя сыщешь.

Она ответила со смыслом:

— Но ведь нашел же.

— Нашел! И больше уж не потеряю.

Взявшись за руки, они пошагали к дрезине, где собралась вся наша бригада.

Было 15 часов по Москве. Третье декабря 1973 года. Мороз крепчал, и в тайге то и дело стреляли стынущие деревья.

Трасса Тюмень — Сургут — Нижневартовск.
Февраль 1966 — декабрь 1973 годов.

СОДЕРЖАНИЕ

Две свадьбы	3
Капитан	33
Карьера Николая Панина	42
Испытание на прочность	61
Преодоление	70
Первый поезд	85
Кошурниковцы	93
Главный	107
Трасса живет	120
Леха и Лех	128
Литобъединение	143
Дорога к Ледовитому океану	152

ВИБИЗНИНЕВАЛТОВЕК

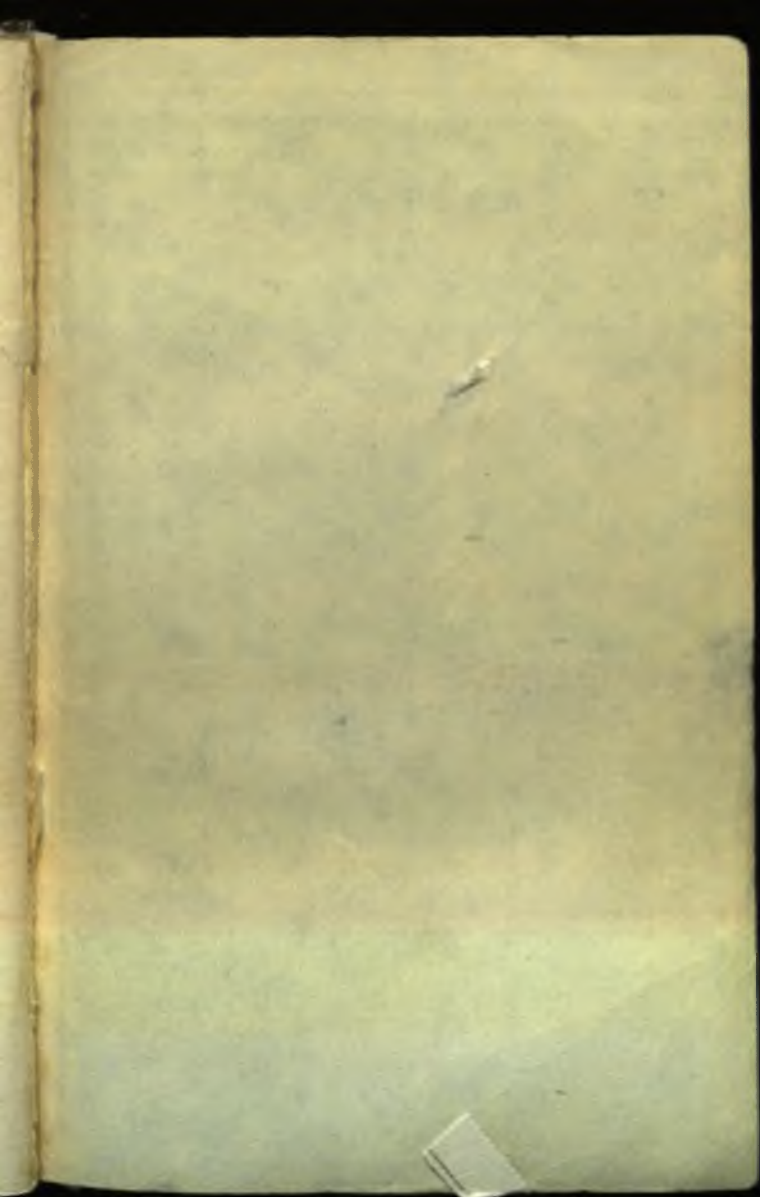

№1805711060

Николай Павлович Смирнов
1000 ШАГОВ К САМОТЛОРУ

Редактор **Н. И. Трубникова**. Художник **Ф. И. Божко**.
Художественный редактор **Г. И. Кетов**. Технический редактор **Н. Н. Заузолкова**.
Корректоры **А. Н. Винокурова**, **А. Г. Богородская**.

Сдано в набор 20/XII 1974 г. Подписано в печать 17/III 1975 г. НС 28423. Бумага типогр. № 1. Формат 70×90¹/₃₂. Уч.-изд. л. 6,6. Усл. печ. л. 6,4+0,29 вкл. Тираж 15 000. Заказ 684. Цена 26 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

32

26 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1975